ПИОНЕР 10

ОКТЯБРЬ ● 1972 ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Пропел горн.
И встал твой отряд.
Все отряды твоей дружины.

И на соседней улице встали пионерские отряды, и по всей нашей стране, во всех советских республиках по зову горна встали пионерские отряды — двадцать пять миллионов юных ленинцев,— чтобы сказать: «Да, мы помним! Мы помним этот завет Ленина — учиться. Да, мы понимаем: без знаний коммунизма нет!

Мы выходим на новый
старт нашего Марша.
Полный вперед, пионерия!»

Багряный месяц октябрь. Разгар школьной осени. Время серьезных пионерских дел. О них-то и идет речь на уроках в школе умелых хозяев. Якутские ребята уберегли целое стадо олешков, а пионеры из Мичуринска построили собственный бассейн. Как? Прочти — узнаешь!

•

Для тебя пойти в школу — дело обычное: взял портфель и отправился. А вот для вьетнамских ребят учение — это риск и опасность, иногда почти подвиг. Об этом рассказывает в международном клубе «Товарищ» журналист **В. ЧУКАНОВ.** Отправляйся в этот клуб, и ты узнаешь, как пионеры всех стран помогают вьетнамским ребятам.

Тебя ждут четыре еще не читанных тобою рассказа **Аркадия ГАЙДАРА.** Молодой Гайдар пишет о молодом времени своей страны.

•

Ты снова встретишься с Ваней Моторихиным из повести **А. КРЕСТИНСКОГО.** Что-то невесел наш друг. Как там у него дела?

•

Ты прочитаешь еще два рассказа **Валентина Петровича КАТАЕВА.**

•

О серебряно-звенящей, остротрагичной поэзии М. Ю. Лермонтова размышляет писательница **Н. ДОЛИНИНА.**

•

Пролистай несколько страниц, и ты попадешь на... диспут. Спорят ученые и ребята о космосе, о загадочных, неведомых нам мирах. Приглашаем тебя принять участие в диспуте.

•

А еще через несколько страниц Трое Неизвестных встречаются с ЭВМ, учатся разговаривать с ней. Попробуй и ты дать ей задание.

•

Октябрь — пора спортивных стартов. Ташкентские ребята с увлечением занимаются спортом, и, наверно, среди них уже немало обладателей значков ГТО. Смотри фоторепортаж **В. АРСИРИЯ.**

•

Что еще посоветовать тебе почитать в этом номере? Трудно сказать. Выбирай сам.

Фотографии В. ГУСЕВА и В. ПОСТНИКОВА.

Выходит с 15 марта 1924 г.

ПИОНЕР

Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

ОКТЯБРЬ 10

Издательство «Правда»
Москва, 1972 г.

Рисунки Б. ГУРЕВИЧА.

АЛЕКСАНДР КРЕСТИНСКИЙ

Жизнь и мечты Ивана Моторихина

ПОВЕСТЬ *Продолжение*

Классная задала сочинение «Кем я хочу быть?». Иван пришел домой, забрался на чердак — там любимое местечко — старый тулуп у окна — и, отключившись от постукивания бабушкиной машинки, стал думать. О ком?

О ком же еще, как не о директоре фалалеевской школы...

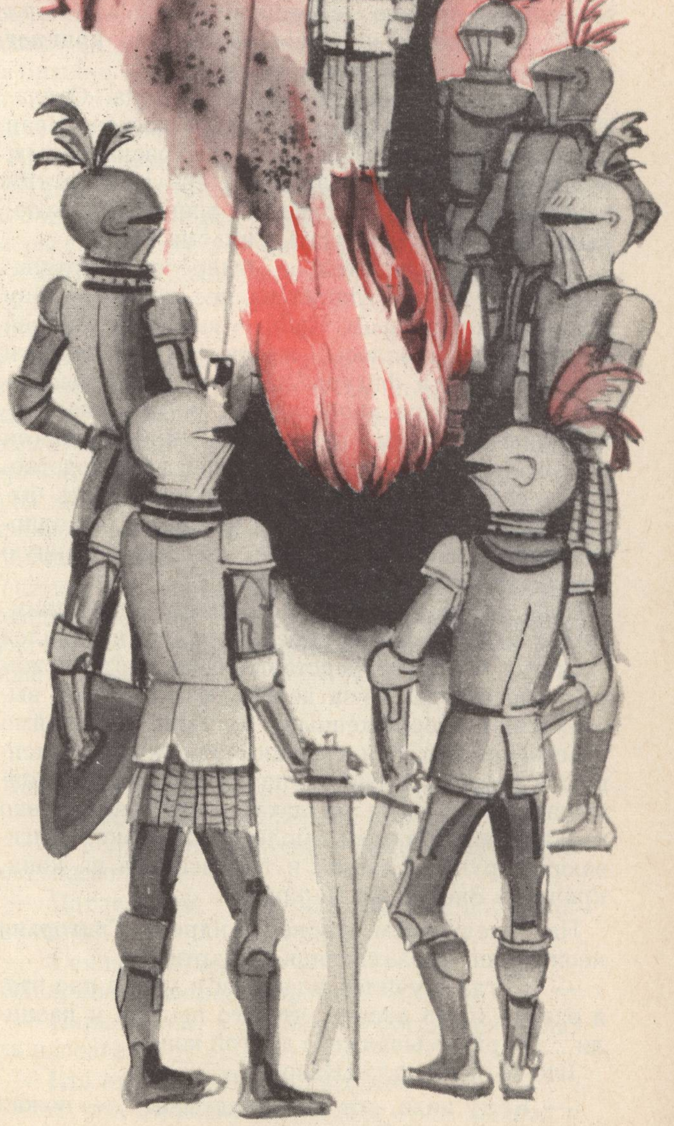
Андрей Григорьич пришел к ним в пятом — вести историю. Иван Моторихин летом еще, выкупив учебник, пролистал его от корки до корки, все картинки разглядел и многие параграфы прочел. Кое-что ему запомнилось, но в основном учебниковы слова отскакивали от его головы, как пинг-понг...

С Андреем Григорьичем пошло по-иному, Он рассказывал про всех этих героев древности, великих полководцев, мыслителей и поэтов так, словно знал их лично, домами был знаком и часто хаживал в гости. В его неторопливом рассказе они словно выступали постепенно над книжной страницей, обретая плоть и кровь.

Ни Иван Моторихин, ни другие ученики его класса и знать не знали, что когда-то, тоже будучи в пятом, Андрей Григорьич — а учился он в этой же школе, — точно так же раскрыв рот, глядел на учительницу истории Марию Петровну Савину, которая и сейчас доживает свой век в Фалалееве, старая-престарая, даже на пионерские сборы уже не ходит...

*

...Люди со страниц учебников истории, эти засушенные насекомые, вдруг разрывали плоскость книжного листа, соскакивали со своих булавочек и начинали по-земному вершить земные дела, не забывая попутно почудить так, чтоб небу стало жарко. И Андрей Григорьич, ероша свои жесткие, смоляные кудри, удивленно качал головой и улыбался, рассказывая об

Все связывалось у Ивана в ясную, ровную цепочку. Гильом Каль, похожий на Андрея Григорьича, Андрей Григорьич-шестиклассник, похожий на Моторихина-шестиклассника, или наоборот...

их делах и проделках, а с третьей парты глядел на него Иван Моторихин и в точности — непроизвольно, конечно! — повторял всю игру его лица. Иван был зеркалом Андрея Григорьича.

Когда в шестом проходили Жакерию, Андрей Григорьич принес в класс картину, наклеенную на картон. После уроков он то ли забыл снять ее со стены, то ли сознательно оставил — а урок его был последний, — и кто хотел, тот вдосталь насмотрелся. Таких, по правде говоря, было немного, а из немногих один — Иван Моторихин — остался в классе дольше всех.

Картина изображала момент, когда предводитель повстанцев Гильом Каль был предательски схвачен врагами.

Холм. Огромное, раскидистое дерево. К дереву привязан Гильом Каль в растерзанной одежде. Веревки впились в тело... Из-под кудрявых спутанных волос он с ненавистью смотрит на феодалов. Солнце сверкает на блестящих латах и шлемах. Развеваются перья. Надменны и жестоки лица. А в центре — приземистый, широкоплечий, рыжебородый, красноглазый... Презрительная и брезгливая усмешка в сторону Гильома... Это сам король Наваррский («Наваррский» — какое страшное слово!) Карл Злой... «Смерть и кровь! — сейчас крикнет он. — Кровь и смерть!»

Знамена и копья... Копья и знамена. Солдаты толпятся у костра. Заслонили костер. Иван представляет себе, как там, на раскаленных, матово-малиновых углях, подернутых легким белесым пеплом, вздрагивает треножник, которым будут сейчас венчать Гильома Каля.

И вот чем удивительна была эта картина: Иван, как только глянул на нее вблизи, сразу это заметил. Гильом Каль — вылитый Андрей Григорьич! И волосы жесткие, кудрявые, и лицо похоже, и фигура... Кого-то из одноклассников, случайно пробегавшего мимо, Иван хотел удивить своим открытием, обрадовать (он почему-то считал, что все, увидев это сходство, будут радоваться, как сам он, хотя радость была странная, с привкусом озноба...), но одноклассник, скорчив вначале заинтересованную рожу, тут же и погас...

Иван остался наедине со своим открытием. Долго он стоял тогда перед картиной и дивился сходству и вдруг представил себе картину живой: вон оттуда, из-за дерева, из-за холма, выскакивают вооруженные луками и копьями крестьяне. Вот они сминают эту жутко красивую и безжалостную группу с перьями и солнечными бликами на латах. Вот они ловко взрезывают ножами смоленые веревки, стягивающие руки Гильома, и тот, вскочив на коня, кричит: «Вперед, на Париж!»

На следующем уроке Андрей Григорьич неожиданно сказал, глядя на картину:

— Когда я учился в шестом и узнал про это, я все не хотел верить, что его пытали и казнили... Я придумывал себе другой конец.

Кто-то закричал: «Какой?»

— Кому надо, тот сам придумает... — пожал плечами Андрей Григорьич.

Иван Моторихин с пронзительным чувством родства слушал эти слова, которые как бы прямо о нем были, и все-все в тот день связалось в удивительно ясную, ровную цепочку: Гильом Каль, похожий на Андрея Григорьича, Андрей Григорьич — шестиклассник, похожий на Ивана Моторихина, шестиклассника, или наоборот, что, впрочем, все равно... И, наконец, История С Хорошим Концом, о которой они мечтали.

Иван не открывал дома учебника. Когда Андрей Григорьич вызывал его, он рассказывал все, что слышал на уроке, незаметно для себя (но заметно для Андрея Григорьича) повторяя и жесты его и интонацию. Андрей Григорьич то улыбался чуть приметно, то хмурился, но всегда давал Ивану высказаться до конца и потом говорил:

— Ну, хорошо, Ваня. Молодец, хорошо рассказал. Какие выводы?

— Выводы...

— Да, выводы какие?

— Я не знаю.

— Не знаешь, — мягко подтверждал Андрей Григорьич, — ведь в учебнике все по пунктам сказано, а ты учебник и не читал. Хотел тебе пятерку поставить, да не могу...

...Иван Моторихин лежал на старом тулупе, на чердаке бабушкиного дома, и видел через окно осеннее небо, настолько плотно закрытое тучами, что оно казалось неподвижным, хотя на улице был ветер. Упираясь в невидимый край серой громады, ветер толкал и толкал ее куда-то, тщетно пытаясь сдвинуть с голубого неба...

И первый снег, первые редкие снежинки стремительно неслись над землей.

Загостевался отец в городе. Негоже так. Пора и честь знать. Дяде Егору надоел, поди.

А может, уже в пути отец. Трясется на попутке по серой, туманной дороге, что тянется меж осенними, набухшими влагой, обезлюдевшими полями, готовыми принять первый снег.

Скорей бы осень проходила! Пустое время...

И тут же встрепенулось что-то в груди, толкнулось в знак несогласия: нет, нет! И перед глазами встала прошлогодняя фалалеевская осень, такая вот ветреная, грязная, мокрая, в низких, тяжелых тучах... И пять бородачей в защитной форме стоят у входа в школу...

Бородачи стоят одинаково, прочно расставив ноги в крепких ботинках. Руки у них смуглые, лица тоже, а у одного розовый шрам поперек шоколадного лица. А вот и Андрей Григорьич. «Ребята, — говорит, — к нам в гости приехали кубинские товарищи. Хотят посмотреть школу. Ну, кто покажет?..» Все, конечно, молчат. Андрей Григорьич обводит ребят внимательным, веселым взглядом, чуть задерживает его на Поляковой Ларисе (Лариса — председатель, нервно так вперед подалась и даже побледнела от предстоящего...), но идет глазом дальше. И вдруг — не чудо ли! — цепляет Ивана Моторихина, который до того уж, кажется, плотно упрятался в толпу, что и не вытянешь... А Ан-

дрей Григорьич зацепил-таки и тянет из толпы молча, но так настойчиво, что Иван даже вздохнул безнадежно. Тогда Андрей Григорьич говорит: «Выходи, Ваня». Вышел Моторихин в круг. «Ну, Моторихин, веди экскурсию!» Иван покраснел: «Андрей Григорьич, я ж не умею...» А тот тихо: «Чего боишься? Такие же люди, как мы, как отец твой — трактористы. Учились у нас, теперь ездят, знакомятся с жизнью. Расскажи да покажи что, где... На стадион проводи, в мастерские, в теплицу...» Тут переводчица что-то сказала своим, кивнув на Ивана. Те разом засмеялись.

Повел потихоньку. Время от времени переводчица останавливала его тонкой розовой ручкой и, обернувшись к кубинцам, принималась быстро-быстро катать по воздуху круглые крепкие слова, которые стремительно и красиво слетали с ее губ...

Иван привел гостей на стадион, а потом сверху, с гребня траншеи, показал им тир. Увидев в земляном тупичке круглые мишени на деревянных щитах, кубинцы заволновались, заговорили по-своему, а потом стали прыгать вниз, в траншею. Тот, что со шрамом, встал на колено и сделал вид, будто целится. Андрей Григорьич крикнул: «Ребята, айда за винтовками, быстро!»

Постреляли тогда из малокалиберок! Андрей Григорьич с Розовым Шрамом стрелял по новым, чистым мишеням из положения лежа. Из десяти три в «молоко» ушли у Розового. Он сначала нахмурился, а потом на руках показал, чтоб принесли бутылку. Бутылку он раздробил с третьего выстрела. Подкинул винтовку в воздух и захохотал.

Когда уходили со стадиона, Иван потоптался немного у плетня, глядя на колхозный сарай, что торчал сбоку припека и весь вид портил. Так и подмывало Ивана сказать гостям, что здесь, мол, в будущем, возможно, построится бассейн, но удержался. И правильно, что удержался.

В самом же конце экскурсии на площади произошла вот какая история. Гости принялись разглядывать полуразрушенную церковь, которая торчала на бугре как раз напротив школы. От самой церкви остались только кирпичные своды, напоминавшие гигантскую черепаху. Рядом голый остов колокольни. Над ним с криками металось воронье.

Переводчица нашла глазами Ивана: «Товарищи хотят знать: здесь была война?..» Иван поглядел в ее чистое, свежее лицо с какой-то необыкновенной, не виданной им никогда прозрачной кожей и вздохнул про себя: «Эх, комарики... Тебе бы надо знать, была тут война или нет...» Иван заметил обращенный к нему запрещающий взгляд старшей вожатой, не понял его и отвернулся к гостям. «Война у нас была, стороной не прошла, — начал он, — а колокольня не от того сгорела. Прошлым летом был тут укротитель один, знаете, собачка с цифрами, петухи-воины, медведь облезлый, козел да осел... Приехал, а звери голодные — орут на разные голоса. Этот укротитель дает нашим ребятишкам ружье и говорит: «Полезайте на кумпол и стреляйте галок, а я вам заплачу». Тут Иван снова поймал запрещающий взгляд вожатой, но сделал вид, что не заметил его. «Наши ребятишки залезли на кумпол и давай палить!.. Через час и задымилось. Видно, огонь заронили... А пожарники что? Если бы амбар горел, они бы постарались, а исторический памятник — им хоть бы хны!.. После пожара укротитель говорит: «Я у вас в деревне выступать не буду, у меня артисты вышли из строя, им пожар испортил нервные рефлексы...»

Слушая рассказ Ивана, переводчица улыбалась и кивала весело, и внезапно Иван увидел в ней прятавшуюся доселе озорную девчонку и тут же подобрел ко всем ее кольцам, серьгам и прочим штучкам-дрючкам... Кубинцы же сначала удивлялись, почему так долго нет перевода, а после, глядя на переводчицу, тоже стали улыбаться, предвкушая что-то интересное...

Потом кубинцы долго и обстоятельно жали Ивану руку, а он млел от гордости и совсем сомлел, когда Розовый Шрам сказал ему по-русски «Спасибо!», снял со своего кителя значок и приколол Ивану на куртку. Значок был такой: на оранжево-красном прямоугольничке изображен сидящий мальчик. Склонив голову, он что-то пишет. «Ликвидация неграмотности», — объяснила переводчица.

На следующий день в школе подходит к нему Тоня — вожатая. «Моторохин, — говорит, — ты очень хорошо вел вчера экскурсию, но зачем ты рассказал эту историю про кумпол и укротителя?» «Так было же», — просто сказал Иван и пожал плечами. Мол, о чем разговор, не понимаю... «Мало ли что б ы л о, — загадочно сказала Тоня, — не обо всем говорить следует. — И, видя, что Иван искренне ее не понимает, добавила: — Это же роняет авторитет школы! Наши ребята лазают на кумпол, стреляют галок, церковь сожгли... Подумай, Ваня, и сделай выводы на будущее...» И чтоб он не очень расстраивался от критики, Тоня мягко потрепала его по макушке.

Оставшись один, Иван задумался: может, и правда авторитет уронил?.. Но вспомнил резкие мужские рукопожатия кубинцев и решил: «Загибает Тоня».

*

Внизу хлопнула дверь. Иван прислушался.

— Парасковия! — пропела соседка.

— Тут я! — откликнулась бабушка и остановила машинку.

— Парасковия, матушка, нет ли рису полстакашка?..

— Сейчас погляжу...

Заскрипели дверцы буфета.

— Парасковия, а дочка-то в гости приехала? Аль насовсем?

— Кто их знает. Вроде насовсем.

— А что, Парасковия, людя грят, развод у их?..

— Людей-то не больно слушай! — прикрикнула бабушка. — Мелют всякое!

— Ай-я-яй, вражья сила, — непонятно в чей адрес высказалась соседка. — Ну, я пошла, спасибо тебе. Из сельпа принесу — отдам...

— Ладно, чего там... — Бабушка пошла следом за соседкой к выходу и в сердцах шуганула забежавшую в сени курицу:

— Пшла, немытая!

Ивану понравилось, как бабушка оберегает честь семьи. Это по делу. И он так ответит, если что. Пусть не суются, куда не следует.

...А про бассейн он кубинцам вот почему не сказал — постеснялся Андрея Григорьича. Позапрошлый год, только перешел Иван в пятый, директор попросил всех ребят от мала до велика написать свои предложения и мечты: «Какой я хочу видеть школу». Иван тогда и написал про бассейн. Перед тем как раз он ездил с матерью в город и в цветном киножурнале видел этот бассейн — белая кафельная плитка, зеленовато-золотистая вода, цветные флажки под крышей, ребята в разноцветных плавках и... гудит, как баня.

Написал Иван Моторихин про бассейн в таком духе, что иметь его в фалалеевской школе было бы замечательно и даже очень здорово, но, увы, невыполнимая это мечта...

На следующий день Андрей Григорьич собрал ребят в широком коридоре, поднял над головой пачку листков, провозгласил: «Молодцы! Хорошо мечтаете! Давайте теперь думать, за что в первую очередь браться...» «Стадион! — кричат. — Теплица!.. Стадион!.. Зал спортивный!..» «Тише, тише, — остановил Андрей Григорьич, — я предлагаю для начала что полегче. Например, стадион...»

Стали обсуждать стадион — где, да как, да что... Иван Моторихин все ждал, вспомнит ли Андрей Григорьич про его листок. А потом подумал: «И хорошо, если не вспомнит, только смеяться будут». В эту минуту Андрей Григорьич и говорит: «Послушайте, я вам один листок вслух прочту...» И читает моторихинскую мечту про бассейн. А чем дальше читает, тем громче в коридоре смех...

Андрей Григорьич дочитал, поднял руку: «Я не буду называть того, кто это написал. Вы сейчас смеетесь, а зря. Написано-то по делу».

Иван сидел, не шевелясь, и кончики ушей его горели. Ему казалось, все смотрят на него, догадались и сейчас начнут хохотать, показывая пальцами... И когда этого все-таки не случилось, он облегченно вздохнул и с благодарностью подумал про Андрея Григорьича. А тот еще так сказал: «Сейчас бассейн кажется невыполнимой и даже смешной мечтой, но погодите, построим стадион, теплицу, потом зал спортивный. Сил наберемся, опыта, в колхозе будем летом работать, разбогатеем, а там, глядишь, и бассейн!..»

— Вань! — крикнула снизу бабушка. — Слезай, дело есть!

Иван неохотно поднялся с тулупа, оторвался от приятных и грустных воспоминаний. Однако с чердака слезать не торопился. Подошел к люку, свесился:

— Чего?

— А того, что задумался ты, голубок, крепко, — сказала бабушка. — Поди-ка принеси воды да дров наколи...

Пошел, думая о сочинении, которое хочешь не хочешь, а писать надо. Можно бы, конечно, составить так: мечтаю, мол, стать летчиком или, скажем, пограничником... А лучше бы всего написать правду, да неохота с ч у ж и м и откровенничать.

От бабушкиной избы в огород вела узкая тропинка. На полпути к сараю, прямо посреди тропки, рос молодой, крепкий дубок. Дубок был двуствольный. Оба ствола выходили из земли рядышком и ровно, как по ниточке, держась друг за друга, шли вверх. Кожа у дубка была здоровая, блестящая. Так и тянуло поднести руку и погладить.

Все деревья кругом давно облетели, и только на дубке держались листья. Словно жестяные, звенели они на ветру.

Поскольку дубок перегораживал тропу, по обе стороны от него вытоптали обход. Тропа вела в конец огорода, к старой обгорелой баньке. Впритык с нею стоял сарай с одним узким, в ладонь, пыльным оконцем.

Иван вошел в сарай, и сразу охватил его милый запах сухих сосновых дров, березовых веников, ржавого железа... С удовольствием взвесил в руке топор, погладил отполированное ладонями топорище и, прежде чем, крякнув по-отцовски, вонзить топор в первое полешко, повернул его к себе лезвием и попробовал, острый ли. Палец встретился с зазубринами. Иван принялся точить топор.

Лезвие и брусок, едва встретившись, соприкоснувшись, породили мягко-хрупающий звук, и приятно было слушать, как с тихим хрустом — шурх-шурх — перетираются какие-то невидимые частицы и загорается свежим блеском закругленное полумесяцем лезвие.

Этот мягкий хруст что-то напомнил Ивану, какую-то картину, случай, день, час... Шурх-шурх...

Оттачивая топор, Иван вслушивался в его шершавую песню и напрягал память: что?.. Где?.. Когда?..

И внезапно увидел. Вот он сидит в классе, у окна, и слышит там, за окном, этот равномерный звук — не хруст, не звон, а хрусткий звон, или, точнее, хрустозвон... Шурх-шурх — и звоночек в конце. «Большой топор точат», — подумал тогда Иван, но в окно не заглянул, потому что в эту минуту Андрей Григорьич развязывал на столе узел — старенькую скатерть с бахромой...

Это было в канун Дня Победы. Во всех классах собрания, сборы, концерты, а Иванов класс незадолго перед тем остался без воспитателя — как нам уже известно, в больницу увезли классную. Пришел Андрей Григорьич: «Ну, как без мамки?» Заулыбался. Он сказал: «Подождите, сейчас вернусь».

И вот притащил этот узел. Не спеша развязал. Там оказались синий чемоданчик и картонная коробка. Андрей Григорьич открыл чемоданчик, достал оттуда белую металлическую ручку, сунул в бок чемоданчику, стал крутить. Раздались голоса: «Чего это? Андрей Григорьич, скажите, чего!»

Андрей Григорьич засмеялся. А Гришка Воротилин крикнул: «Патефон это! У бабушки моей на чердаке такой. Весь пылищей зарос! Я начал крутить, да пружину сорвал!..» «Что ж ты, Воротилин, — упрекнул Андрей Григорьич, — с патефоном осторожно надо. Как-никак, дедушка...»

Андрей Григорьич достал из картонной коробки пластинку, обдул, обтер, поставил на диск. «Вот какие песни мы пели перед войной... Мальчишками... Как вы сейчас...» И повернул звукосниматель.

Щелчки. Шип. И чуть раскачивающийся, хриплый, срывающийся через равные промежутки голос. «Жили два друга в нашем полку, пой песню, пой...»

«Леонид Утесов!» — сказал Андрей Григорьич с таким чувством, словно Утесов этот по меньшей мере непобедимый вратарь сборной страны. А мужской голос с глубокими придыханиями, отчетливой грустью и строгой страстью пел: «Однажды их вызвал к себе командир, пой песню, пой, на запад поедет один из вас, на Дальний Восток — другой...»

«Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону», — начиналась следующая песня. Андрей Григорьич сидел за столом, подперев кулаком щеку, и глядел в окно. Казалось, он и забыл, что сидит в классе.

Нельзя сказать, что песни эти совсем незнакомы Ивану Моторихину. Их, бывает, по радио поют. Но совсем иное дело, когда на столе шипит старый патефон и крутится, покачиваясь, заигранная пластинка: «Уходили комсомольцы на гражданскую войну!..»

Иван спел эту строчку вслух и, с плеча размахнувшись, разом расколол пополам кряжистое полено. И пошел и пошел!.. Только треск кругом!

А последняя песня была такая: «Расцветали яблони и груши...» Удивился Иван — не думал, что она старинная. И вот женщина-певица начала озорным голосом эту замечательную песню, а дверь заскрипела, приоткрылась, и, прислонясь к косяку, у двери встала математичка Клавдия Ивановна. Потом тетя Ганя, техничка, к ней подошла, рядом встала тихо. Потом еще учителя... Так до конца песни и простояли у двери, никто тишины не нарушил. Только молодой Кривопалов, химик, навис над всеми сверху, как подъемный кран, покрутил головой, прислушался и пошел прочь с таким видом: «А я-то думал...»

Когда пластинки кончились, была такая тихая секунда, что Иван снова услыхал со двора тот звук: «Шурх-шурх...» Все встали со своих мест, и он первым делом глянул в окно: на солнечной стороне двора школьный сторож дядя Гурий точил у верстака топор. Два наточенных стояли уже у стены. И, наблюдая равномерные движения дяди Гурия, Иван как-то впервые о с о з н а л, хотя з н а л давно: дядя Гурий не мог слышать песен.

В солнечном и пустынном дворе, не торопясь, работал контуженный на войне человек. И вокруг него была такая страшная, такая спокойная, такая непонятная тишина!.. Даже вот этого своего — шурх-шурх — он и то не слышал.

Иван долго стоял у окна, не в силах оторваться от серой спины дяди Гурия, от его серой кепки и серых брюк с широкой мотней, от его неторопливых движений и этого «шурх-шурх...».

*

С вязанкой дров Иван вышел из сарая и, обходя дубок, с досадой подумал: «Посадили тут, на дороге...»

Когда подходил к крыльцу, его окликнули из-за плетня:

— Эй, Моторихин!

Оглянулся — девчонки из его класса. В лицо он их помнил, а по именам не знал. Вернее, не старался узнать.

— Моторихин! Пошли на спевку!

— Я петь не умею, — сказал.

— Ну, стихи читать будешь, — предложила одна, беленькая, перетянутая крест-накрест дымчатым пушистым платком.

— Некогда, — бросил Иван, повернулся и шагнул в сени. Следом за ним кинулся короткий смешок и обидное слово «бирюк».

У плиты Иван громче, чем надо, сбросил вязанку и сказал бабушке с неожиданной для себя обидой в голосе:

— Дерево прямо на ходу растет. Нельзя было в сторонке посадить?..

— В сторонке? — бабушка мельком взглянула на него, долго что-то помешивала в кастрюле, молчала. Потом сказала: — Ничего, привыкнешь...

Иван удивился такому ответу, пожал плечами, усмехнулся:

— Привыкнешь!

— Почему на спевку-то не пошел? — спросила вдруг бабушка. — Стесняешься, что ли? Иди.

— Некогда. — Иван отвернулся и, чтобы доказать свое «некогда», раскрыл на столе тетрадку, достал самописку, число вывел, название, вздохнул и глянул в окно, прежде чем написать какую-нибудь первую фразу.

По улице проходила орава мальчишек. В центре, широко шагая, выступал Федоров. За спиной гармонь.

«На спевку, значит», — ревниво подумал Иван. На какое-то мгновение он пожалел, что отказался от приглашения, но тут же ожесточенно отмахнулся: чужие они все...

Федоров с дружками исчез из виду, и сразу стало грустно; и тетрадь на столе показалась ненужной, необязательной...

«Ноябрьские скоро, — вспомнил Иван, — наши к празднику готовятся... Номер-сюрприз придумывают... Наверно, Танька Лапина будет танцевать...»

И перед ним возникла Танька. Платье колоколом вокруг тонких ног. Кружится, кружится...

А потом мелькнула такая смелая и совсем нереальная мечта, что он даже глаза зажмурил. Мечта была такая, будто бы он, Иван Моторихин, готовит номер-сюрприз. И этот номер-сюрприз не что иное, как... стихи!

Перед майскими ему поручили подобрать стихи и выучить. Иван взял со стены календарь — там иногда ничего попадаются. Полистал. Про Первое мая стихов не было. Были, правда, стихи про то, как утро в стране начинается. Назывались «Рабочее утро». Стихи Ивану не понравились. Ну, что в самом деле: перечислены разные профессии, кто рано встает... Разве это стихи! Но одна строчка неожиданно засела в голове: «Вставай, страна! Страна, вставай!»

«Вставай, страна! Страна, вставай! — твердил про себя Иван, расхаживая по комнате. — Тьфу, привязалась! И зачем надо этак сочинять — то же самое, только другим концом: «Вставай, страна! Страна, вставай!» Иван вслух: «Страна, вставай!» — И вдруг, откуда ни возьмись, выскочило: «Сегодня праздник Первомай!»

«Вставай, страна, страна, вставай, сегодня праздник Первомай... — пробормотал Иван. — Сегодня праздник... — повторил он про себя и неожиданно произнес вслух: — всей земли... Сегодня праздник всей земли! И люди... И люди... И люди радость завели! — гаркнул он на весь дом. Потом засомневался: — Завели... Завели? А, сойдет! Скорей дальше сочинять, покуда сочиняется...»

Сочинялось. Сочинялось так, что спина вспотела. И вот счастье — никто не помешал ему в этот час, никто не постучался в дом, не свистнул у окна. Словно бы все село знало: Иван Моторихин сочиняет! Тише...

Оказалось, в сочинении стихов едва ли не самое трудное понять, где конец. И здесь можно точку поставить и там... А можно и не ставить точку — дальше сочинять. Иван поступил просто: поставил точку, когда выдохся. Утер пот рукавом и начисто, со смаком переписал.

Вставай, страна! Страна, вставай!
Сегодня праздник Первомай!
Сегодня праздник всей земли,
И люди радость завели!
Вот это день! Прекрасней нету!
И мы пойдем вперед по свету,
Вперед, под знаменем Союза,
Пускай в пути звенит нам Муза,
Пускай нам ветер бьет в лицо,
Пускай пурга пути заносит,
Но мы идем дорогою отцов.
Они нас обо всем когда-то спросят!..

...Стихи он прочел со сцены наизусть. И сейчас в ушах его, нарушая вечерний покой бабушкиного дома, заглушая возню мышей, трескотню сверчка и вздохи пегой коровы, загремели аплодисменты. Те, давешние, майские!

А что, не каждый день в фалалеевской школе стихи сочиняют и читают их вслух со сцены. Старшие еще помнили третьегодняшнего выпускника Сергея Богомазова, который в седьмом начал вдруг стихи писать про природу, а в девятом сник почему-то. Теперь на врача учится. И вот после такого перерыва снова поэт в Фалалееве объявился. Как же его не поддержать, как не похлопать ему! И хлопали так, что ладони жгло.

Иван Моторихин под эти аплодисменты вспорхнул над залом, одаряя всех щедрой улыбкой, и сел среди своих, стараясь ни на кого не глядеть и чувствуя на своем лице приятную тяжесть сотен любопытных взглядов.

Так под этой сладкой тяжестью и заснул в тот вечер в деревне Ступино фалалеевский школьник Иван Моторихин, заснул, не вспомнив больше про заданное сочинение.

Повизгивали полозья, летели из-под них яркие снежные брызги.

Утром проснулся с тягостным чувством. Сразу екнуло: сочинение-то! И тут же равнодушно решил: «А, пускай!» Оделся и пошел в школу.

На следующий день Полина Савельевна — так звали воспитательницу — принесла сочинения. Стала читать вслух, попутно высказываясь в таком духе: это правильно, а вот это нет... Эта профессия нужна, а эта не очень... Иван заметил, кто написал про городские профессии, тех Полина Савельевна журила; поучала — село, дескать, покидать негоже, потому что село — наша родина.

— У нас весь Советский Союз — родина, — сказал Федоров, и Иван с ним согласился.

— Я не о том, Федоров! — прикрикнула Полина Савельевна, но, кажется, никто не понял, что она хотела этим сказать.

Особенно долго Полина Савельевна журила беленькую девочку, ту самую, что приглашала Ивана на спевку. Девочка написала, что хочет быть киноактрисой.

— Все в киноактрисы хотят, — возмущалась Полина Савельевна, — а в доярки? В доярки кто?

Беленькая стояла, опустив глаза и выдергивая нитки из передника. А Федоров веселился: «Актриса — ха!» Сам он, между прочим, был похвален. Написал «Хочу быть летчиком-перехватчиком». Правда, в классе зашел спор: перехватчик по радио управляется или все-таки летчик там сидит? «Сидит!» — кричал Федоров. Спор быстро прекратился: укричать Федорова никто не мог.

— Моторихин, — сказала Полина Савельевна, — а ты почему сочинение не сдал?

Соврать, что дома забыл? А толку-то? Все равно заставит принести...

— А ты кем хочешь быть, Ваня? — Голос у Полины Савельевны был сейчас тихий, ласковый, и обижать ее Ивану не хотелось. Вообще ему лень было врать.

— Товарищ директор, прошу! — над ухом раздался ехидный голос Федорова.

— Директором школы, — сказал Иван спокойно.

— Директором? Именно директором? — Такое искреннее удивление выразилось на лице Полины Савельевны, что класс сразу откликнулся: послышались смешки, все задвигались, обернулись к Ивану. «Зачем она так? Насмешничает?..» — подумал он и уже с вызовом повторил:

— Ну, директором.

Полина Савельевна даже встала из-за стола, подошла к его парте, положила руку ему на плечо и с большим внутренним любопытством задала следующий вопрос:

— А почему? Откуда у тебя эта мечта? Объясни...

— Отдельный кабинетик захотел! — крикнул Федоров.

— Прекрати, Федоров, паясничать!.. Ну, Ваня, расскажи...

Еще чего, рассказывать. Нет, хватит. И, чтоб не приставала больше, громко:

— Нет.

— Директор не хочет, — сказал Федоров, повернувшись к классу. — Слово директора — закон.

Так Иван Моторихин по собственной воле стал Директором. Каких только прозвищ не было у него прежде! И Мотор, и Моторка, и Моториха, и даже Трактор... Но чтобы Директор!..

В этом прозвище было что-то очень обидное. В исполнении Федорова, а за ним и других слово «директор» звучало как «начальничек»...

Бабушка спрашивала:

— Вань, не тебя ль директором кличут?

— Нет... Не меня.

— Как, не тебя? А вроде, тебя...

Мать говорила, весело щурясь:

— Быстро выдвинулся. Я все уборщицей, а он директор!..

Иван, такой добрый всегда, начинал молча злиться.

*

В тот знаменательный день он хотел сразу, как только кончится последний урок, ускользнуть домой, но не удалось: в дверях класса,

растопырив руки, встала Клава Липова, председатель совета дружины.

— Куда, Моторихин! Актив будет!

— Я не актив, — сказал Иван и попробовал отодвинуть Клаву плечом.

— Ну-ну, садись, — добродушно сказала Клава и легонько толкнула Ивана к парте. Рука у нее была тяжелая.

Пришла Полина Савельевна, села в сторонке.

— Так вот, ребята, — сказала Клава, когда все уселись и притихли. — От совета дружины вам задание: составить агитбригаду. Концерт подготовите, поедем на ферму, в Егорушкино. Предлагайте кандидатуры.

— Федорова! Борьку!

— Борьку! Борьку давай!

Федоров встал, раскланялся на все стороны, сделал руками жест, словно меха гармони раздвинул, — и-эх!

— Галю! Галю пиши!..

Встала беленькая.

— Сестер Черняевых! Они частушки поют!

— Куликов пляшет! Куликова запиши!

Клава, стуча мелом, размашисто писала на доске фамилии.

— Мне слово! Слова прошу! — крикнул Федоров.

Все притихли, повернулись к нему. Многие заранее улыбались. Федоров оглядел всех и строго сказал:

— Нельзя так.

— Как нельзя? — спросила Клава.

— Это не бригада, а цыганский табор.

— Почему? — крикнули с последней парты.

— Потому что директора нет. Без директора бригада — что? — Федоров развел руками, цокнул языком. — Предлагаю включить... — И Федоров указал пальцем на Моторихина.

Класс грохнул.

Иван медленно краснел, не зная, как поступить. Полина Савельевна беспомощно подымала руки, призывая к тишине.

И тут внезапно Клава кулаком по столу! Все замолчали и уставились на нее изумленно...

— Повеселились — и хватит! — сказала Клава. — Федоров — шут гороховый, а вы гогочете. Ты это брось, Борис! — Клава обернулась к Федорову, а тот, изобразив на своей подвижной физиономии притворный ужас, полез под парту... — Да-да, брось! — повторила Клава. — А то смотри...

Клава подошла к доске и в конце списка крупно, бегло отстучала: «Моторихин».

В классе возник удивленный шумок. Клава подняла руку.

— Новенького включаем. Петь умеешь, Моторихин?

Иван, не вставая, покачал головой.

— Ну, стихи читать будешь. Доволен, Федоров?

— Да, — сдавленным голосом из-под парты ответил тот.

— А бригадиром Галю.

Беленькая вскочила, порозовела вся: «Нет! нет!», — но Клава ее и не слушала.

— Справишься, чего там...

Иван все порывался встать и сказать, что он не может быть в бригаде, лихорадочно придумывал повод, да так и не решился поднять руку.

Клава сказала: «Актив закончен!» — и все загремели крышками парт.

*

На следующий день, на большой перемене, Галя подошла к нему и, опустив глаза, тихо сказала:

— Ваня, прочитай вот эти стихи. Современного поэта Бокова... — И протянула Ивану журнал «Юность».

Вначале Иван хотел отбиться да как-нибудь погрубее, но, глянув на Галю, увидел вдруг, что уши ее и щеки медленно краснеют и что она, чувствуя это, с каждой секундой все больше теряется и ругает себя, что подошла к нему... Увидев и поняв это, он невольно поспешил к ней на выручку:

— А ты чего читать будешь?

— Я?.. Я Некрасова. Из поэмы «Саша». А ты почитаешь Бокова, ладно?

Иван кивнул.

*

Всю неделю шли репетиции. Вечерами по хрустящему снегу сбегались к школе, отряхивали валенки лохматым веником и торопились в класс. Там, отодвинув парты, пели, плясали, читали стихи. Вечерами голоса необычно гулко звучали в школе.

Федоров бойко играл на гармони. Его, как самого веселого человека, назначили объявлять номера — вести конферанс, значит.

Круглощекий Куликов плясал на репетициях так, что стекла звенели, а один раз с его топа даже лампа перегорела.

И вот наступила суббота, день концерта.

Иван проснулся с предчувствием праздника, легко поднялся, как давно уже не подымался. Радовался всему: и горячему чаю, что пил, обжигаясь. И легкому морозцу, который влетел в комнату вместе с бабушкой. Бабушка поставила на скамью ведро с водой, и, когда опустила ковшик, тусклые льдинки зазвенели о его края. И еще чему-то Иван радовался, чему — и сам толком не понимал... Предстоящей поездке? Концерту?..

Напевая стихи Бокова, он выбежал из дому.

В лилово-дымчатых сумерках дышалось бодро и широко. Витые столбики ползли из труб к тяжелому, литому небу, на котором еще виднелся бледный рисунок звезд. Из домов выскакивали ребятишки, спешили в школу. Звонко перекликаясь, собирались посреди улицы верные дружки — компанией идти веселей.

Иван вдохнул поглубже морозного воздуха и побежал, закинув за плечо сумку с книгами.

*

После пятого урока в классе появилась Клава.

— Агитбригада,— закричала она.— По коням!

Выбежали на школьный двор. У крыльца, переступая с ноги на ногу, стояла запряженная в широкие розвальни мохнатая лошаденка.

— Сударка! — обрадовался Федоров.— Сударушка, голубушка! — И прыгнул в сани.

Сударка повернула к нему голову, повела лиловым мерцающим глазом, приветливо фыркнула.

Клава похлопала Сударку по крупу. Та ответила нетерпеливой дрожью и ласковым ржанием.

Агитбригада шумно размещалась в розвальнях. С хохотом тащили друг из-под друга солому. Иван сел сзади, рядом с Галей.

— Федоров, бери вожжи,— распорядилась Клава,— трогай. Пора.

— Клава, а ты? — испугалась Галя.— Как же без тебя? Я не знаю!

— У меня комитет сегодня.— Клава засмеялась.— Да ты не бойсь! Федоров, трогай!

Федоров лихо свистнул, перехватил вожжи поудобней:

— Нн-оо! Нн-оо, Сударушка! Дорогая, золотая, па-ашла!..

Повизгивали полозья, летели из-под них яркие снежные брызги. Сударка ходко несла сани вдоль главной улицы. Что-то позванивало под дугой — не колокольчики, нет — их не было,— но тонкий, чистый звон сопровождал каждый шаг лошади.

Федоров покрикивал, развалясь на передке саней, сдвинув на затылок мохнатую шапку. Остальные шумели, хохотали, пели один громче другого.

Из домов выходили люди, прищурясь, провожали глазами лихие агитбригадовские сани. И от этого провожания предчувствие радости еще сильней охватывало Ивана.

Галя сидела рядом с ним, глухо закутанная в свой пушистый платок, и тоже смеялась, как все, беспричинно и громко.

Выехали за околицу, спустились к реке. Река была вся в поперечных лиловых полосах: тени от деревьев легли на лед. Повернули вдоль берега, и вскоре перед ними открылся редкий лесок, и тихая лесная дорога заструилась меж деревьев, а скрип полозьев стал глуше. Зимний лес, не терпевший громких голосов, заставил всех притихнуть. Молчали, глядя на причудливые наряды деревьев.

— Вань,— тихо спросила Галя,— ты стихи не забыл?

— Нет. А ты?

— Я боюсь, выйду выступать и забуду. Раз уж было так: вышла на сцену и ничего не помню.

— Не забудешь,— успокоил ее Иван. Ему было приятно слышать свой спокойный голос: — Не забудешь!

Галя вздохнула и вполголоса стала повторять: «Плакала Саша, как лес вырубали...»

Иван слушал и глядел на убегающую из-под саней дорогу. Голова у него легонько и приятно кружилась.

Когда Галя кончила, он спросил:

— А можно, я еще стихи прочту?

— Конечно, можно. Чьи?

— Да так, одного там...— Иван замялся. Думал, скажет смело и просто, а на поверку не вышло.

— Кто написал-то? — допытывалась Галя.

— Не помню,— соврал Иван.

— А ты прочти сейчас.

Иван стал читать, не глядя на нее и вполголоса, испытывая смущение от того, что стихи, которые он читал, вдруг показались ему неловкими и какими-то стыдными... Но остановиться он уже не мог и только торопился закончить полупонятной скороговоркой:

Пускай нам ветер бьет в лицо,
пускай пурга пути заносит,
но мы идем дорогою отцов.
Они нас обо всем когда-то спросят!..

После мучительной паузы Галя спросила:

— Ты... сам сочинил?

Иван кивнул.

— Хорошо,— тихо сказала Галя.

— Правда? — Он повернулся к ней.— Правда?

— Да, да,— кивала она.— Правда хорошо! Честное слово! — А глаза у нее были испуганные. Шутка ли, рядом сидит человек — *сам* стихи сочиняет!

*

Егорушкино встретило артистов радушно. Повели в столовую, усадили за длинный, чисто вымытый и выскобленный стол, накормили — сначала борщом, потом картошку тушеную подали со свининой, а на третье компот. Пока агитбригада уписывала за обе щеки обед, дверь то и дело приоткрывалась, и вместе с клубами морозного пара в проеме мелькали любопытные и смешливые лица доярок. Чей-то озорной голос громко сказал:

— Ой, девчата! Я думала, заслуженные приехали, а там ползунки одни...

Артисты поперхнулись от смеха.

Кончился обед. С помощью хозяев быстро отделили занавеской часть столовой — получилась сцена. Зрители заполнили остальную часть помещения. Многим не хватило стульев — стояли вдоль стены.

Доярки внесли с собой в дом крепкий, дразнящий запах хлева, молока, овчины... Сидели, скинув платки на плечи, сложив на коленях руки, ждали...

Галя застенчиво объявила концерт.

Федоров сыграл польку.

Куликов с одной из сестер Черняевых сплясал русского.

Галя прочла отрывок из поэмы Некрасова. Сестры Черняевы спели частушки...

Это кто такой играет,
Это что за человек?
Да и кому такая ягодка
Достанется навек?

Я не знаю, кто играет,
Незнакомая игра.
Разрешите познакомиться —
Знакома буду я.

Ой, гармошечка, гармошечка,
Звонкой твой голосок.
Не дала ночесь гормошечка
Уснуть на волосок.

В этом месте сестры Черняевы — обе рослые, худые обе, в одинаковых зеленых платьицах по новой моде — выше коленок — смутились вдруг и замолкли. Однако зрители дружно хлопали, так что в ушах звенело. А Иван напрягся весь — знал, ему после сестер выходить.

Федоров широким жестом откинул занавеску, плюнул себе на ладонь, притер чубок (в зале прыснули), а Иван в это время ступил ближе и оказался за спиной Федорова, на самой, можно сказать, середине. Федоров громко, раздельно провозгласил:

— А сейчас, дорогие зрители, перед вами выступит главный директор нашей бригады Иван Моторихин!

Отступил в сторону.

В столовой раздался дружный смех. И чем дольше молчал Иван, растерянно стоя посреди столовой, тем громче смеялись доярки. И где ему было разобрать, что смех этот не злой, добродушный, если в ту же минуту над ухом раздался ехидный голос Федорова:

— Товарищ директор, прошу!..

Иван круто повернулся и вышел из столовой. Когда захлопывал дверь, зацепился пиджаком за ручку. Он невольно обернулся, перед ним мелькнуло размытым влажным пятном Галино лицо.

В сенях он схватил свое пальтишко, выбежал во двор и, увидев около крыльца Сударку, не раздумывая, прыгнул в сани. Крутанул вожжами над головой, крикнул, и... застоявшаяся Сударка бодро взяла с места.

— Ваня!.. Вань!.. Ты куда?! Вернись!!

Он не обернулся ни разу, знай погонял лошадь.

Голоса затихли, мелькнули длинные, приземистые коровники, и сани покатились по наезженной лесной дороге. Сударка, удивляясь неожиданно легким саням, бежала резво.

«Ничего, — мстительно думал Иван, — ничего, пешочком пройдетесь... Полезно... Будете знать!..» Его обида была так сильна, что он сейчас не отделял Федорова от остальных. Напротив, он всех их в эту минуту ненавидел. Всех — чужих этих!

И еще сильнее стала его обида, когда он вспомнил утро, радостное свое пробуждение, веселое ожидание отъезда, Галин голос в санях: «Ты... сам сочинил?..» И как летела назад снежная дорога.

Такой день был! Такой день...

— Нн-оо!..

Когда он прикрикивал на нее, Сударка косила глазом вбок, как бы желая разглядеть, что за незнакомый голос понукает ее, но бежала послушно, и вскоре в синеющем вечернем воздухе показались первые ранние огоньки Ступина.

❄

На следующий день собрался совет дружины.

Клава сидела за столом сердитая, поджав губы. Федорова все дружно осудили, а ему что, только одно и твердит: «Виноват, исправлюсь! Ей-богу, исправлюсь!»

Ивану тоже досталось. Ему, как и Федорову, вынесли выговор. Формулировка такая: «Не подумал о товарищах». Вся бригада, значит, топала по его вине три километра.

Галя сидела в уголке и не подымала на него глаз.

Под конец Клава сказала:

— Ну вот что, а теперь наладим мирное сосуществование. Подавайте друг другу руки и миритесь. Хватит бодаться. Не бычки.

Федоров, конечно, нате-пожалуйста. Растопырил пальцы, тянет руку и поет: «Давай пожмем друг другу руки!..»

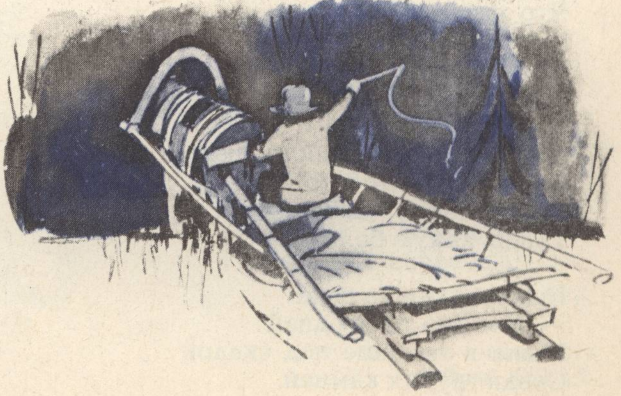
— Федоров, опять шута корчишь! — нахмурилась Клава.

Иван видит: снова цирк. Отвернулся от Федорова. И руку на всякий случай спрятал в карман.

— Ну, знаешь, Федоров, — сказала Клава. — С тобой надо еще работу проводить... А ты, Моторихин, тоже фрукт. Гордец какой! Печорин!

Все же руку Федорову он не подал. На том и разошлись.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Песня останется!

Он был казнен фашистами 25 августа 1944 года в тюрьме Шпандау. Но его песни вырвались на свободу. И весь мир услышал голос татарского поэта. И запомнил его имя — Муса Джалиль.

До войны Джалиль был редактором детского журнала. Он много писал для детей и о детях. О детях думал он и уходя на войну. Маленькой девочке из города Мензелинска Джалиль писал:

«...Если пуля достанется,
То тогда не до встреч.
Ну, а песня останется —
Постарайся сберечь...»

Мы печатаем несколько стихотворений Мусы Джалиля: одно («Горная река») в новом переводе, остальные на русском языке публикуются впервые.

Горная река

Бурлит река, гремит река,
Вся в пене мчит река.
Куда летит, куда спешит,
Бежит издалека?

Как будто ночью кто вспугнул
Табун шальных коней.
К чему ей брызги высекать,
Как искры из камней?

То вдруг притихнет, широко
Раздвинув берега,
И на закат сквозь камыши
В тиши глядит река.

То снова пустится в галоп,
Закусит удила
И в пропасть бросится со скал,
От бешенства бела!

Что за река! Что у нее
За тайна в глубине?
Быть может, горе или боль
Таит она на дне?

И я сказал: — Прости, река,
Скажи мне, что с тобой?
Какую тайну ты хранишь,
Таишь какую боль?

И отвечала мне река:
— Я много тысяч дней
Жила в темнице под скалой
Среди глухих камней.

Узнала рабство я, и тьму,
И холод, и позор,
И счастлива теперь, что есть
И воздух и простор!

И я дышу, и всюду путь
Передо мной открыт,
И только ненависть моя
Седой волной кипит.

Свобода — вот она, смотри:
Живу я, как хочу,
И в белой пене по камням
Я с хохотом лечу!

Я всем темницам на земле
Свое проклятье шлю,
А небо, солнце и людей
Люблю, люблю, люблю!

28 октября 1943 г.

Песня о храбром джигите

Мчался храбрый джигит
На гнедом скакуне,
В чистом поле
Он с вражеской ратью
схлестнулся.

Но без всадника конь
Проскакал в тишине
По родному селу,
А джигит не вернулся.

В чистом поле погиб он
В неравном бою,
И окрасилась кровью
Трава молодая.
Но простреленный стяг
Он, как клятву свою,
Младшим братьям своим
Завещал, умирая.

Над могилой
Бессмертное знамя горит...
В каждом доме тебя
Поминают любовью,
В каждом сердце живет
Твое имя, джигит,
И склонилась страна
К твоему изголовью.

Март 1936 г.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

Вольные ветры

Вольные ветры,
Вольные ветры,
Тучи вы гоните,
С бурями споря,
И белогривый табун
За собою
Водите вы
По свирепому морю!

Гладите вы
то пшеницу,
То клевер,
То, развернувшись,
Летите на север,
Чтобы прогнать
На пути каравана
Айсберг,
что спрятался
В клочьях тумана.

Вольные ветры,
Вольные ветры,
Всюду вы были,
По свету летая:
Есть ли страна,
Что похожа на нашу,
Есть ли такая
Отчизна другая?

Чтобы она была
Так же свободна,
Недра богаты,
Земля плодородна,
Лес полон ягод,
А поле пшеницы,
И необъятны
Морские границы,
Счастливы взрослые,
Веселы дети.
Есть ли такая
Другая
На свете?

И отвечали
Вольные ветры:
Много мы видели,
Много летали,
Только отчизны,
Похожей на нашу,
Нет, не видали,
Нет, не видали...

Сентябрь 1938 г.

Девочке из Мензелинска

Ты прощай, моя умница,
Погрусти обо мне.
Перейду через улицу —
Окажусь на войне.

Если пуля достанется,
То тогда не до встреч.
Ну, а песня останется —
Постарайся сберечь...

25 ноября 1941 г.

Перевел с татарского
Юрий КУШАК.

ОТ РЕДАКЦИИ

Начдив Аркадий Голиков, писатель Аркадий Гайдар... Ты, конечно, знаешь, что это один и тот же человек.

В редакцию «Пионера» принесли четыре рассказа Гайдара: «Обрез» и еще три, которые ты сейчас прочитаешь. Когда-то, много лет назад, они были напечатаны в небольшой уральской газете.

Старые-старые рассказы, мелькнувшие на газетной полосе и тут же затерявшиеся,— это не воспоминания и не выдумка. Молодой Гайдар пишет о молодом времени своей страны. Гайдар пишет, а в кобуре медленно остывает наган с недострелянной обоймой. Только что кончилась гражданская война.

Обрез

Мой помощник Трач подъехал ко мне с таким выражением лица, что я невольно вздрогнул.

— Что с вами? — спросил я его.— Уж не прорвались ли геймановцы через Тубский перевал?

— Хуже,— ответил он, вытирая ладонью мокрый лоб.— Мы разоружаемся.

— Что вы городите? — улыбнулся я.— Кто и кого разоружает?

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Грянул выстрел. Простояв секунды три, Трач подчеркнуто спокойно направился к нам...

— Мы разоружаемся,— упрямо повторил он.— Я только что с перевала. Эта проклятая махновская рота уже почти не имеет винтовок. Я наткнулся на такую картину: сидят четыре красноармейца и старательно спиливают напильниками стволы винтовок. Я остолбенел сначала. Спрашиваю: «Зачем вы это делаете?» Молчат. Я кричу: «Что же это у вас из винтовок получится, хлопушки?.. Ворон в огороде пугать?» Тогда один ответил, насупившись: «Зачем хлопушки?.. Карабин получится, он и легче и бухает громче, из его ежели ночью по геймановцам дунуть, так горы загрохочут — вроде, как из пушки». Нет, вы подумайте только, карабин... Я ему говорю: «Думать, что если от винтовки ствол отпилить, то кавалерийский карабин получится, так же глупо, как надеяться на то, что, если тебе, балде, голову спилить, то из тебя кавалерист выйдет».— Трач плюнул и зло продолжал: — Я даже не знаю, что это такое... Это нельзя назвать еще изменой, потому что на перевале они держатся как черти, но в то же время это прямая измена, равносильная той, что если бы кто-нибудь бросил горсть песку в тело готовящегося к выстрелу орудия.

— Вы правы,— ответил ему я,— это не измена, а непроходимое невежество... Четвертая рота прислана недавно, в ней почти одни бывшие махновцы... Поедемте к ним.

И пока мы ехали, Трач говорил мне возмущенно:

— Когда-то я бесился и до хрипоты в горле доказывал, что снимать штыки с винтовок — безумие. Ибо винтовка — машина выверенная, точная, ибо при снятом штыке перепутываются все расчеты, отклонения пули при деривации... но это же пустяки по сравнению с тем, когда отхватывают на полторы четверти ствол. Стрелять из такой изуродованной винтовки и надеяться попасть в цель так же бессмысленно, как попробовать попасть в мишень из брошенного в костер патрона. Да что тут говорить... Вот погоди же, я сейчас докажу им... они позаткнут свои рты.— И он зло рассмеялся.

— Что вы хотите сделать? — спросил я..

— А вот увидите.

Мы подъезжали к перевалу. Нагроможденные в хаотическом беспорядке, огромные глыбы тысячепудовых скал то и дело преграждали путь. Последний поворот — и перед нами застава. Построили роту развернутым фронтом. Скомандовали «На руку!» Пошли вдоль фронта. Вместо ровной щетины стальных штыков перед нами был какой-то выщербленный частокол хромых обрезков, из которых только изредка высовывались стволы необрезанных винтовок, но и те были без штыков...

Я покачал головой. Трач отвернулся вовсе. Видно было, что это убогое зрелище выше его сил.

Скомандовав «К ноге!», я начал речь с нескольких крепких фраз. Говорил я долго, убеждал, доказывал всю нелепость уродования винтовок, ссылался на стрелковый устав.

Под конец мне показалось, что речь моя имеет некоторый успех и доходит до сознания бывших махновцев.

Но это было не совсем так, ибо когда я кончил, то сначала молчали все, потом кто-то из заднего ряда буркнул:

— Что нам впервой, что ли...

И сразу же прорвалось еще несколько голосов.

— А как мы возле Александровска обрезами белых крыли?

— Как так не попадает?! Тут самое важное — нацелиться,— послышались поддерживающие голоса.

Трач, резко повернувшись, подошел к маленькому рябому махновцу, горячо доказывавшему, что надо «только нацелиться», и, дернув его за рукав, вывел вперед фронта... Потом отдал какое-то приказание. Из-за кустов притащили самый обыкновенный пулеметный станок Виккерса. Трач взял обрезок, приладил его наглухо к станку и навел его на большой расшибленный сук стоявшего в пятидесяти шагах дерева.

— Смотри,— сказал он махновцу. Тот посмотрел, мотнул головой удовлетворенно и отошел. Подошел я. Края мушки приподнялись как раз посредине и вровень с прорезью прицела. Обрезок был направлен точка в точку в сук.

— Что вы хотите делать? — спросил я.

— Я стану туда сам,— ответил Трач.

— Что за глупости? — заволновался я. — Конечно, это обрезок, но зачем все-таки рисковать?

— Никаких «но»... и никакого риска, — холодно ответил Трач и спокойными шагами пошел к дереву.

Красноармейцы один за другим подходили к обрезку, щурили глаза и, качая головой, отходили прочь.

Трач мотнул рукой. Рябой махновец, вместо того чтобы держать спусковой крючок, испуганно посмотрел на меня.

Трач нетерпеливо мотнул рукой второй раз...

Махновец опять заколебался. Скрепя сердце я кивнул головой. Шеренга ахнула... Одновременно грянул выстрел.

Простояв секунды три, Трач спокойно, подчеркнуто спокойно, направился к нам...

— Ну что? — спросил он, подходя.

Красноармейцы молчали.

— Ну что? — повторил он еще раз.

Тогда забурлило, захлопотало все вокруг... и чей-то голос громко, но смущенно крикнул:

— Крыть нечем.

Аркадий ГОЛИКОВ

Предатель

Взялся у нас этот самый Рыбашкин черт его знает откуда. Было дело на походе. Сунули его к нам во взвод. Дня три, должно быть, он у нас околачивался, странный человек, чужой человек. Никак не доищешься до его социального происхождения. И от всех-то он чужаком держался. К нему подойдешь — дай спичку. Даст и молчит. Начнешь его про что-нибудь расспрашивать, а он отвечает односложно и своим ответом как бы говорит: а не суйся ко мне в мою личную жизнь. Ах, ешь тебя пес! А какая же на фронте может быть личная жизнь, когда там как у одного, так и у всех? Пронесся у нас слух, что есть этот человек Рыбашкин мобилизованный гражданин, а служил он раньше по частному найму в торговой компании Шпундикер и сыновья не то в должности счетовода, не то еще кем-то из администрации. Но точно проверить было невозможно, да и кому какое дело.

А после этих трех дней ушился он в хозяйственную команду штаба и засел там на месте помершего от тифа Игошкина переписчиком по выписке ордеров на обмундирование. Взойдешь, бывало, в штаб, смотришь: сидит он и пишет что-то. А чего писать — неизвестно, потому что обмундирования в те поры в цейхгаузе не было и донашивали старое.

Странный был человек, загадочный. Однажды пришел к хозяйке и выменял у нее на кружку соли нательный крест. И, по-моему, выменял он этот крест не по религиозности, а с целью.

Казаки наступали. Ну, так вот, должно быть, чтобы в случае чего отказаться, я, мол, мобилизованный, беспартийный и крест у меня на шее, так что с меня спроса нет.

И как раз в то время получил я пулю в ногу. Не так чтобы очень, а слегка. И остался по этому поводу с обозными.

И вот вышло у нас такое дело. Стояла хозяйственная команда в деревне Околелово. Было часа четыре после обеда. Как полыснул неожиданно по нашей Околеловке пулемет. Потом, смотрим мы, мчатся лавою казаки. И откуда было им взяться, неизвестно. Потому что тыл. Однако мчатся, саблями махают и гикают дико. Не успели мы и опомниться, как ворвались казаки огромной массою в деревеньку.

Согнали нас плетюгами к поскотине и выстроили в ряд. Повернул я голову и ахнул — смотрю, стоит рядом товарищ Шестаков, комиссар нашего полка. И как он здесь очутился — не могу я понять.

Спрашивает нас тогда казачий офицер:

— А ну, кто здесь коммунисты и начальники, выказывайте.

Наши молчат. Он тогда повторно спрашивает, но уже более сердитым голосом:

— Выказывайте, тогда всем ничего не будет. А не то всех постреляю.

Ну, мы думаем, всех так всех, значит, судьба. А сами отвечаем ему общим хором:

— Нету, господин офицер, у нас коммунистов, кабы мы строевая, а то хозяйственная, обозники все и прочая шушера. Какие ж могут быть среди нас коммунисты?

И чуть-чуть было не поверил офицер, как вдруг в эту самую решительную минуту раздается с левого фланга голос:

— Дозвольте, господин хорунжий, слово вставить. Конечно, нет среди нас никаких коммунистов, окромя товарища Шестакова, нашего комиссара.

Глянул я на Шестакова, а он стоит бледный, голову на предателя Рыбашкина повернул и губами что-то прошептал, а что прошептал — хоть не было никому слышно, а всем понятно. Вывели тогда товарища Шестакова вперед, а на нас и внимания не обращали, смешались мы тогда кучею, как бараны, и стоим, смотрим, что будет дальше. И странное дело тогда вышло. Только отвернулся офицер к товарищу Шестакову, как вдруг наезжает на нас какой-то молодой казак. Конь у него на дыбы и горячится. Очутился этот казак вроде как бы по вине коня возле Рыбашкина да как саданет его плетью раз-раз, так что тот завертелся даже, и крикнул ему негромко: «Эх, шкура, сука ты продажная!» И тотчас же отскочил казак с конем, когда обернулся офицер.

И стало мне понятно из этого, что во всех концах у нас есть товарищи, что даже и среди казаков есть у нас друзья. Потом, когда увели товарища Шестакова в расход и остался в нашей среде Рыбашкин, то подлаживается он к нам и говорит:

— Ну вот и хорошо отделались, а то все пропасть могли бы.

А мы видим, что среди белых есть которые нам сочувствуют. Взяли да и подняли крик. Подскакивает к нам прежний казак и говорит:

— Вы чего орете?

А мы отвечаем:

— Вот этот человек смущает нас побег сделать. — И тыкаем пальцем на Рыбашкина.

— А,— говорит казак,— побег.— Вынул свою шашку. Рыбашкин орет: врут они. А вахмистр якобы не слышит этого и говорит ему тихо:

— Они-то врут, да ты, когда не надо, с правдой суешься.

И как полыснет шашкой предателя, так с одного раза и вылетела его провокаторская душа вон.

Было все это дело возле города Льгова — раньше Курской губернии, а теперь не знаю. И встретился я с тем казаком, что зарубил Рыбашкина, уже в двадцатом году на польском фронте. Узнал я его, пожал ему руку как красному товарищу, вспомнили мы с

Вдруг наезжает на нас какой-то молодой казак да как саданет Рыбашкина плетью.

ним тот случай, потом попрощались, и ускакал он в поле, в ту сторону, где шел с поляками за красное дело кровавый бой.

Арк. Г.

«Пленник»

Было трудно выдирать сапоги из размякшей глины. Хотелось спать. И еще больше почувствовалась потребность во сне после того, когда полевой телефон запел монотонным вызовом и адъютант полка Федырыщенко сонным голосом сказал:

— А ведь как будто бы с рассветом опять в поход.

Надо было поверять посты. Собственно, посты можно было бы и не поверять — старшина роты Лебедев только что вернулся с поверки, но всегда у командира в боевой обстановке мелькают мысли: «Ты-то поверил, отвечаю-то я. Мой участок».

Кроме того, подумал я, вероятно, Лауберс, латыш, командир третьей роты, тоже не успокоится, прежде чем каждый пост в темноте еще за пятьдесят шагов не окрикнет его:

— Стой!.. Стой, кто идет? Стрелять буду.

И когда спит этот Лауберс, никому неизвестно — у моей четвертой и у его третьей роты всегда меж собой как бы соревнование.

Сначала я попробовал выбирать дорогу, но после того, как провалился несколько раз в колдобины с разжиженной глиной, плюнул на все и зашагал прямо, невзирая на гиблую грязь.

У края деревушки я остановился. Посты были совсем неподалеку.

«А дай-ка попробую подобраться к ним незаметно!»

Укрываясь за кусты, потихоньку вытягивая сапоги из грязи, чтобы не хлюпали, я стал пробираться. Кругом тихо, даже собаки, загнанные сыростью по конурам, не лаяли. И как раз в ту минуту, когда я почти что подобрался к самому месту, где должен был находиться пост, мне показалось, что сзади что-то хрустнуло, как будто бы сломалась ветка, вдавленная в глину. И снова наступила тишина.

Я обернулся, но никого не увидел. «Должно быть, свинья»,— подумалось мне. И я стал пробираться дальше, негодуя на то, что с поста меня не окликают.

«Вот тебе и пост,— подумал я.— Вот и попробуй их не проверить, а у Лауберса, конечно, за полверсты окрикнут. Ну, погодите, я покажу вам, как прозевывать!»

Только что я выпрямился, намереваясь открыто подойти к посту, находившемуся от меня не больше, чем в десяти шагах, как в ту же минуту почувствовал: кто-то крепко, по-медвежьи схватил меня сзади и сильным рывком свалил в грязь.

«Белые,— подумал я,— очевидно, они сняли пост... Вот почему меня и не окрикивали».

— Есть! — крикнул голос.— Давай сюда, ребята!

И в следующую же минуту, разбрызгивая сапожищами грязь, меня окружили несколько человек.

— Шпиона поймали! — захлебываясь от гордости, крикнул чей-то задорный и донельзя знакомый мне голос.— Самый как есть настоящий белый, и ухватки такие, меня как куснет за руку.

— Шпиона поймали! — крикнул задорный и донельзя знакомый мне голос.

— Симаков! — крикнул я, цепенея от изумления. — Симаков, откуда ты? Это же я!

Последовало некоторое замешательство. Кто-то чиркнул спичкой мне в лицо, и послышались смущенные голоса:

— Так это же ротный!

— Конечно, это я... Что вы, спятили, что ли?

— А ты не подкрадайся,— помогая мне подняться, хладнокровно ответил Симаков.

— Так если я подкрадываюсь, ты бы окликнул меня: стой, мол, кто идет.

Симаков хитро сощурился и ответил:

— А я утром слышал, как ты Лауберсу говорил, что хорошо бы пленного для опроса захватить. Ну, думаю, вон ползет, значит, не надо упускать случая, а то, пожалуй, ихняя рота допрежь нас захватит кого-либо. А ежели ты... (дальше он продолжал обиженно)... а ежели ты просто для проверки подкрадался, так нас проверять нечего... Мы сами свое дело знаем.

Арк. Г.

Две телеграммы

— Читай,— сказал Ленька, подавая мне пачку свежих телеграмм.— Только сиди смирно, приемник что-то плохо работает.

Я сел в уголок и, пробегая по сухим, сжатым строчкам, наткнулся на короткое и интересное сообщение.

Прочел его. Перечел еще раз и задумался.

Я долго сидел молча, я почти не слышал, как Ленька отчаянно ругался и вертелся около капризничающего радиоприемника. Потому что мысли уплывали в далекое огневое прошлое, и оттуда, из прошлого, певуче звенели телеграфные провода, и через бунтующиеся поля Украины из тревожного зарева беспрерывных пожаров выплывала не эта, а другая, отрывистая телеграмма:

«Всем... всем... всем...

Бывший командир шестой Советской дивизии, он же «атаман партизанов Херсонщины и Таврии» — Григорьев изменнически выступил против красных частей УССР, а потому объявляется предателем, состоящим вне закона и подлежащим немедленному уничтожению. Ворошилов».

Эх! Мама! Ну что я буду говорить, как могу я передать, чем жили, чем дышали тогда поля клокочущей Украины?

Ревели эшелоны и останавливались у края разобранных путей.

— Кто разобрал?

— Батько Соколовский.

Тревожно сжимая винтовки, глядели красноармейцы в распахнутые окна на отблески загорающихся горизонтов и спрашивали:

— Отчего пожары?

— Батько Шекера.

Ревели, разбрасывались искрами, слетали к черту под откосы эшелоны. Наперекор темноте, напролом через ночь врывались и взрывались самодельные бронепоезда. Грохотали огнями направо. Грохотали огнями налево.

— ...А ну, братва, даешь по атаманам... Даешь по Струку, даешь по Ангелу, даешь по Тютюннику, по дьяволу, по черту — батареи, огонь!

И когда снаряды растрачены, когда пути разобраны, а паровозная топка искорежена, тогда гуртом, помахивая клешами.

— ...рраа! Ребята!

И ничего, что свинец в живот, ничего, что шашка по черепу.

В чем дело?

Отчего не отдохнуть после бессонных пороховых ночей, пропитанных запахом разогретого железа, отчего не уснуть под отцветающей пряной вишней, с которой лепестки осыпаются медленно-медленно, и под мягкой улыбкой молодой украинки, приветливо выглядывающей из расписного окошка.

— ...Сволочь, сволочь! — укоризненно смотрит на нее сонно-закрывающимися глазами конченный матрос.— Ты ж еще только недавно улыбалась гайдамаку, потом петлюровцу, потом перевитому кантом добровольцу. И еще только вчера ночью приезжал к тебе с ватагой батька Орлик. Зачем же улыбаешься сейчас ты и мне?

Это было около Александрии в час ночи.

В штабной вагон отряда вошел комендант станции. И, отозвав начальника, сказал с хорошо разыгранной тревогой:

— Предали, сволочи, что теперь делать? Домчук высадился и, вместо того чтобы идти на Горловку, выбил коммунистов и занял город. Со станции все разбежались. Я один... совершенно один.

— Но что же я могу? — ответил начальник отряда.— Я с минуты на минуту ожидаю приказа выехать.

— Тут же недалеко, всего четыре-пять верст,— завопил комендант.— Вы управитесь за несколько часов. Поймите же, что едва вы уедете, они перервут тотчас же путь.

...Командир встал.

Было тихо, было пусто по темным, замкнувшимся уличкам придавленного темнотой и страхом поселка.

— Что за черт! — пробурчал командир.— Куда же они пропали, уж не ловушка ли это?

Но ловушки не было.

Отряд несся на выручку атакованному поезду.

— Товарищ Ботт! — сказал вдруг полушепотом командир.— Что-то тут не так. Уж не измена ли?..

— А что! — вздрогнувши, ответил комиссар.— Вы думаете, что комендант нарочно...

Он не окончил и, быстро поворачивая голову, резко дернул командира за рукав.

— Смотрите! Что это?

Далеко, из завесы тьмы, окутывавшей невидимый лес, заревела сирена мощного паровоза, заблестели огни, и, разбрасывая искры, полным ходом летел, весь залитый светом, поезд.

— На станцию! — крикнул командир, начиная догадываться, в чем дело.— Скорее!

И едва отряд успел пробежать несколько сотен шагов, как со стороны вокзала бабахнул выстрел.

— Бомба! — крикнул кто-то на ходу.— Они бросают под поезд бомбы!

Задыхаясь, спотыкаясь о камни, о придорожные канавы, несся отряд на выручку атакованному поезду, который сверкал вспышками винтовочных выстрелов и рассыпался фейерверками пулеметных лент, несся к загадочному эшелону, ворвавшемуся в жуткую тишину вероломной ночи.

Минут через двадцать после того, как захваченная с двух сторон банда Домчука бросилась прочь и исчезла так же неожиданно, как и появилась, к начальнику и комиссару подошел какой-то матрос.

— Вас просят в вагон.

— Но кто? Чей это состав? — спросил Ботт, закладывая на ходу обойму в еще горячую карабинку.

— Как чей! — удивленно ответил матрос. — Это же поезд командующего.

— Ты о чем думаешь? — спросил меня Ленька, выключая радиоприемник.— Что это у тебя за телеграмма?

— Ты же знаешь,— ответил я.

Там было:

«Президиум ЦИК СССР постановил назначить Народным Комиссаром по военным и морским делам тов. Ворошилова, Климентия Ефремовича».

— А что? — спросил меня Ленька, возвращая телеграмму.— Не приходилось тебе случайно встречаться на фронтах?

— Приходилось,— улыбаясь, ответил я. — Было и такое дело, Ленька.

...Эх, Украина, Украина! Темные ночи, наполненные шорохом тревоги... Яркие пятна далекого огневого прошлого...

ГАЙДАР

Международный пионерский клуб «Товарищ»

К борьбе за солидарность, мир и дружбу будьте готовы!

Всегда готовы!

Zawsze gotowy!

Immer bereit!

Винаги готови!

Altid beredt!

Aina valmiit!

Хэзээд бэлхэн!

В. ЧУКАНОВ

На помощь друзьям

Каждое утро
Мы бежим в школу.
Каждое утро
Бежим и поем...
Вот только на голове у нас —
Каски,
А в портфеле —
Перевязочный пакет...

Я услышал эту песню в Артеке. Пели ее ребята, приехавшие из Южного Вьетнама. Вдумайтесь в слова этой мужественной песни!

Ребята идут в школу в касках... Каски и соломенные щиты защищают их от осколков бомб. Они носят всегда с собой пакет, в котором бинты и лекарства: всякую минуту их может ранить. И все-таки каждый день они садятся за парту.

Американцы называют их землю «Зоной свободного огня», их инструкции разрешают солдатам стрелять без предупреждения по любому движущемуся предмету, даже если это мальчик или девочка.

Когда слышишь такую песню, видишь суровые лица вьетнамских ребят — маленьких отважных бойцов, не раз глядевших в глаза смерти, сердце сжимается от боли и хочется немедленно действовать. Хоть чем-то помогать их борьбе за независимость.

Вьетнамцев в Артеке очень любили. Их приглашали на все национальные праздники, дарили подарки, цветы. Всем хотелось сделать для них что-то приятное. Среди друзей, чувствуя тепло и дружбу, вьетнамские ребята оттаяли, начали улыбаться. Однажды, когда проводили конкурс рисунков на асфальте, я слышал, как они весело смеялись — радовались, что всем понравился рисунок Чыонг Тхань Тханга.

По небу плыли белые облака, весело смотрело желтое солнце, и прямо у моря стоял большой дом, очень похожий на тот, в котором Чыонг жил в Артеке.

Рисунки вьетнамских ребят так были похожи на рисунки всех остальных! Но никогда ни на секунду эти ребята не забывали о своих товарищах на Родине и о войне, которая идет на их земле.

Мне много приходится разъезжать по нашей стране, встречаться и разговаривать с ребятами, бывать на митингах, читать письма в редакцию. Я знаю, какое острое чувство солидарности с борьбой вьетнамского народа испытывают наши пионеры.

Вы тоже об этом хорошо знаете. Я думаю, нет среди вас такого человека, который ни разу вместе с друзьями не отправлял во Вьетнам посылки с тетрадями, ручками, книгами, портфелями, игрушками, не собирал лекарственные травы для вьетнамских госпиталей, не зарабатывал деньги, которые пошли в фонд Вьетнама, не выступал с протестами против войны во Вьетнаме на митингах и собраниях.

Такое же чувство любви к своим вьетнамским сверстникам и солидарности с борьбой их народа испытывают пионеры и дети трудящихся всех стран мира.

Мне довелось встречать в Измаиле пароход «Радецкий». Это старый легендарный пароход, на котором плавал болгарский революционер и поэт Христо Ботев. Болгарские пионеры восстановили его, и теперь «Радецкий» совершает рейсы дружбы по Дунаю. В тот раз на его борту были пионеры шести социалистических стран. В Измаиле выдался исключительно жаркий день, но все единогласно решили поехать в украинское село Каменку, поработать в колхозном саду. Заработанные деньги ребята отослали в фонд Вьетнама.

И в тех странах, где детям трудящихся живется пока еще трудно, где идет борьба за свободу, независимость, социализм, ребята не забывают своих сверстников во Вьетнаме, всегда готовы прийти им на помощь. О том, как помогают вьетнамским друзьям ребята разных стран, я и хочу рассказать.

Значки пионеров Демократической Республики Вьетнам и Южного Вьетнама очень похожи. Молодой побег бамбука символизирует юную смену борцов за свободу и независимость Вьетнама. Золотая звезда означает, что руководит пионерской организацией ДРВ Партия трудящихся Вьетнама. Чем они отличаются? На значке пионеров ДРВ весь круг красный, а на значке пионеров Южного Вьетнама — половина круга красная, а половина голубая. Это говорит нам о том, что весь вьетнамский народ борется за полное освобождение Южного Вьетнама. Придет победа, и круг на значке южновьетнамских пионеров тоже станет красным.

Тициано дежурит

Камень влетел в окно с такой силой, точно им выстрелили из пушки. Звон разбитого стекла заглушил следующий удар. Тициано услышал чей-то неприятный голос: «Лезь сюда, Пьетро! Сейчас мы им покажем Вьетнам!..»

Тициано Барбьери вместе с товарищами написал пьесу, в которой рассказывается о жизни вьетнамских ребят. Вечером они играют ее в рабочем клубе. Деньги, полученные от спектакля, отдают в фонд солидарности с Вьетнамом.

В том году итальянские пионеры собрали для Вьетнама двенадцать миллионов лир.

Труппу Тициано пригласили на национальный праздник, который устраивала газета итальянских коммунистов «Унита», в город Турин. Выступление ребят всем понравилось. Клаудио Ториджани за лучшее исполнение роли вручили подарок вьетнамских друзей: ручку, сделанную из обломка американского самолета, сбитого над Вьетнамом.

Когда они вернулись в свой город Реджо-Эмилия, Клаудио сказал Тициано:

— Есть неплохая идея. Помнишь фотографии и документы, которые нам прислали вьетнамские ребята? И наши афиши... У Вильды есть настоящий вьетнамский зонтик, ей отец подарил...

— Ну и что?

— Можно открывать в клубе музей. Экскурсоводами будут все ребята из нашей труппы.

Не успели они собрать в клубе первые экспонаты музея, как явились эти фашиствующие молодчики.

Тициано никогда раньше не было так страшно. Он один, а их много! Он вспомнил, что его герой в спектакле, почти безоружный, берет в плен двух вооруженных до зубов американских солдат... Он решительно шагнул на сцену и крикнул:

— Я узнал тебя, Пьетро! Немедленно уходите!

Он сказал неправду. Никогда он не видел Пьетро. Но надо было выиграть время. Клуб находился в рабочем районе. Может быть, кто-нибудь услышит звон разбитого стекла и придет на помощь. Главное — продержаться.

— Эй, Лючио! — крикнул Пьетро.— Погляди за улицей, а мы пока с моим «знакомым» рассчитаемся.

Приятели Пьетро принялись калечить декорации и рвать костюмы, а Пьетро крикнул:

— А ну покажи нам свой музей!

Но тут с улицы послышался шум. Хулиганы бросились врассыпную. Первым прибежал Клаудио.

Стекла вставили в ту же ночь. Тициано предложили уйти домой, но он отказался: он дежурил, он не мог уйти со своего поста.

Весть о ночном налете фашистов облетела город. Многие приходили в клуб и предлагали помощь. После представления Тициано подошел к Клаудио Ториджани, протянул ручку, которую ему подарили в Турине.

— Мы поместим ее в наш музей,— сказал Тициано.

Три миллиона франков

Синяк под левым глазом к утру стал таким большим, что скрыть его было невозможно. Отец спросил:

— Кто это тебя так, Жан?

Они распространяли билеты лотереи, доход от которой идет в фонд Вьетнама. Подошли к Роберу, а он стал кричать, что вьетнамцы — дикари. Жан не сдержался, дал Роберу пощечину. А когда вышли из школы, Робер поджидал Жана со своими дружками.

— Кулаками правду не докажешь,— сказал отец.— А с лотереей я тебе помогу.

На следующий день он вернулся с работы вместе с докером Ивом Вуарином.

— Среди твоих приятелей есть художники? — спросил Ив.

— Братья Роландо рисуют, Серж и Андрэ.

— Тогда у нас к вам просьба: надо нарисовать картину — самолет сбрасывает бомбы на детей, которые играют у своего дома. Мы сфотографируем эту картину и снимки раздадим докерам и другим рабочим.

Жан собрал ребят. Рассказал им о просьбе Ива, показал фотографии, которые Ив сделал, когда был во Вьетнаме. Теперь братьям Роландо было легче рисовать.

Вот это удар!.. Идет Международная встреча по волейболу. Давид Муньос и его товарищи внимательно следят за игрой.

Картина Иву понравилась. В тот же день он показал Жану место на рабочей улице, которая вела к порту. После занятий ребята пришли на эту улицу. Жан и Анна расклеивали на стене плакаты «Поможем детям Вьетнама!». А братья Роландо достали из портфеля фотографии своей картины и раздавали их докерам.

Теперь этих ребят хорошо знают в Марселе. Жан Анри, Анна Роблин, Серж и Андрэ Роландо и их друзья, которых становится все больше и больше, собрали в фонд Вьетнама несколько тысяч франков. А всего французские пионеры передали своим сверстникам во Вьетнаме почти три миллиона франков.

Письмо Чыонгу

— Тебе письмо, Чыонг! Из Чили,— сказал учитель и протянул Чыонгу голубой конверт.

В конверте было письмо от Давида, с которым Чыонг подружился в Артеке.

«Мы с отцом ездили на Огненную Землю. Это крайний юг Чили. У нас на севере круглый год палит солнце, выжигает землю, а на Огненной Земле всегда сильные ветры и зимой морозы.

На Огненной Земле разводят овец. Шерсть у них густая и длинная, говорят, самая лучшая шерсть в мире. Я научился стричь овец и сам постриг четырех. Овцеводы подарили мне теплый свитер и вязанную шапочку. Однажды я им рассказал о Советском Союзе, о ребятах, с которыми подружился в Артеке, и о тебе тоже. Председатель кооператива принес еще один свитер и шапочку и сказал:

— Это твоему вьетнамскому другу. Напиши ему, что раньше у нас хозяйничали янки, а теперь бывшие батраки создали кооператив. Мы верим: скоро и вьетнамцы выбросят захватчиков со своей земли».

Ящики с тетрадями

Мирчо Гыта старательно выводил на листках бумаги адрес своей школы Румыния, город Сату-Марэ, средняя школа № 3. Ребята укладывали эти листки в ящики, которые были наполнены тетрадями, ручками, карандашами, альбомами. Несколько раз в году они отправляли во Вьетнам такие посылки.

Ящиков было много, провозились с ними допоздна, не успели на почту. Всю ночь лил сильный дождь. К утру начался ураган, и в школе отменили занятия. Уровень воды в реке Сомеш поднялся на девять метров. Многие районы города затопило. Большая беда пришла в Сату-Марэ.

Школа, в которой учился Мирчо, к счастью, не пострадала. Туда собрались ребята из других школ. Пришлось потесниться. Только вот тетрадей, ручек и карандашей на всех не хватило.

Однажды Мирчо вошел в класс и увидел: кто-то из новеньких потрошил ящик, который они не успели отправить во Вьетнам.

— Отнеси сейчас же ящик на место! — налетел Мирчо.

— Ты что, с ума сошел? Нам же не на чем писать, а тут целый склад.

— Неси на место! — приказал Мирчо.— Это для Вьетнама!

Новенький замер, стал извиняться:

— Я не знал.

— Почта сейчас все равно не работает,— заступился кто-то за новенького,— а кончится наводнение, мы еще соберем.

— Не дам!— отрезал Мирчо.

Не тетрадей ему было жалко. Он вспомнил, как, упаковывая ящики, они представляли себе вьетнамскую школу, которая спряталась в пещере или в джунглях, думали, как будут радоваться вьетнамские ребята, получив эти посылки. И теперь потрошить эти ящики? Никогда!

Спала вода, ребята пришли на почту отправлять посылки.

— Вот хорошо, что вы пришли,— сказал почтальон.— Вы отправляете подарки во Вьетнам, а ребята со всей Румынии и даже из других стран прислали вам тетрадки и ручки.

Подарок

При свете керосиновой лампы Ха пишет письмо отцу на фронт: «Недавно школу опять бомбили. Одна бомба попала в наш класс. Хань, Ми и Лиен убиты. Многих ранило. Все тетради, портфели, учебники сгорели. Купить их негде. Магазины тоже разрушены. Директор обещал нам, что скоро построят школу в джунглях и мы продолжим учебу. Кто-то спросил: «На чем мы будем писать? Нет ни тетрадей, ни бумаги...». Директор велел собрать все старые книги и газеты и писать между строчек.

Школу уже построили — завтра открытие. Папа, пришли мне несколько листочков бумаги, у нас скоро будут экзамены».

И тут в дверь постучали. Пришли подруги Лан и Май.

— Скорее, Ха, собирайся, пошли в школу. Во двор приехал грузовик с посылками.

Ха выскочила на улицу. После света ночь показалась ей особенно черной. Она бежала впереди подруг так быстро, точно боялась опоздать. Ей казалось, что там, во дворе новой школы, стоит отец. Он услышал ее просьбу и прислал машину с тетрадями и учебниками.

На следующий день в новой школе был митинг. Все собрались под густыми деревьями возле бомбоубежища. Директор сказал:

— Мы получили ценные подарки из Советского Союза. Далеко от нас живут советские пионеры, но они не забыли нас. Они работали в колхозах, на стройках, собирали макулатуру, а на заработанные деньги купили нам эти подарки.

— Вот тебе портфель, Ха, тетради, карандаши, бумага,— сказала директор.

* * *

С тех пор прошло пять лет. Прошлой осенью Ха с отличием закончила школу и по решению министерства просвещения своей республики приехала учиться в Советский Союз.

Портфель, полученный когда-то в подарок от советских пионеров, Ха привезла с собой. И еще для своей советской подруги Нины — маленькое колечко, сделанное из обломков сбитого американского самолета.

Вот какие симпатичные ребята приехали к нам в гости из Вьетнама.

Каждый читает по-своему...

Наталья ДОЛИНИНА

Дубовый листок оторвался от ветки родимой...

Почему я решилась писать именно об этом стихотворении Михаила Юрьевича Лермонтова? Потому что всегда страшилась к нему прикоснуться. Всегда ощущала скрытую в нем тайну, то чудо поэзии, о котором рассуждать нельзя, его можно только чувствовать. Я писала о Лермонтове статьи и даже целую книгу, но всегда останавливалась перед этим стихотворением: оно представлялось мне необъяснимым.

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Черного моря.

Лермонтов был талантливым художником. Каждую его строчку, каждую строфу **видишь**, не только читаешь и слышишь. Вспомните:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом.

Или:

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах...

Здесь две картины, и обе ясно предстают перед нами. Иногда мне даже кажется, что из одного только стихотворения Лермонтова можно было бы сделать целый кинофильм, например, тот же «Воздушный корабль», или «Три пальмы», или «Дубовый листок»...

В первой строфе стихотворения мы **видим** дубовый листок, видим, как он «оторвался от ветки родимой», как «в степь укатился», и бурю видим, и чувствуем холод, зной...

Но уже в этих строках возникает какая-то неясность. Ветка названа родимой — так говорят о матери или о родной земле, но у листка не может быть матери, да и землю он вряд ли ощущает своей.

«Засох и увял он от холода, зноя и **горя**...» Увял от холода, засох от зноя. Но горе — ведь листку оно не страшно: листок не умеет чувствовать. А если он чувствует, если ветка для него, как мать или отчизна для человека, если он испытывает горе, — значит, в стихотворении речь идет вовсе не только о листке, но и о человеке. А стало быть, и чинара...

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской
царь-девицы.

И чинара, значит, не просто дерево: с ней можно шептаться, как с человеком. Она совсем не похожа на бедный дубовый листок: он «засох и увял», она красивая, свежая, молодая... Но главное вот в чем: листок один, а чинара не одинока — в стихотворении, оказывается, есть еще герои: ветер, который шепчется с нею, райские птицы со своими песнями, а позже появятся солнце, небо, море.

Вокруг чинары жизнь, и, конечно, листку хочется войти в эту жизнь, принять в ней участие.

И странник прижался у корня чинары
высокой;
Приюта на время он молит с тоскою
глубокой...

Теперь уж окончательно ясно, что речь идет вовсе не о листке: только человек может молить и тосковать. Но гордая чинара отвергает пришельца:

«На что мне тебя? — отвечает младая
чинара, —
Ты пылен и желт — и сынам моим свежим
не пара».

Может быть, она права? Ведь и правда: что делать засохшему листку среди свежих и веселых листьев? Не приживется он среди них... Но как пренебрежительно, капризно отвечает чинара: «На что мне тебя?» А самое обидное в ее отказе еще впереди:

«Ты много видал — да к чему мне твои
небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские
птицы».

Вот что заставляет нас ожесточиться против чинары: она даже выслушать пришельца не хочет. Ей даже не любопытно, что он расскажет, и райские птицы ей тоже надоели — одной собой она еще не устала любоваться:

«Иди себе дальше, о странник! тебя я
не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь
на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

Солнце, небо, море, ветер — вот какие «знатные» поклонники у чинары! Станет ли она обращать внимание на какой-то увядший дубовый листок?

Вот, оказывается, о чем это стихотворение! О любви. И главный его герой не гордая чинара, а отвергнутый ею листок, одинокий, страдающий, но знающий много «рассказов мудреных и чудных».

Выходит, что стихи эти о любви. Да, конечно. Но все-таки попробуем прочитать их еще раз. Вот что говорит о себе листок:

«До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.
Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя...»

Это «до срока созрел» знакомо нам. Еще в 1832 году восемнадцатилетний Лермонтов писал о человеке своего поколения:

Так сочный плод, до времени созрелый,
Между цветов висит осиротелый...

Почти без изменений эти строки перейдут в знаменитое стихотворение 1838 года «Дума»:

Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Почти без изменений — только *сочный* плод превратился в *тощий* (еще ближе к засохшему, увядшему листку),— и «пришлец осиротелый» тоже перекликается с одиноким листком.

В той же «Думе» Лермонтов говорил о людях своего поколения: «И жизнь уж нас томит, как ровный путь без цели...»

Трагедия бесцельной жизни — один из главных мотивов всего творчества Лермонтова. Мы встречаемся с ней в дневнике Печорина, а если открыть сборник стихов Лермонтова, то мы увидим, как образ одинокого человека, бесцельно прожившего жизнь в «отчизне суровой», проходит через все творчество поэта, многое прямо напоминает стихотворение «Дубовый листок...».

Что за важность,
    если ветер
Мой листок одинокой
Унесет далеко, далеко,
Пожалеет ли об нем
Ветка сирая;

Зачем грустить
    молодцу,
Если рок судил ему
Угаснуть в краю чужом?
Пожалеет ли об нем
Красна девица?

Лермонтов написал эти строки за десять лет до «Листка». Значит, «листок одинокой» жил в воображении поэта еще в начале его творческой деятельности! Вот и получается, что «Дубовый листок...» — стихи не только о любви и, может быть, вовсе не о любви! Чинара нужна бедному листку потому, что он нигде еще не нашел «души родной», потому что одиночество иссушило его больше, чем холод и зной, потому что ум, силы, талант поэта оказались никому не нужны, как не нужны чинаре «мудреные и чудные» рассказы листка.

Так вот о чем это стихотворение: об одиночестве человека среди людей. О трагедии поэта, не понятого своей страной («оторвался от ветки родимой»). Об обреченности поколения, пришедшего на сцену истории без времени, до *срока*: позже декабристов, которые с оружием в руках вышли на Сенатскую площадь, но раньше, чем те, кто продолжил дело погибших.

Значит, «Дубовый листок...» — политические стихи? Бесспорно. И философские? Несомненно. А как же с любовью? Разумеется, они и о любви.

Настоящее стихотворение настоящего поэта тем и отличается, что каждый читает его по-своему; оно бесконечно, его можно перечитывать десятки раз по-новому, и каждый раз останется еще что-то, сегодня непонятное, сегодня недодуманное — для того, чтобы через год или через десять лет мы опять вернулись к этим строкам и снова задумались над их кажущейся простотой:

Дубовый листок оторвался от ветки родимой...

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Черного моря.

У Черного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зеленые ветви лаская;
На ветвях зеленых качаются райские птицы;
Поют они песни про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.
Прими же пришельца меж листьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудреных и чудных».—

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара,—
Ты пылен и желт — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

1841 г.

Рисунки Ю. КАРПОВОЙ.

В. КАТАЕВ

РАССКАЗ

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

...Стало известно, что если кусочек самого обыкновенного цинка положить в стеклянный сосуд и залить его самой обыкновенной азотной кислотой, то произойдет химическая реакция и станут выделяться пузырьки водорода; если же этот газ собрать в сосуд и прикрыть горло сосуда стеклянной воронкой, то водород, будучи легче воздуха, начнет выходить через трубочку воронки, и тогда его можно поджечь спичкой, и он будет гореть язычком тихого, спокойного пламени, как было изображено на рисунке в толстом учебнике физики Краевича.

Мечта добыть собственными силами и в домашних условиях этот легкий, безвредный горючий газ с такой силой и страстью овладела моим воображением, что я уже ни о чем другом не мог думать. В дальнейшем мне уже рисовалась картина небольшого дирижабля, который я сделаю собственными руками, наполню его водородом собственного изделия и запущу в небо на удивление всей улицы, посадив в гондолу какое-нибудь животное — кошку или даже смирную собачку, что придаст моему эксперименту строго научный характер и вызовет всеобщее восхищение, смешанное с удивлением: как это случилось, что, в общем, такой плохой ученик, как я,— даже, можно сказать, двоечник — провел столь блестящий научный эксперимент? Вот и судите после этого человека по отметкам!

Эти и тому подобные честолюбивые мысли до последней степени разогрели мое нетерпение, и я, не откладывая дела в долгий ящик, тут же, немедленно приступил к опыту.

Однако физический опыт добычи водорода, представлявшийся мне сначала поразительно простым и легким, вдруг оказался довольно сложным, так как требовал материалов, лабораторной посуды и химикалий, на приобретение которых у меня не было средств.

Конечно, специальный сосуд для соединения цинка с азотной (или серной? Уже не помню) кислотой можно было заменить простым чайным стаканом из буфета, но это уже будет совсем, совсем не то: пропадет весь внешний вид опыта! Только специальная колба из тонкого тугоплавкого стекла с пробкой и трубочкой для выхода газа могли придать моему опыту подлинно научный блеск, строго академическую форму. С цинком дело обстояло проще всего: почти во всех домах нашего города наружные подоконники и водосточные трубы делались из цинка или, во всяком случае, из железа, покрытого цинком, так что их обрезков можно было набрать сколько угодно на любой стройке. Я натаскал довольно много подобных обрезков. Увы, знающие люди сказали мне, что это не чистый цинк и для опыта он не годится. Надо достать настоящий, химически чистый цинк, без примесей. Такого рода цинк в виде крупных зерен можно было купить в аптеке, хотя и не во всякой, а вернее всего, в аптекарском магазине или москательной лавке, причем оказалось, что этот самый зернистый, чистый цинк стоит копеек двадцать небольшой пакетик. Денег же у меня совсем не было. А еще предстояло купить колбу, стеклянную воронку, резиновую трубочку, чтобы пропустить полученный газ через воду, а также — и это самое существенное — приобрести кислоту, которую в аптеке отпускали только по рецептам и то исключительно совершеннолетним, а несовершеннолетним вообще ни за какие деньги не отпускали.

Вот когда я горько пожалел, что еще не достиг совершеннолетия.

Обрезки оцинкованного железа, наваленные под кроватью, вызывали брезгливые улыбки тети, действующие на меня гораздо сильнее, чем любой выговор и даже более серьезные меры.

Смирив гордость, я подошел к тете и заискивающим голосом попросил пятьдесят копеек.

Сумма была огромная.

Но тетя не удивилась, а только спросила подозрительно:

— Зачем?

— Мне очень, очень нужно, тетечка,— лживо-ласковым голосом сказал я.— Пока это секрет. Потом вы сами узнаете. Честное благородное слово!

— Нет, прежде чем я не узнаю, зачем, не дам. Даже не проси.

— Ну, тетечка,— захныкал я, применяя последнее средство убеждения в общем-то доброй и мягкосердечной тети.

Но на этот раз она была непоколебима.

— Зачем? — ледяным голосом повторила она.

— На двугорлую колбу и... и... и на эту... азотную кислоту,— выдавил я из себя.

— Азотная кислота! — в ужасе воскликнула тетя.— Ты просто сошел с ума.

— Ну, тетечка! — взмолился я.— Мне очень необходимо и полезно.

— Полезно? — саркастически переспросила тетя.

— Да, в научном смысле,— подтвердил я,— для одного физического опыта.

Тетя побледнела.

— Не хватает нам в квартире еще физических опытов с азотной кислотой! — сказала она.— Ни под каким видом. Я тебе это категорически запрещаю. Ты слышишь? Категорически.— И она удалилась, зашумев своей юбкой.

Ну, скажите сами, что оставалось мне делать?

Оставалась одна надежда на географический атлас Петри. Это был отличный, очень толстый сборник географических карт всех стран, морей и океанов земного шара в твердом черном коленкоровом переплете с металлическими наугольничками по краям, который стоил в книжном магазине два с полтиной — сумма астрономическая. Не все родители могли приобрести такое учебное пособие своим детям; в сущности, и моему папе было это не по карману; но папа всегда мечтал сделать из меня образованного человека, чего бы это ни стоило; он поднатужился, сократил некоторые свои расходы и купил мне атлас Петри, умоляя беречь эту книгу как зеницу ока для того, чтобы она могла с течением времени перейти Женьке, а от Женьки в будущем — Женькиным детям и даже внукам: пусть они все будут высокообразованными, интеллигентными людьми.

Так вот, теперь у меня оставалась одна надежда на атлас Петри. Его можно было в любой момент и без особого труда загнать в магазин подержанных учебников и получить на руки верных полтора рубля, в крайнем случае рубль тридцать.

Я понимал, что делаю подлость, но во мне уже разбушевались такие страсти, что совесть умолкла перед картиной великого физического эксперимента, который я собирался совершить.

В сущности, это было желание победить мое неверие в науку, которое я испытывал в глубине души, так как мне почему-то всегда, говоря по совести, казалось невероятным чудо превращения цинка в водород; мне казалось невозможным, что вот я в один прекрасный миг зажигаю спичку, подношу ее к стеклянной трубке, и тотчас загорается спокойный, мирный, безопасный язычок чистого пламени, появившийся, так сказать, ниоткуда. Вместе с тем я верил — именно верил — в могущество науки, в слова, напечатанные в учебнике Краевича таким убедительным шрифтом под гравированным на меди изображением склянки и трубки с горящим над ней огоньком.

Это была мучительная душевная борьба веры с неверием; в конце концов она должна была как-то разрешиться, и чем скорее, тем лучше. Я горел от нетерпения; даже не горел, а скорее сходил с ума, и мое тихое помешательство, незаметное для окружающих, выдавали лишь мои глаза с остановившимися зрачками, которые я видел, проходя в передней мимо зеркала.

Меньше всего обратил внимание на мои зрачки и прикушенные губы еврей-букинист, который, проворно перелистав атлас Петри — нет ли вырванных карт? — и небрежно зашвырнув его куда-то под прилавок, выложил серебряную мелочь, среди которой так обольстительно блеснули два полтинника с выпуклым профилем государя-императора. Всего в моем кармане очутилось один рубль тридцать пять копеек, и я сейчас же побежал делать покупки. Мне сразу же повезло. Аптекарь согласился отпустить азотную кислоту, когда узнал, что она нужна мне для научных целей: производства водорода — газа по тем временам вполне невинного. У него также нашелся кристаллический цинк в виде как бы окаменевших крупных металлических капель. Отмеривая мне эти химические элементы, аптекарь, однако, вскользь предупредил меня, что если водород — не дай бог — смешается с кислородом, то есть практически с обыкновенным комнатным воздухом, то получится так называемый гремучий газ, который легко может взорваться, если его поджечь. Во избежание этого аптекарь посоветовал мне собрать водород в перевернутую стеклянную воронку и терпеливо подождать, пока он полностью не вытеснит оттуда воздух, и лишь после этого приступать к зажиганию. Впрочем, сказал он, можно обойтись и без воронки — простой двугорлой ретортой или банкой.

Поблагодарив аптекаря, я помчался в магазин лабораторной посуды, где был ошеломлен множеством колб, пробирок, штативов, зажимов, спиртовых лампочек, двугорлых банок, пробок разных сортов и калибров.

В особенности меня взволновал вид реторт, этих как бы стеклянных желудочных пузырей с таинственно изогнутыми стеклянными отростками, откуда, вероятно, должен капать в тончайший стаканчик какой-нибудь сложнейший продукт перегонки, даже, может быть, эликсир жизни.

В ретортах было нечто средневековое, дошедшее до наших дней из мастерских алхимиков в бархатных колпаках, беретах, камзолах и мантиях, прожженных различными кислотами, с помощью которых они добывали философский камень и превращали пыль в чистое золото.

Очень хотелось купить реторту, однако эта посудина была мне не по карману, и я ограничился покупкой множества сравнительно недорогих пробирок, колбочек и даже одного дешевенького штатива, совершенно мне ненужного, но имевшего такой науч-

— Я так и чувствовала! — прошептала тетя.

ный вид, что я не в силах был удержаться от покупки.

Дыша от нетерпения, как собака, я принес всю эту дребедень домой и, прокравшись, как вор, с черного хода в нашу комнату, спрятал под кровать и надежно замаскировал белым фаянсовым ночным горшком.

На другой день, отпросившись со второго урока, я, не слыша под собой ног, побежал домой, где в этот час обычно никого не было. Открывая мне дверь, кухарка подозрительно посмотрела на мое возбужденное лицо и пробормотала что-то нелестное, но мне удалось убедить ее, что я заболел, по-видимому, свинкой. Эта добрая душа поверила моей брехне и даже посоветовала поскорее лечь в постель и на всякий случай выпить малины.

С хитростью опасного сумасшедшего я сумел убедить ее, что это скоро пройдет, если меня никто не будет беспокоить и входить в комнату.

Прежде всего я постарался придать эксперименту наиболее внушительный характер. Я сделал все возможное, чтобы наша комната с тремя железными кроватями, где спали папа, я и Женька, походила на кабинет какого-нибудь великого ученого, вроде, например, Менделеева с его грозным лицом и львиной гривой.

Я притащил из гостиной столик, покрытый знаменитой плюшевой скатертью чуть ли не вековой древности, которая почему-то считалась величайшим украшением нашей гостиной, квартиры, местом, где обычно находился толстый фамильный альбом с пружинными застежками, где в овальных и прямоугольных вырезах помещались фотографии всех наших родных и знакомых.

Выбросив альбом в угол, я поставил столик посредине комнаты и положил на него несколько томов энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона из папиного книжного шкафа, что соответствовало моему представлению о рабочем столе великого ученого, заваленном, кроме того, разными манускриптами; но так как манускриптов в доме у нас не имелось, а заменить их своими гимназическими тетрадями было просто глупо, то я свернул в трубку свои классные таблицы изотерм и небрежно бросил на стол, что получилось довольно эффектно и весьма напомнило манускрипты ученого. В сочетании с лабораторной посудой и старым волшебным фонарем все это, по моему мнению, имело весьма научный вид. Не хватало только гусиного пера в чернильнице, и картина была бы вполне закончена. Увы, гусиного пера в доме не было, и я даже подумывал, не отложить ли на некоторое время опыт, чтобы я мог перелезть через забор на участок профессора Стороженко, где профессорская жена водила домашнюю птицу, и выдрать из крыла красавца гусака парочку белоснежных перьев.

Но нетерпение мое было так велико, что я, хотя и не без некоторой душевной боли, примирился с мыслью, что рядом с ману-

скриптами из чернильницы не будут торчать гусиные перья.

Я немного полюбовался издали на свой рабочий стол, уставленный рядами пробирок и лабораторной посудой, и приступил к делу.

Я поставил посередине стола на плюшевую скатерть большую двугорлую банку; в одно горлышко я воткнул пробку со стеклянной трубочкой, а в другое горлышко насыпал из пакетика зерна цинка; после этого с величайшей осторожностью я стал наливать через стеклянную воронку азотную кислоту. До последнего момента мне не верилось, что из цинка начнет выделяться водород. Каково же было мое восхищение и гордость, когда я увидел, что из зерен цинка стали бурно выделяться пузырьки газа, уходя бисерными цепочками вверх! Тогда я заткнул свободное горлышко пробкой и некоторое время, как зачарованный, следил за реакцией, прислушиваясь к магическому шипению, доносившемуся из двугорлой банки.

Чудо свершилось:

...водород обильно и безотказно выделялся, азотная кислота, слегка popванивая чем-то тухлым, бурлила. Я послюнил палец и осторожно приблизил его к трубке, на кончике которой тотчас вздулся пузырь: это шел воздух, вытесняемый из двугорлой банки водородом.

Опыт превзошел все мои ожидания!

...теперь оставалось лишь подождать минут десять или пятнадцать, пока водород не вытеснит весь воздух из банки и через трубку начнет выходить чистый водород. Я дрожал от нетерпения поскорее поднести спичку к трубочке и наконец собственными глазами увидеть, каким тихим и смирным язычком пламени загорится водород. Двугорлая банка была довольно большая, и я решительно не знал, когда же наконец воздух окончательно вытеснится.

Мне казалось, что я ожидаю уже несколько часов, в то время как прошло минуты две, не больше, но главная беда заключалась в том, что никак нельзя было определить на глаз, вытеснился ли уже из банки воздух.

Несколько раз я уже слюнил кончик трубочки и каждый раз видел вздувшийся пузырек, но водород это или кислород, было неизвестно.

...в банке происходила бурная реакция, азотная кислота бурлила, зерна цинка подпрыгивали, таяли, выделяя пузырьки...

Мое нетерпение дошло до степени какого-то беспамятства. Ждать больше не было сил. А, собственно, чего ждать? Ждать, пока водород не вытеснит кислород? А как я об этом узнаю, если оба газа бесцветны?

Тогда злой дух нетерпения вкрадчиво шепнул мне на ухо:

— А ты попробуй. Послюни трубку и подожги пузырек. Если это гремучий газ, то он просто тихонечко взорвется (ведь пузырек такой маленький!), а если это уже чистый водород, то загорится тихий, мирный огонек. Только и всего. Риска никакого. Не правда ли?

— Неправда! — шептал в отчаянии благоразумный инстинкт самосохранения, пытаясь возражать коварному голосу нетерпения, но соблазн был так велик, что голоса рассудка я уже не слышал.

Суетясь от нетерпения, я наслюнил кончик трубки и, когда вздулся пузырек, я зажег спичку и дрожащей рукой поднес к нему огонь. В тот же миг пузырек слегка взорвался,— увы! — на этом дело не кончилось. Вслед за этим небольшим, как бы совсем игрушечным взрывом я услышал нечто вроде всхлипа, за которым последовал зловещий всасывающий звук, и я увидел, как огонь спички молниеносно всосался через трубочку в двугорлую банку, наполненную гремучим газом, и перед моим лицом раздался такой силы взрыв, что я на миг потерял сознание, но тут же пришел в себя от звона посыпавшихся стекол... от вида...

...ядовито желтого, удушливого грибовидного дыма, возникшего в воздухе посредине опаленной комнаты...

...по всем углам расшвырявшего черно-зеленые тома Брокгауза и Эфрона, осколки пробирок, обгорелые клочья изотермических карт и помятый глобус, который я в последнюю минуту успел водрузить на стол рядом с волшебным фонарем.

Все вокруг было залито брызгами азотной кислоты, лишь один я был цел и невредим среди этого хаоса, что лишний раз подтвердило мою феноменальную везучесть, свойственную всем мальчикам с двумя макушками.

Ворвавшаяся в комнату с мокрой тряпкой в руке кухарка кое-как грубо и решительно усмирила разбушевавшуюся стихию Химии, но когда она попыталась сдернуть со стола знаменитое плюшевое покрывало, залитое вонючей жидкостью, то оказалось, что оно насквозь и целиком сожжено дьявольской кислотой.

Покрывало перестало существовать как таковое. Оно дематериализовалось на наших глазах, как только кухарка прикоснулась к нему своими грубыми, решительными пальцами, как оно полезло вдоль и поперек какими-то странными волокнами, а эти волокна, в свою очередь, превращались в еще более странные дымящиеся хлопья, и это исчезновение на наших глазах такого дорогого и любимого предмета домашней роскоши пронзило мою душу поздним раскаянием и таким ужасом, по сравнению с которым внезапное появление на пороге тети с зонтиком, тетрадками под мышкой и с драматическими глазами на бледном лице было ничто.

— Я так и чувствовала! — прошептала тетя, ломая руки в перчатках, и тетрадки упали на пол, откуда поднимался едкий туман разлитой азотной кислоты, от которого слезились глаза...

Степь за порогом

Детские песни разных народов

Скакун

(С калмыцкого)

Выйду из дома —
И степь за порогом.
Промчусь по степи
На коне быстроногом.
Крылья мои — скакун
удалой.

Птица на крыльях
Над степью взовьется.
Конь по степи,
Словно птица, несется.
Крылья мои — скакун
удалой.

Если тебя
Я догнать захочу,—
Птицы быстрей
По степи полечу.
Крылья мои — скакун
удалой.

Осень

(С марийского)

Осенью птицы
Вдаль улетят —
Их голоса останутся.

Желтые листья
В лесу облетят —
Деревья останутся.

Тучи нависнут
Над самой землей —
Солнце останется.

Красные угли
Станут золой —
Тепло останется.

Рисунок И. УРМАНЧЕ.

Охотничья песня

(С татарского)

Быстрый глаз,
чуткий слух,
Легкий шаг
И тяжелая винтовка
В руках.
Чакырджи меня зовут,
Чакырджи.

Ходит дикий козел
По тропе.
Я лежу, поджидаю
В траве.
Чакырджи меня зовут,
Чакырджи.

Я лежу, приникаю
К земле.
Пуля меткая таится
В стволе.
Чакырджи меня зовут,
Чакырджи.

Я с добычей возвращаюсь
Домой,
А тяжелая винтовка
За спиной.
Чакырджи меня зовут,
Чакырджи.

Речка

(С чувашского)

Маленькая речка —
Тихая вода.
В небе, словно свечка,
Низкая звезда.

Маленькая речка,
Где вода чиста.
Конь перелетит ее —
Не мости моста.

Что нам читать?

Рассказы о девятой пятилетке

Тебе хорошо знакомо слово «пятилетка».

Много лет назад, в начале тридцатых годов, С. Я. Маршак писал: «...даже пятилетние дети знают у нас о пятилетке. Это работа их отцов и матерей. Это дом, который строится напротив их окон...»

От тех дней остались нам заводы-гиганты. Города и гидростанции, дома и школы, первые победы советской науки и техники — все это те давние пятилетки, которые стали как бы стартовой площадкой для пятилетки девятой.

Девятая пятилетка самая грандиозная по своим замыслам и свершениям. Очень хорошие слова начертаны на ее знамени: «Во имя человека, для блага человека». Ее главная цель — сделать жизнь советских людей еще лучше!

В издательстве «Детская литература» выходит **серия книг «Рассказы о девятой пятилетке»**. Ее открывает книга М. Прилежаевой «На Двадцать четвертом съезде партии». Просто и понятно рассказывает писательница о том, как работал съезд нашей партии, о том, как деловито, по-хозяйски обсуждали делегаты планы на будущее.

Если заглянуть в Директивы по новому пятилетнему плану, то чаще других мы увидим там слова «наука», «научно-технический прогресс». В такое уж время мы живем.

Небольшие яркие книжки «Рассказов о девятой пятилетке» помогут тебе заглянуть в будущее науки и техники (В. Захарченко **«Пять шагов до соседней звезды»**), расскажут о том, что такое научно-технический прогресс (В. Лешковцев **«Маршрут — будущее»**), в чем состоит главная задача этой пятилетки (В. Стороженко **«Главная задача»**), расскажут о сельском хозяйстве (Ю. Черниченко **«Земля в колосьях»**) и о градостроительстве (Н. Ермолович **«Поправка к географии»**), о транспорте будущего (А. Маркуша **«Время не ждет»**) и о службе быта (В. Аграновский **«И хорошо и быстро»**).

Иные ребята думают: пятилетка — это дело взрослых. Но прочтите книгу С. Соловейчика **«Десять тысяч уроков»**, и вы поймете, что пятилетний план имеет самое прямое отношение и к вам, сидящим сегодня за партой.

Словом, непременно прочитайте эти книги. И вы заглянете в будущее, в недалекое уже будущее.

В. ЯКОВЛЕВ

Новые книги о комсомоле

Наступит в твоей жизни тот радостный, незабываемый день, когда ты будешь принят в ряды Ленинского комсомола. Уже сейчас ты можешь готовиться к этому ответственному дню.

Перед тобой пять новых книг, которые выпустило издательство «Молодая гвардия» о комсомоле. Первая из них называется **«Вступающему в комсомол»**. Она расскажет тебе о людях с комсомольским характером, познакомит с законом комсомольской жизни — Уставом ВЛКСМ. Ты прочтешь воспоминания знатных людей нашей страны о том, как они были комсомольцами. О своей комсомольской жизни. Об опыте комсомольской работы рассказывают сегодняшние комсомольцы. В книге есть стихи и песни о комсомоле.

О боевых и трудовых подвигах юношей и девушек 20-х — 30-х годов расскажет тебе сборник **«Революционный держите шаг»**. Все авторы очерков, вошедших в сборник, — ветераны комсомола, участники или очевидцы событий, о которых они пишут. Читая эти документальные очерки, ты ощутишь дыхание того времени, энтузиазм юных, стремление комсомольцев быть всегда в первых рядах строителей новой жизни.

Ты, наверно, знаком с Павкой Корчагиным, героем романа Николая Островского «Как закалялась сталь».

Жизнь писателя — образец исключительного мужества, жизнь-подвиг. Воспоминания близких, друзей, тех, кто хорошо знал Николая Островского, встречался с ним, впервые собраны воедино. Ты с волнением будешь читать книгу **«Воспоминания о Н. Островском»**.

Весной 1932 года на освоение богатств Дальневосточного края было мобилизовано около семи тысяч комсомольцев. В начале мая первая группа строителей высадилась на берегу Амура, чтобы заложить новый город. Сборник **«Город на заре»** — это документы, фотографии, хроника, воззвания, листовки, заметки из газет тех лет, письма, дневники.

О мужестве комсомольцев, построивших Комсомольск-на-Амуре — этот город в тайге, написан и роман В. Кетлинской **«Мужество»**. Новое издание его посвящено сорокалетию города.

Судьба героя повести В. Кожевникова **«Заре навстречу»** во многом схожа с судьбой автора книги. Тима Сапожков — сын политических ссыльных. Нелегкое детство у мальчика, родители — большевики-подпольщики, временами им приходится скрываться от полиции, тогда за Тимой присматривают товарищи родителей. Они были примером для мальчика.

Еще не остыли от залпов пушки революции, а уже началась гражданская война. И опять Тима расстается с родителями. Он стойко переносит испытания, выпавшие на его долю.

Прочитай эту повесть, ты познакомишься с Тимой и с его друзьями.

О Мише Гринине и его детской повести

Миша ГРИНИН

В день гибели Миши Гринина его сестра Наташа показала родным несколько листочков синей бумаги, вырезанных из плохой школьной тетради. Они были озаглавлены «Близкое и далекое». Это была Мишина исповедь.

«Я не знаю, почему, но на бумаге я могу рассказать то, что никогда бы не поведал даже самому близкому другу... Я хочу стать писателем... Я не помню, когда именно мне захотелось писать, я еще не ходил в школу и уже мечтал об этом. Даже знал, что́ именно напишу, даже заголовки придумал. Мечтаю и сейчас... Сейчас я учусь, а в свободное время пишу стихи, рассказы. Все это пока что ученичество... Конечно, честолюбие есть у всякого человека, и я не исключение, однако в литературе меня привлекает сам процесс творчества, где добиваешься предельной искренности, выразительности и поэтичности от каждой фразы. Слава... я не думаю о ней».

Разбирая Мишины бумаги, журналист и писатель С. Соловейчик нашел повесть, которую Миша написал, когда ему было четырнадцать лет.

В то лето Миша с мамой, сестрой и младшими братьями Саней, Женей и Леней поехал на пароходе в гости к бабушке. Бабушка прислала телеграмму: «Абрикосы осыпаются Выезжайте немедленно Целую Бабушка». В повести **«Пароход идет в Ростов»** Миша и описывал эту поездку — с той самой минуты, когда принесли телеграмму, до того мгновения, когда они с парохода увидели встречающих на пристани бабушку и дедушку.

Миша очень живо рассказал о путешествии по Волге, о неожиданном волнении, о проделках братцев-погодков. Саня и Женя, когда Миша дал прочитать им свою повесть, даже обиделись на него за то, что он изобразил их такими пролазами. Но, видно, тогда, по малолетству они не заметили, что автор не пощадил и себя. Себя Миша описал с достаточной долей иронии. Он был неподдельно скромен, этот мальчик.

Пять детей в семье, да папа, да мама, и каждый со своим характером, а еще дорожные попутчики, и судовой персонал — молодой матрос, проводница, буфетчик, вахтенный,— с этим количеством персонажей непросто справиться и опытному повествователю, а Миша в маленькой повести представил нам каждого человека так, что мы его видим и слышим. Это только непосвященному кажется, что легко перенести на бумагу то, что с тобой было, а вот попробуй, перенеси!.. Конечно, в повести чувствуется, что автор прочел немало детских книжек, и даже угадывается, что именно он читал, но как же иначе! Мише-то было всего четырнадцать.

И то удивительно, что в этом возрасте он не бросил повесть на полпути. Сколько я знал юных писателей, которые, задумав повесть или роман, брали толстую тетрадь, выводили на обложке свое имя и название сочинения, потом наспех заполняли несколько страниц — «Глава первая», в лучшем случае была еще и «Глава вторая» — и на этом бросали!

Ту повесть, которая вышла теперь в издательстве «Детская литература», Миша переделывал дважды. Он бы и другие свои замыслы непременно доводил до конца...

В июньскую ночь 1966 года Миша с однокашниками возвращался с выпускного вечера. Пьяный шофер самосвала сшиб несколько человек. Михаилу Гринину было восемнадцать лет.

В одном из своих стихотворений он говорит:

Мне хотелось бы прожить свой век,
Чтобы остался след хороший,
Чтобы — пусть не все, не весь наш мир,—
Кто-нибудь когда-нибудь, но вспомнил
Обо мне...

Тысячи читателей Михаила Гринина с благодарностью подумают о нем.

Вл. ГЛОЦЕР

Здравствуй, новая книга!

Есть люди, для которых лес и поле роднее родного дома. Такие люди умеют заглянуть в глаза росному утру. И услышат, как разламывается снежинка, споткнувшись о тонкую березовую ветку. Кто они, эти люди? Главным образом охотники, собиратели трав, лесники. И еще среди тех людей есть писатель. Его зовут Эдуард Шим. Он не только умеет увидеть и услышать удивительное, но и написать об этом просто и правдиво. Будущей зимой в издательстве «Детская литература» выйдет новая книжка Эдуарда Шима «Сказки, найденные в траве».

Сейчас мы печатаем некоторые из них.

ЭДУАРД ШИМ

ЕЛКИНО ПЛАТЬЕ

Продираешься через ельник, а молодые елочки колются:

— Не трогай нас!

— Подумаешь, тихонечко задел.

— И тихонечко не задевай. Мы свою одежку бережем.

— Да что за одежка у вас такая особенная?

— Иголки наши зеленые не листья. Не меняются каждое лето.

— Так что?

— Вот выросла свеженькая еловая лапка, а иголки на ней сменятся только через семь лет.

— Да, не скоро.

— Вот и приходится беречь!

ПОДОРОЖНИК

Отгадайте, что за доктор Айболит у дороги сидит?

Подорожник.

Трава такая незаметная. И незаметная, и терпеливая, и живучая.

Растет где придется. На булыжной дороге, между камней. На сухой, утоптанной тропинке, где земля растрескалась.

Наступишь на него — вытерпит.

Проедет по нему тележное колесо — вытерпит.

Грузовик по листьям прокатит — все равно вытерпит. Приподнимутся листья, расправят жилочки, разгладятся.

Сам себя лечит подорожник.

А недавно я ногу поцарапал, и заболела у меня нога.

— Подорожник, вылечи!

— Давай вылечу.

Сорвал я листик подорожника. Приложил к больному месту.

И все зажило.

ЛАНДЫШ

Какой цветок в нашем лесу самый красивый, самый нежный, самый пахучий?

— Конечно, я. Ландыш!

— Какие же у тебя цветки?

— Цветки у меня — будто колокольчики снежные на тонком стебле. Приглядись, они светятся в сумерках.

— А запах какой?

— Запах такой, что не надышишься!

— А что же сейчас у тебя на стебле, на месте меленьких колокольчиков?

— Красные ягоды. Тоже красивые. Заглядень! Но ты их не трогай, не срывай!

— Отчего же?

— А они ядовитые!

— Зачем же тебе, нежному цветку, ядовитые ягоды?

— Чтобы ты, сладкоежка, не съел!

МАЛЕНЬКИМ— ХОЛОДНО

Встречаешь в лесу, в траве, елочку-малышку. У нее пожелтела маковка, пожелтели верхние лапки. Будто в огне обгорели.

— Елочка, разве был тут пожар?

— Не было.

— А что же случилось?

— Меня зимним морозом обожгло.

— Тебя? Елку?!

— Меня.

— Да ты же северное дерево. Стойкое! Выносливое! Неужели ты мороза боишься?

— Пока маленькая, боюсь.

БРУСНИЧНЫЙ КУСТИК

Прижался к старому гнилому пню брусничный кустик.

— Не спеши мимо,— говорит.— Наклонись ко мне.

— Да у тебя ягод мало.

— Не ленись, наклонись... Ягод мало, потому что я старенький.

— Какой же ты старенький? Ростом с вершок!

Рисунок П. БАГИНА.

— Ну и что же... Я давным-давно родился. Когда тут, на вырубке, еще подрастал лесок. Это сотни лет назад было...

— Сотни лет?!

— Сотни... Молодые сосны к небу подымались. Великанами стали. Небо загородили, а я жил. Потом и сосны состарились, начали сохнуть. Их срубили. Остались на вырубке пни-коротышки. А я жил.

— Значит, дольше всех деревьев?

— Дольше. Теперь и пни на вырубке догнивают. И вот уже новые сосенки подымаются...

— Выходит, ты им дедушка?

— Я им прадедушка. И все равно засыхать не собираюсь. Зимой зеленые листики под снегом прячу. Весной бело-розовые цветочки распускаю. Их поменьше теперь. Но сколько могу, столько ягод тебе и протягиваю...

— Спасибо, прадедушка!

— На здоровье, правнучек.

Рисунки И. КРАСУЛИНА.

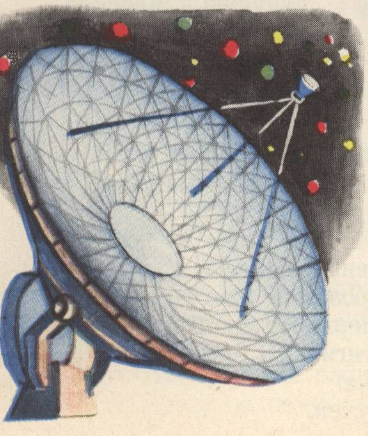
ЗЕМЛЯ

...Какая она, наша Вселенная? Чем населен безграничный космос? Только ли пылающими в вечной темноте звездами, ледяными кометами и облаками межзвездного газа?..

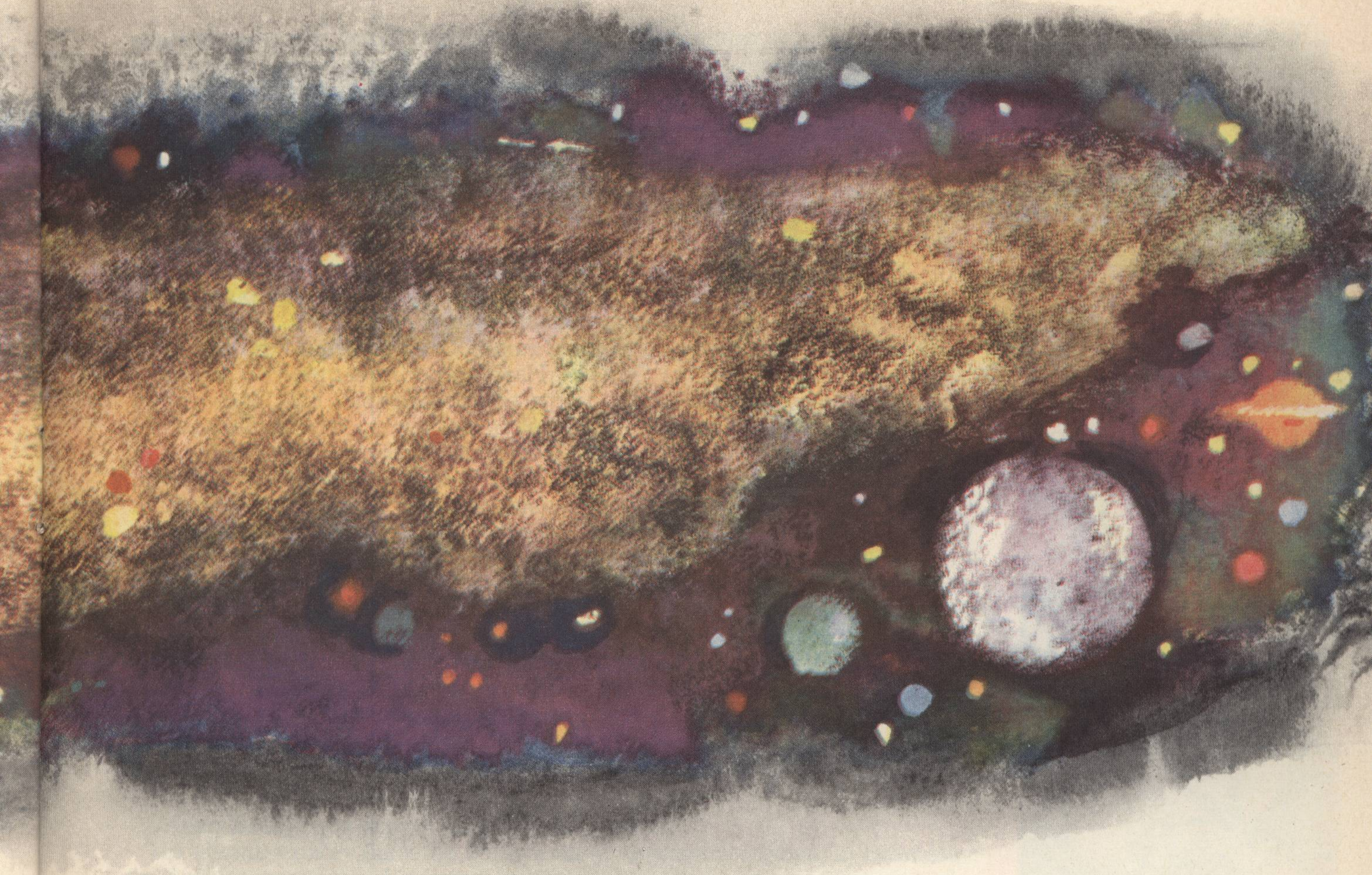
Неужели Земля — единственный живой островок в океане космоса? И нет у нас во Вселенной братьев по разуму, и нигде больше не цветут цветы, не шумит теплый дождь, не бегают дети?..

Люди издавна верили, что это не так, что мы, земляне, не одиноки. Тогда какая она, эта внеземная жизнь? Совсем непохожа на нашу? Может быть, там никогда не идет дождь, над горизонтом сияют голубые солнца и у наших братьев по разуму совсем другая таблица умножения?..

Трудно нам, землянам, представить себе внеземную жизнь, а еще труднее не думать о ней, не мечтать о далеких обитаемых мирах, о долгожданных сигналах из космоса.

Мы с вами на диспуте в Московском Дворце пионеров. Тема «Контакты с внеземными цивилизациями». Главные спорщики — ребята, увлеченные астрономией, исследованием космоса. Все они занимаются в кружках Дворца пионеров, учатся в шестых — девятых классах. Ведут диспут ученые, участники недавнего Международного симпозиума на ту же тему. Организатор диспута — заведующий отделом астрономии и космонавтики Дворца пионеров Б. Г. Пшеничнер.

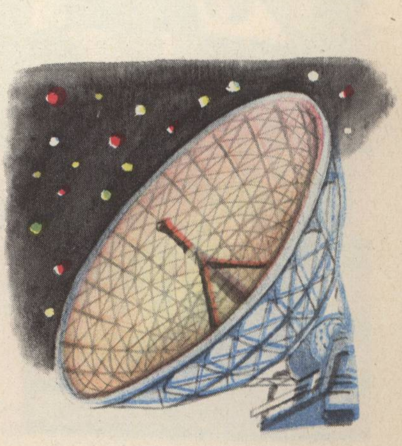

СЛУШАЕТ ВСЕЛЕННУЮ

ЖИЗНЬ ВНЕ ЗЕМЛИ—КАКАЯ ОНА?

Л. М. Гиндилис (Государственный астрономический институт имени П. К. Штернберга).

Когда я был в вашем возрасте, о контактах с внеземными цивилизациями можно было прочесть разве только в фантастических романах. В то время техника еще не давала никаких способов установить контакты, и ни один ученый не относился серьезно к этой проблеме.

Сейчас совсем другое время. Сейчас мы не удивляемся, когда смотрим телерепортаж с Луны или разглядываем фотографии Марса, переданные с борта межпланетной автоматической станции. Появились небывало чувствительные приемники и гигантские радиотелескопы. С их помощью впервые стало возможно принимать радиоволны, которые проникают к нам из космоса. И если какие-то разумные существа, обитающие на других планетах, около других звезд, посылают сигналы в сторону Солнечной системы, то мы можем попытаться обнаружить их с помощью нашей современной техники. Первые попытки поиска таких сигналов уже сделаны и в нашей стране и за рубежом. Пока сигналы не были обнаружены. Но работа ученых продолжается.

Представьте себе, что вы хотите установить контакт с разумными обитателями других миров. Для этого вам прежде всего надо знать,

на каком расстоянии от вас они находятся. Ясно, что чем больше таких обитаемых миров, чем больше цивилизаций в Галактике, тем теснее они расположены, тем меньше дальность связи. Сколько же цивилизаций может быть в Галактике? Это зависит от очень многих факторов, в первую очередь от того, в каких условиях, на каких небесных телах возможно возникновение жизни. Это и есть первый вопрос нашего диспута.

Как у нас на Земле

Лева Блюмкин (кружок астрономии)

Самый простой ответ, конечно, такой: жизнь может возникнуть на планете, похожей на Землю. Нам легко представить, что для этого нужно. Прежде всего плотная атмосфера, где достаточно кислорода. Затем: планета обращается вокруг звезды типа нашего Солнца. Почему это важно? Есть звезды, которые живут бурной жизнью и не могут излучать ровный, неизменный поток энергии. Около таких звезд, по-моему, жизни трудно зародиться. А наше Солнце уже многие миллионы лет ровно обогревает Землю... Дальше. На такой планете должно быть достаточно воды и химических элементов, необходимых для того, чтобы возникли простейшие организмы. Когда есть все эти условия, то может, как на Земле, возникнуть белковая жизнь.

Ну, а если жизнь неземного типа, небелковая, нам трудно представить себе, какие для нее нужны условия. Я читал, что жизнь неземного типа может возникнуть даже на холодных звездах. Энергия там поступает из недр звезды. Но это гипотеза. Мы-то знаем только то, что на Земле...

Жизнь без воды и кислорода?

Николай Суворов (кружок астрономии)

Вот именно! И все-таки мы знаем, как поразительно жизнь может приспосабливаться к тяжелейшим условиям, скажем, даже на ледниках или в безводной пустыне. Так что, я думаю, можно представить себе жизнь совсем непохожую на земную. Например, жизнь без кислорода... Или без воды... Жизнь на небесном теле, где сила тяжести огромна...

Игорь Курилин (кружок астрономии)

Ко всему может приспособиться жизнь! Я думаю, что в одной только нашей Галактике жизнь может возникнуть на многих миллиардах планетных систем.

Марс — вот ближайшее к нам небесное тело, где возможны простейшие формы жизни. А кто знает, может быть, раньше там была и высокоразвитая жизнь? Возможно, и на Венере есть низшие формы жизни?

Что вместо Солнца?

Леонид Иванов (кружок астрофизики)

Предположим, что на спутнике какой-то звезды есть жизнь. Какой должна быть тогда сама звезда? Обязательно как наше Солнце? Я думаю, нет. Она может быть и слабее и сильнее. Только планеты — ее спутники — должны быть тогда, по-видимому, или ближе к своей звезде, или дальше от нее.

Володя Дубницкий (кружок радиофизики)

Во всяком случае, жизнь может возникнуть только на планете, вращающейся возле единственной звезды. Есть и двойные и тройные звезды, и у них тоже могут быть спутники. Так вот, на таких спутниках будет слишком сложная смена суток и времен года, сильные колебания температуры. То одно светило на небе, то сразу два, то вообще ни одного — как тут приспособиться? Я думаю, что такие колебания губительны для жизни.

Что показал бы градусник?

Слава Балунов (кружок астрофизики)

От центрального светила зависит температура на его спутнике. Мне кажется, жизнь может зародиться там, где температура не выше 100° тепла и не ниже 100° холода.

Игорь Минкин (кружок юных космонавтов)

Как же так? Ведь это же очень резкие перепады температуры! При 100° тепла почти все белковые молекулы погибнут, а при 100° холода замерзнет тот «питательный бульон», где эти молекулы могут возникнуть.

Я считаю, что жизнь может зародиться только, если температура меняется примерно от +15° до +25° по шкале Цельсия.

Жизнь только как наша?

Сергей Скороходов (кружок биологии)

Мой отец — он химик-органик — рассказывал, что у жизни два наиболее важных свойства: наследственность и обмен веществ. Этими свойствами обладают только те системы белков и нуклеиновых кислот, в основе которых углерод. Получается, что если все живые системы построены из белков, то жизнь везде должна быть похожа на нашу. Тогда все ясно с условиями: они должны быть такими, при которых белок не разлагается,— температура не выше 100° С.

Нет, не только!

Женя Бабарсков (кружок ядерной физики)

Но жизнь может быть не только на углеродной основе, а, скажем, на основе кремния. Условия, непригодные для зарождения жизни земного типа, может быть, окажутся подходящими для соединений кремния. Все зависит от условий, сложившихся на небесном теле.

Борис Юсин (кружок астрономии)

Мне тоже кажется, что кремний не может дать такого разнообразия соединений, как углерод. Не может быть жизни без углерода, так мне кажется.

Женя Бабарсков

Давайте сделаем такое предположение: на каком-то небесном теле возникли и углеродные соединения и кремниевые. Соединения углерода оказались менее стойкими, а кремний более стойкий. Тогда есть возможность зарождения жизни на основе кремния.

А что есть жизнь?

Лена Варшал (кружок астрофизики)

Мы тут спорим, какие условия необходимы для возникновения жизни и какие возможны формы жизни. Но как можно спорить, если мы не договорились, что считаем жизнью!

Голос с места

Это — скопление молекул, которые зависят друг от друга и могут обмениваться с окружающей средой.

Женя Бабарсков

Туманный ответ! Я бы дал более ясный: скопление молекул можно назвать живым организмом, только если есть обмен веществ, рост и размножение.

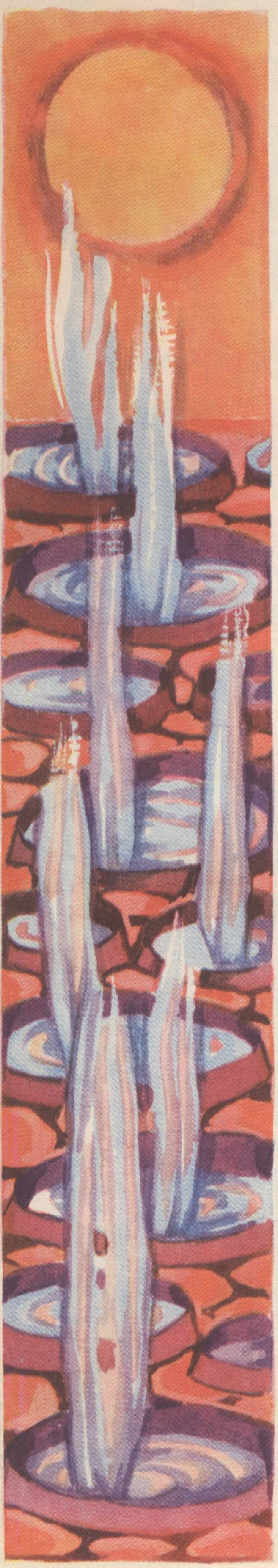
Лена Варшал

А кристаллы? Они тоже растут и размножаются!

Женя Макаров (кружок космической навигации)

Это совсем другое. Кристалл нельзя назвать живым. Он может сколько угодно существовать в таких неблагоприятных условиях, при которых жизнь обязательно погибла бы.

Кристалл и ветка смородины

Лена Варшал

Тут все говорят, как изумительно жизнь приспосабливается к самым суровым условиям! Споры растений — это жизнь? Жизнь. В неблагоприятных условиях они засыхают, а потом снова оживают. Все, наверно, читали про опыт с веткой смородины. Ее опустили в жидкий гелий, а потом вынули. Ветка не погибла, хотя жизнь при температуре жидкого гелия (—273°!) невозможна.

Женя Макаров

Любая жизнь, развиваясь, образует более сложную форму, а кристалл может образовать только кристалл и ничего более сложного.

Вадим Прудников (кружок астрономии)

Как мы можем судить о жизни во Вселенной, зная только о жизни на нашей Земле! Жизнь на Земле — это частный случай. Мы не можем только на основании этого частного случая определить жизнь вообще. Нам неизвестно, что такое жизнь во Вселенной и с чего она началась.

Л. М. Мухин (Институт космических исследований АН СССР)

Пожалуй, не только вам, но и никому из биологов не удастся сейчас дать полное определение жизни. Должно быть, наиболее правильно считать, что у живого есть три главных признака: обмен веществ, размножение и рост. Ни один из этих признаков в отдельности не может полностью характеризовать живую систему. Рост сам по себе не очень существенный признак. Вы верно говорите, что кристалл тоже растет. Но вот способность повторять себя в новых поколениях, способность закреплять в них образовавшиеся изменения свойственна только жизни.

Один из интересных вопросов дискуссии — вопрос о кремнии. Кремния на Земле больше, чем углерода, а жизнь на Земле зарождается и развивается на основе углерода. Почему? Одна из причин, на мой взгляд, в том, что кремний легче соединяется с кислородом, чем углерод, и эти соединения более прочны. На ранних стадиях образования планеты кремний быстро и прочно соединился с кислородом и уже не смог образовать никаких других, более сложных соединений, необходимых для возникновения жизни. Он как бы сразу вышел из игры. Это одна из причин, но их много.

Относительно температурных перепадов. Определенный температурный интервал, конечно, нужен. Верхним пределом температуры можно взять +100°С, а нижнего предела, видимо, нет. Согласен с теми из вас, кто говорил, что звезда не обязательно должна быть такая же, как наше Солнце. Жизнь может возникнуть и на планете, вращающейся вокруг белого карлика — очень маленькой горячей звезды,— если, конечно, планета будет вращаться, к примеру, на орбите Меркурия, то есть ближе, чем Земля к Солнцу. Тогда и она получит достаточно энергии для возникновения жизни.

И еще одно: мы все невольно считаем, что жизнь может быть только такая, как у нас. Наверное, она может принимать самые разнообразные формы, но что касается химической основы, мне кажется, что она должна быть универсальной везде. Жизнь, на мой взгляд, всегда строится на углеродной основе.

Леонид Иванов

Какие еще формы жизни могут быть, на ваш взгляд?

Л. М. Мухин

Существует мнение, что основой жизни обязательно должна быть клетка. Действительно, в окружающей среде могут сильно меняться температура и другие важные условия, а оболочка надежно защищает клетку от опасных изменений. Она как бы отгораживает внутренний мир клетки от внешнего. В океане, где среда меняется не так резко, как на суше, организмы имеют менее четкие клеточные оболочки. Если есть планета, где условия вообще почти не меняются (как в хорошем термостате), то на этой планете можно предположить жизнь типа «Солярис». Думаю, что роман Станислава Лема «Солярис» многие читали.

ВНЕЗЕМНЫЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ. НУЖНЫ ЛИ КОНТАКТЫ?

Л. М. Гиндилис

Давайте упростим задачу. Будем считать, что речь идет о водноуглеродной жизни, подобной той, что у нас на Земле. Сейчас ученые предполагают, что если и есть во Вселенной другие формы жизни, то о водноуглеродной можно говорить в первую очередь.

Предположим, что где-то существует такая же цивилизация, как наша. Может быть, на другом уровне научного, технического и духовного развития, но все же общество разумных существ, в какой-то мере похожее на наше. Можно ли вступить в контакт с таким обществом и нужно ли вступать с ним в контакт?

Обязательно вступать!

Игорь Минкин

По-моему, обязательно! Другие цивилизации могут знать, уметь то, чего мы не знаем и не умеем, а мы знаем и умеем то, что им еще неизвестно. Вот мы и будем помогать друг другу!

Игорь Курилин

Связь с другими цивилизациями теперь становится потребностью человечества. Польза от этой связи будет огромна. Люди познакомятся с жизнью в других мирах, с достижениями их техники. Я считаю, что люди обязательно должны искать связь с внеземными цивилизациями!

Юля Ким (кружок юных космонавтов)

Мне кажется, не всегда стоит вступать в контакт: только если они не слишком далеко от нас, не дальше ста световых лет. А если дальше, стоит ли лететь?

Голос с места

Зачем лететь, можно передать по радио.

Виктор Дидик (кружок астрономии)

Мне кажется, контакты нужны нам и будут полезны в любом случае. Вот смотрите: если та цивилизация стоит в своем развитии ниже нас, мы сможем изменить ее будущее, помочь ей развиваться. Если мы одинаковы в своем развитии, будем сотрудничать. Ну, а если они больше нас развиты, это поможет нашему прогрессу.

Вадим Прудников

Откуда мы знаем, что эта цивилизация поможет нашему прогрессу? Да они ведь нас не знают совсем, почему же станут нам помогать? И почему мы должны что-то принимать от них, может, это будет вредно?

Леонид Иванов

Вот я тоже думаю: а вдруг эти цивилизации окажутся враждебными, что тогда? Мы вступим в контакт, а они попытаются сделать враждебные шаги.

Не контакт, а конфликт?

Миша Акимушкин (кружок астрофизики)

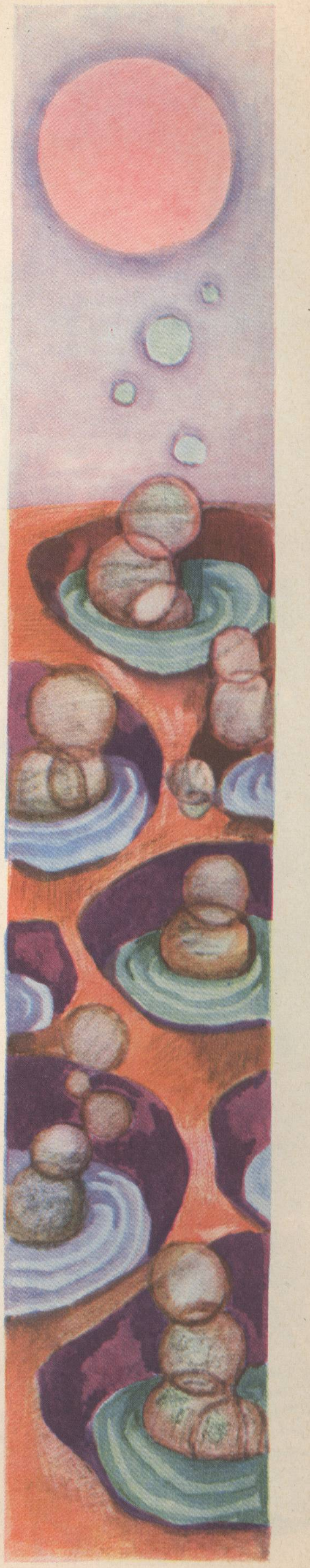
По-моему, враждебное отношение может быть у тех цивилизаций, которые отстали в своем развитии от нас. Я думаю, мы сможем установить связь не с отсталым, а только с высокоразвитым обществом. Такое общество не может быть враждебно к другим цивилизациям, не будет стремиться их уничтожать.

Виктор Майоров (кружок астрофизики)

Может быть, они и не будут враждебными, но просто у них совершенно другие взгляды на жизнь. Они могут попытаться захватить нашу планету и уничтожить нас.

Л. М. Гиндилис

Мне кажется, ваше воображение слегка разыгралось. Давайте перейдем от фантастических предположений к серьезному разговору.

Я не хочу разочаровывать вас и утверждать, что межзвездные перелеты невозможны. Просто для нас — это дело далекого будущего. Но предположим, какие-то высокоразвитые цивилизации уже нашли способ путешествовать со скоростью света. Как вы знаете, это предел. Превысить эту скорость нельзя.

Что же из этого следует?

Расстояние между цивилизациями во Вселенной — по самым оптимистическим оценкам! — около тысячи световых лет. Даже, может быть, больше. Предположим, что на этом гигантском расстоянии от нас находится высокоразвитая цивилизация и что она уже способна совершать межзвездные перелеты. Возникает вопрос: зачем ей нас завоевывать? Нужно жизненное пространство? Но ведь в сфере радиусом в тысячу световых лет около десяти миллионов звезд, и наше Солнце — лишь одна из них. Зачем же им лететь к нам? Не лучше ли освоить ближайшие к ним звезды? Ведь полет к нам потребует гигантского расхода вещества и энергии, много времени.

Предположим, однако, что они все-таки прилетели. Прилетели и завоевали. Совсем как в фантастическом романе. Что дальше? Как они будут управлять Землей? Каждый раз посылать к нам курьера с приказами? Слишком дорого. По радио? Допустим, «космический Навуходоносор» посылает радиоприказ. Прежде, чем достигнуть Земли, приказ этот будет тысячу лет путешествовать в межзвездном пространстве. За это время на Земле все так изменится, что приказ потеряет всякий смысл. Ясно, что управлять в таких условиях невозможно. Поэтому всякого рода домыслы о господстве одной цивилизации над другой лишены каких бы то ни было оснований.

Давайте вернемся теперь к теме диспута. Если уж кто-нибудь захочет и сможет прилететь к нам, то сие, как говорится, от нас не зависит.

А вот следует ли нам самим пытаться установить контакт с внеземными цивилизациями.

Контакты прямые или по радио?

Борис Юсин

Конечно, надо пытаться. Если прямые контакты невозможны, надо искать контакты по радио. Они для нас будут интересны и полезны.

Сергей Милюков (кружок астрономии)

Обязательно надо искать контакты! Тут уже говорили, что цивилизации могут различаться по уровню своего развития. Я думаю, что цивилизацию, отставшую от нас в своем развитии, нам практически не обнаружить. Цивилизацию такую же, как наша, обнаружить можно, а более высокая сама обнаружит нас.

Может быть, сигнал к нам уже послан?

Дима Баранов (кружок космической навигации)

Я думаю, что мысль о контактах могла прийти одновременно нескольким цивилизациям. Может быть, они даже решили объединиться в союз, всю Вселенную разграфили и постепенно изучают каждую область. Может быть, они даже знают, что на Земле существует цивилизация, но думают, что еще не время вступать с нами в контакт. А может быть, они уже посылают нам свои сигналы, только мы не можем их принять?!

Станислав Янковский (кружок астрономии)

И все же, если цивилизация слишком далеко от нас — за тысячи световых лет,— стоит ли искать контакт? Пока информация туда и обратно дойдет, она устареет. Имеет смысл вступать в контакт, если расстояние не больше десяти — двенадцати световых лет.

Сергей Скороходов

Я вообще против радиосигналов. По-моему, надо искать непосредственные контакты. Радиосигналы придется долго расшифровывать, чего-то мы просто не поймем...

Главное—прямые контакты

Алла Венкстерн (кружок астрофизики)

Даже если цивилизация выше нас по своему развитию, безусловно, стоит искать контакты. Стоит ради изучения новых форм жизни и разума.

Станислав Янковский

А как мы поймем цивилизацию, которая выше нас?

Саша Тимофеева (кружок астрофизики)

Ничего, понемногу поймем. Главное, если мы примем сигнал, это докажет, что мы не одиноки! Ведь это самое важное!

Л. М. Гиндилис

Я хотел бы пояснить, почему возможны только односторонние контакты.

Когда на Земле два человека разговаривают по телефону, они не замечают разделяющего их расстояния. Электрический сигнал практически мгновенно проходит из конца в конец Земли.

При радиотелефонных переговорах с Луной расстояние уже начинает сказываться. Промежуток времени между вопросом и ответом составляет здесь около двух секунд — за это время радиоволны проходят путь до Луны и обратно.

Если вы попытаетесь связаться с Марсом, то разница во времени составит уже не секунды, а минуты.

Ну, а при связи между цивилизациями время между вопросом и ответом составит сотни, тысячи, может быть, миллионы лет.

Можно ли вести диалог в таких условиях? Думаю, вы согласитесь, что это не только неудобно, но и бессмысленно. Поэтому речь может идти только об односторонней передаче информации — нечто вроде космического радиовещания. Ведь когда вы слушаете радиопередачу, вы не задаете диктору вопросы?

Конечно, на расшифровку сигнала уйдут многие годы, но зато мы получим драгоценные сведения о других формах жизни и разума.

Иногда высказывают надежду, что, приняв информацию от высокоразвитой цивилизации, мы немедленно познаем все секреты науки. Это, конечно, наивная точка зрения. Нам иной раз, может быть, важнее самим открыть неизвестные еще законы природы, чем брать их в готовом виде у другой цивилизации. Ведь если мы не доросли до научных достижений другой цивилизации, мы не сможем их понять и освоить.

Означает ли это, что контакт с другими цивилизациями не имеет для нас существенного значения? Нет, не означает. Правильно здесь говорили: контакт докажет, что мы не одиноки, что есть другие формы жизни и разума во Вселенной. А это очень важно знать, чтобы построить правильную научную картину мира. Поэтому если когда-нибудь контакт с внеземными цивилизациями будет установлен, он окажет глубокое воздействие на все человечество. Вспомните, какое большое влияние на развитие науки, на характер человеческого мышления оказало открытие того, что Земля — рядовая планета, вращающаяся вокруг рядовой звезды в одной из огромного множества галактик! Наиболее отдаленные последствия контакта сейчас трудно себе представить, но можно не сомневаться, что в конечном итоге контакт будет способствовать прогрессу человечества.

На этом наш диспут заканчивается.

Нам было очень приятно и интересно вас слушать. Вы затронули большой круг важных проблем. Многие вопросы поставлены достаточно остро.

Чувствуется, что вы успешно набираетесь знаний, штудируете серьезные книги, следите за журналами, много работаете и спорите в своих кружках. Надеюсь, это поможет вам научиться творчески мыслить, вырасти настоящими исследователями.

Пройдут годы, и, может быть, многие из вас внесут свой вклад в изучение проблемы контактов, на мой взгляд, самой интересной проблемы современной науки.

Тайны, проблемы, гипотезы... А что ты, наш читатель, думаешь об этом? Напиши нам.

Журнал в журнале «Кораблик» печатает только тебя

Наш «Кораблик» плывет по Днепру. На борту его — стихи украинских ребят.

Таня ЯКОВЕНКО занимается в литературной студии Киевского Дворца пионеров. Сейчас она шестиклассница, а стихотворение «Про ежика» написала, когда училась в четвертом классе.

Про ежика

На опушке, под пеньком,—
Маленький ежиный дом;
У его дверей открытых —
Коврик пестрый, весь из
ниток;
Тут без горя, без забот
Ежик вежливый живет.
Не страшит гроза ежишку,
Не пугают облака:
В школу он бежит
вприпрыжку,
Сделав зонтик из грибка.
Если же на небе тишь,
Ищет яблоки малыш.

*

Наташа ЮНКО живет во Львове, учится в 5-м классе школы-интерната № 3.

Что это?

Желтела под солнцем большая семейка,
Купал ее дождик,
Сушил ветерок,
И солнце ее целовало, ласкало,
Пока не пришла ей пора поседеть.
Семья поседела,
Семья посерела,
А ветер подул — улетела семья,
Осталась лишь ножка
С головкою лысой...
Так что это было?
А ну, отгадай!

*

Семиклассница **Оля ПОТАПЕНКО** тоже из Львова. Оля — член литературной студии «Первые шаги» при Доме пионеров Львовской железной дороги.

Листок

Ветер рванул,
Окно распахнул,
В комнате пляшет,
Шторою машет.
С ветром кленовый
Листочек влетел,
Робко на столик,
На скатерть присел.
Сидит и боится,
Дрожит на ветру,
Думает:
«Выживу
Или помру?
С мусором выбросят
Или, быть может,
В школьный
гербарий
Тихо положат?»

*

Василь ГЕРАСИМЮК живет в закарпатском городе Коломня, Ивано-Франковской области. Василь — один из победителей ежегодного республиканского конкурса юных поэтов.

Осенняя соната

Ручеек пробирается,
Весь в серебряных косах,
И сентябрь опирается
На березовый посох,

Тучи черное кружевце
Задевает отроги,
Скоро овцы подружатся
С теплой пылью дороги.

Листья, плача,
прощаются,
Покидают деревья,
Пастухи возвращаются
Потихоньку в деревни.

Пахнет брынза ягнятами,
Плещут буки крылато...
В тишине над Карпатами
Проплывает соната.

❄

Инне **БЛЕЙХЕР** пятнадцать лет, живет она в Киеве, занимается в литературной студии Дворца пионеров. Ее стихотворение написано на русском языке.

* * *

Две девчонки третью подозвали,
На асфальте дом нарисовали,
Разобрали роли, как в театре,
Девочки играют в дочки-матери.

Лбы и пальцы вымазали мелом.
Обе дочки в дом вошли несмело.
Мама дочкам говорит степенно:
«Дети, не входите через стену».

Не играть мне больше в дочки-матери.
Повзрослела. Издали подсматриваю.

❄

Стихи Тараса **УНГУРЯНА**, девятиклассника из г. Черновцы.

* * *

Я хочу стать птицею
На ветру,
Расцвести ромашкою
Поутру.

Золотистым в борозду
Лечь зерном,
Мятой встать зеленою
Под окном,

Снегом опьяняющим
Порошить,
В синем небе звездочки
Ворошить.

Раздуваться парусом
В вышине...
Человеком всюду быть
Нужно мне!

Таня **ШЛЕПЦОВА** живет в городе Харькове. Стихи пишет по-русски. Из ее стихотворений мы выбрали вот это.

Поющий лед

Ты наточил еще с утра
Ступившийся конек.
А вечером вся детвора
Собралась на каток.

Таинственный вечерний лед!
Лишь тронь его коньком,
Как он тихонько запоет
Неведомо о чем.

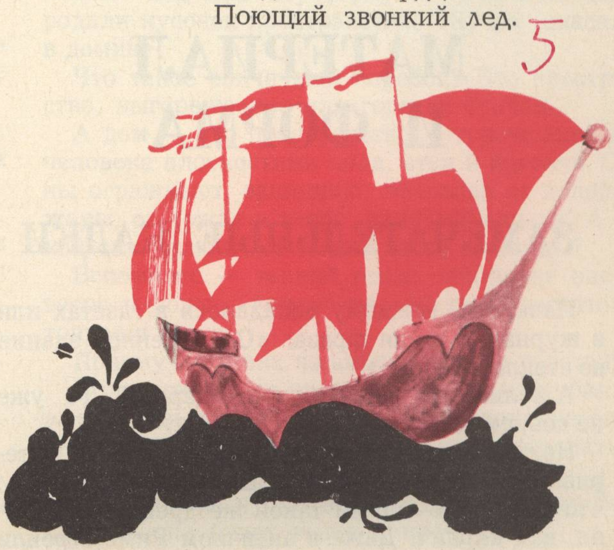
Слова бы можно разобрать,
Да если б без помех!
Да если бы не кутерьма
И не веселый смех!

Ты сам с собой во весь опор
Мчись наперегонки!
Пускай со льдом заводят
спор
Звенящие коньки.

И вот ты, словно невесом,
По воздуху летишь!
А может, это просто сон?
И ты, наверно, спишь?

...Когда-нибудь, когда-нибудь
Ты, тяжело вздохнув,
Решишь о чем-нибудь
взгрустнуть
И подойдешь к окну.

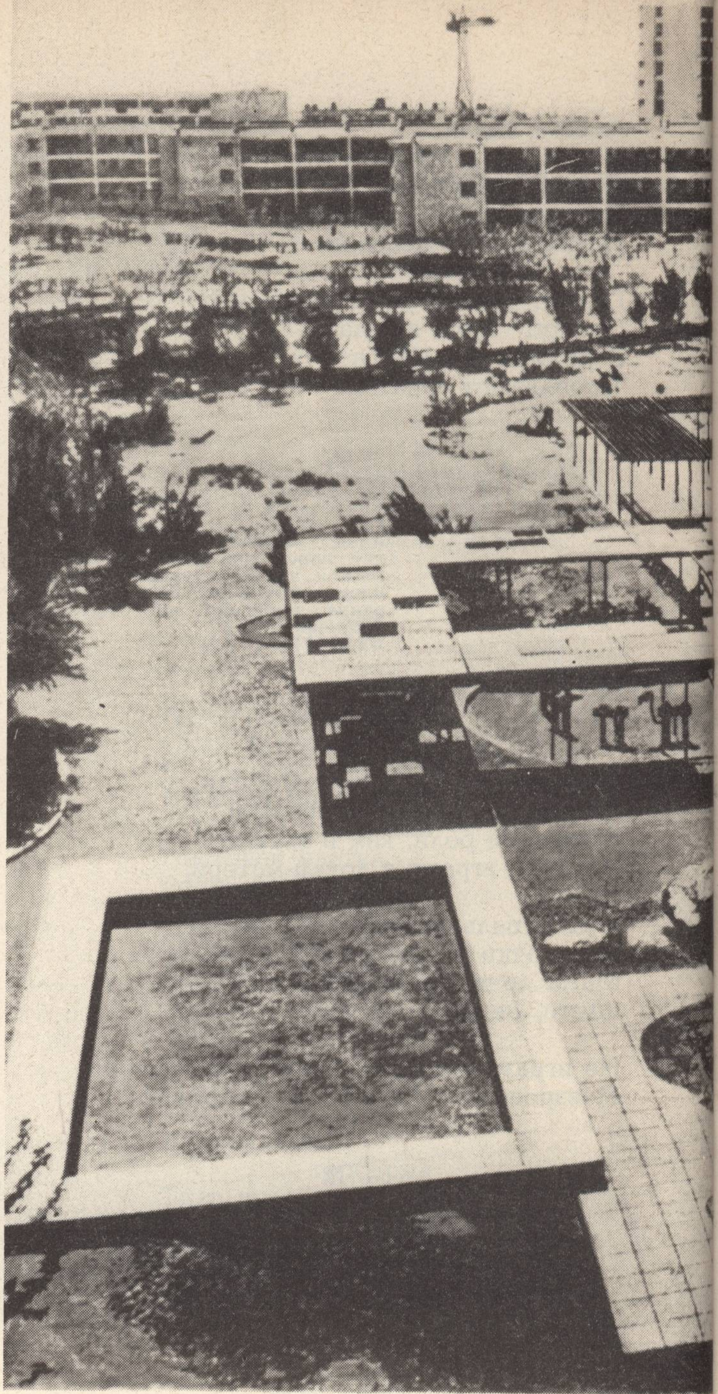
В душе веселье оживет
И чудный тот полет...
И где-то в сердце запоет
Поющий звонкий лед.

Л. ЯХНИН

ДОМ, В КОТОРОМ ТЫ ЖИВЕШЬ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Мне было семнадцать лет, и я, конечно же, знал все на свете.

Я тогда поступал в Архитектурный институт. Быть знатоком архитектуры мне просто полагалось. Я рассуждал о готике и античности, о барокко и модерне. Мог перечислить все московские памятники-монастыри и назвать по имени башни Кремля.

И вдруг кто-то из моих друзей, разбиравшийся в этих сложных вопросах несравненно меньше меня, спросил:

— А что такое архитектура?

Я снисходительно улыбнулся, глянул на него по-птичьи, сбоку и... и тут понял, что ответить на этот наивный вопрос не могу!

Сначала я всполошился. Но потом решил, что пропустил, не прочитал какую-то одну-единственную книгу. А в ней-то как раз и спрятан ответ на этот вопрос. Я бросился в библиотеку, но книги такой не нашел. Я стал приставать ко всем знакомым и незнакомым архитекторам. Один пожал плечами. Другой загадочно улыбнулся. Третий смущенно похлопал меня по плечу, приговаривая: «Вырастешь — узнаешь». При этом видно было, что он просто рассчитывал на то, что я никогда не вырасту...

Прошло немало лет. Я все-таки стал архитектором. Проектировал. Даже писал иногда научные статьи. Но до сих пор я немного побаиваюсь этого простого вопроса:

— Что такое архитектура?

МАТЕРИАЛ И ФОРМА

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ КАДКИ

Наверное, каждому попадалась в газетах или в журналах такая фраза: «Современное здание из стекла и бетона».

А если из кирпича или из дерева? То уже не современное?

Нет, современность не в том, из какого материала возведено здание. Еще можно добавить, что и бетон-то — почти такой же древний материал, как кирпич. Даже в античном Риме строили из бетона. Но в восьмидесятых годах прошлого века скромный французский садовник Монье мастерил цементные кадки для растений и заложил внутрь цемента металлические обручи. Тут оказалось, что таким образом можно делать огромные кадки с тончайшими стенками, и все-таки они были намного прочнее прежних, цементных.

Так родился новый строительный материал — железобетон.

ЧТО МОЖНО ПОЛУЧИТЬ В НАСЛЕДСТВО ОТ ЖЕЛЕЗА

Что требуется от строительного материала? Конечно же, прочность.

Но какая? Бывают прочные подошвы. Ходишь по улице. Шаркаешь ботинками, а подошвы не стираются.

А железный прут можно согнуть в баранку, но он не сломается. Значит, он хорошо работает на изгиб.

Свежую булку можно смять двумя пальцами. А бетонный кубик хоть сжимай под кузнечным прессом — раскрошится, но не сомнется. Бетон хорошо работает на сжатие.

Итак, от своих предков — железа и бетона — железобетон унаследовал способность сопротивляться изгибу и сжатию.

В руках у архитекторов оказался материал-богатырь...

Значит, стоит только начать строить из железобетона дома, как сама собой возникнет новая архитектура. Но...

ЛУКОШКО С ГРИБАМИ

Вы когда-нибудь собирали грибы? Тогда с вами наверняка бывало такое. Ходишь-ходишь. Ну, хоть бы один белый или подосиновик попался! Нет, под ноги лезут какие-то коричневатые крепкие грибы-зонтики. То ли поганки, то ли нет.

И не берешь их. А когда возвращаешься домой, обгоняет тебя старушка с полной корзиной этих странных, неизвестных тебе грибов.

— Бабушка, что это за грибы?

— Да волнушки, милок, волнушки.

— И хороший суп из них?

— Дак волнушки это. В суп они не идут. Их солить надо.

Идет дальше старушка, покачивая головой и прицокивая языком. Словно пробует на вкус свои соленые волнушки.

А у тебя пустая корзинка, потому что прошел мимо грибов, тебе неизвестных.

Так и мимо железобетона вначале проходили архитекторы — не знали, что с ним делать.

Вот строили всегда из кирпича, камня, дерева, а теперь можно из железобетона. И стали строить из железобетона дома, ничуть не отличающиеся от прежних. Даже оштукатуривали стены — гримировали дома, чтобы больше походили на своих кирпичных собратьев. Словом, архитекторы действовали, как плохие грибники: гриб вот он, под руками, а на что он годится — неизвестно.

ИЗБУШКА НА КУРЬИХ НОЖКАХ

В каждой игре есть свои правила. Для того, чтобы играть, нужно знать эти правила. Давайте и мы попытаемся разобраться, по каким правилам строился кирпичный дом.

Во-первых, что такое дом?

Ползает по земле жучок. Две ладони, поставленные над ним перевернутой лодочкой, выгородили кусочек пространства. Жучок оказался в домике.

Что такое спичечный коробок? Это пространство, выгороженное для горстки спичек.

А дом — это пространство, отгороженное для человека плоскостями пола, стен и потолка. Стены ограждают, защищают человека от холода и жары, от дождя и ветра, от шума и пыли. А какой они должны быть для этого толщины?

Вспомните — тонкий плащ защищает нас от ветра и дождя, зимнее пальто тоже достаточно тонкое и легкое.

Почему же стена из кирпича такая толстая?

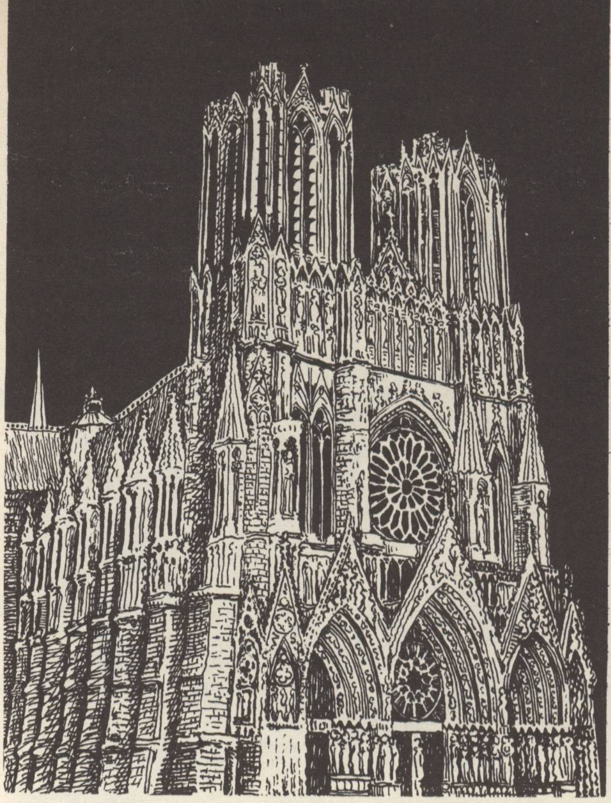
Положите кубик на кубик, кубик на кубик — высокую-высокую башню. Она покачнется и развалится. Приходится внизу положить четыре кубика, потом три, потом два, потом один...

Чем больше кубиков лежит в основании башни, тем она будет выше и прочней...

Так и с кирпичной стеной приходилось поступать — чем выше дом, тем толще стена. Она была в два, в три раза толще, чем нужно бы для защиты человеческого жилища от капризов погоды. А раз уж она все равно такая толстая, то пускай, как носильщик, несет на своих плечах и потолок и крышу.

Тяжелая кирпичная стена, конечно же, должна стоять на земле. Опираться на нее. Но на прочность земли надежда плохая — тут песок, там глина. Дождь — и земля становится как кисель, солнце — земля трескается, коробится. А стена и шелохнуться не имеет права — дом развалится.

Вот и делали в земле для кирпичной стены надежный каменный башмак — фундамент. Дом прочно врастал в землю. Волшебная избушка, поднятая над землей на курьих ножках, была лишь сказочной фантазией.

Каким кружевным и воздушным кажется этот собор.

ОДИН ШАГ

И появился удивительный человек. Мыслитель. Новатор. Художник.

Швейцарец, живущий в Париже, Шарль Ле Корбюзье. Он сделал всего один шаг вперед. Но это был шаг гиганта — между его первыми постройками и современной ему архитектурой зияла пропасть. Ле Корбюзье понял, что новые качества железобетона открывают дорогу новым формам в архитектуре. Какие же это качества, влияющие на архитектурную форму? Железобетонная стена состоит не из отдельных кирпичей-кубиков, это сплошная плита. Стена может быть тонкой и легкой. Одной толщины на всю высоту дома.

Но жилой дом — не карточный домик: он не должен разваливаться от малейшего дуновения. Дому нужен скелет-каркас. В помощь тонкой железобетонной стене ставятся стойки-колонны. А если уж появились стойки, то на них и кладется плита потолка. Зачем нагружать тонкую стену-скорлупку? Мало того, стену даже можно подвесить к той же стойке.

Итак, в землю врыты только стойки-столбы. Дом на них стоит, как на ногах. Вот она, сказочная избушка на курьих ножках!

И как только Ле Корбюзье в этом во всем разобрался, он выдвинул новые принципы.

Вот они: опоры-столбы, крыша-сад, свободная планировка, окно-лента, свободный фасад.

Взгляните на знаменитую виллу «Савой» под Парижем, построенную Ле Корбюзье в 1929 году.

Дом поднят на столбах над землей. Он словно забрел на своих легких ногах в этот прекрасный сад, не помяв ни травинки. Вокруг дома — сад, под домом и даже на плоской крыше дома — сад.

Потолок опирается на столбы, поэтому стены можно двигать и изгибать, проектируя помещение любой формы.

Фасад дома освободился от тяжелой стены, ведь к столбам-колоннам можно подвесить и железобетонную и стеклянную стену.

Окна — уже не отдельные квадратные отверстия в стене, а длинные, непрерывные ленты стекла, наполняющие комнаты светом и воздухом.

Так возникла новая архитектура XX века.

СТРАННАЯ ЛУНА

Формы Ле Корбюзье были так завораживающи, так новы, что могли, казалось, поглотить

Современное здание из кирпича... Странно звучит? Но перед вами Московский институт электронной техники в Зеленограде. Авторы проекта Ф. Новиков и Г. Саевич получили первую премию.

все остальные течения, стили, индивидуальности в архитектуре.

Однако искусство обладает волшебной способностью совершенно изменять определенные, хорошо известные и на первый взгляд однозначные понятия и предметы.

Луна уже перестала быть тайной даже для пятилетнего ребенка. Обычная планета. Но...

Сравните луну с блином, и она станет смешной. Сравните со звериным желтым, без зрачка глазом, и луна в ночном небе покажется зловещей. Сравните с монеткой, закатившейся за тучу, и она станет мелкой, незначительной.

Это метафоры. Метафора — язык искусства.

Язык архитектуры — сложно метафоричен.

ЯЗЫК АРХИТЕКТУРЫ

КОНУРА И ДОМИК

На первый взгляд странно говорить о языке архитектуры. В самом деле, что может сказать нам дверь или окно?

Нарисуйте рядом два одинаковых домика. Врисуйте в один из них большое окно. Так, чтобы оно занимало почти всю стену. Что у вас получилось? Конура. Для дворовой собаки Жучки.

В другой домик врисуйте два маленьких окошка. Перед вами избушка, где поместятся и старик, и старуха, и внучка.

Вот как размер окна повлиял на образ дома. Это явление в архитектуре называется масштабностью, то есть соразмерностью частей здания с человеком.

Древнегреческий философ Протагор сказал как-то: «Человек — мера всех вещей».

В архитектуре этот принцип стал одним из основных. Архитектор строит для людей, значит, его творения должны быть соразмерны человеку.

Каждое искусство имеет свой способ выражения, свой язык. У живописи есть цвет и линия, у скульптуры — масса, у музыки — звук. Архитектура говорит пропорциями, то есть соотношением частей. Языком архитектуры можно передать впечатление легкости и тяжести, движения и покоя, торжественности и будничности, героики и лиричности.

БУЛЫЖНИК НА ТРАВИНКАХ

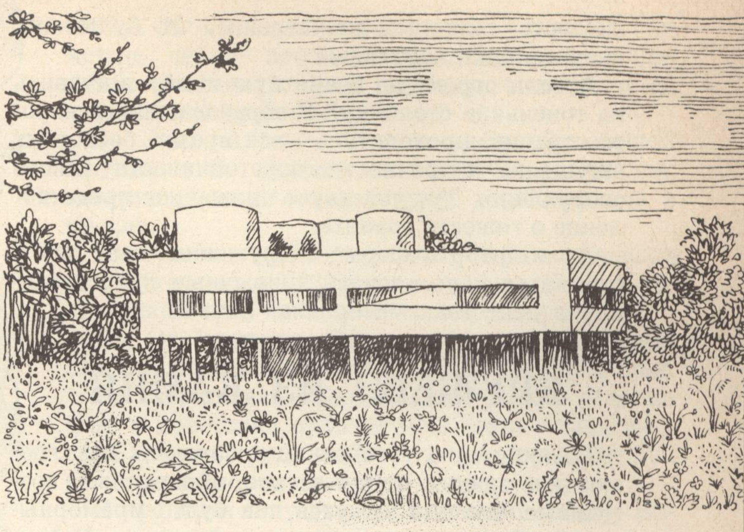
«...Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит,
Летит, как пух от уст Эола...» —

писал Пушкин о великой балерине Истоминой.

Почему же балерина в танце кажется летящей по воздуху? Наш глаз привык, что всю тяжесть тела несет ступня. Человек, стремительно бегущий на цыпочках, кажется легче, чем он есть на самом деле. Глаз отмечает эту неестественную легкость.

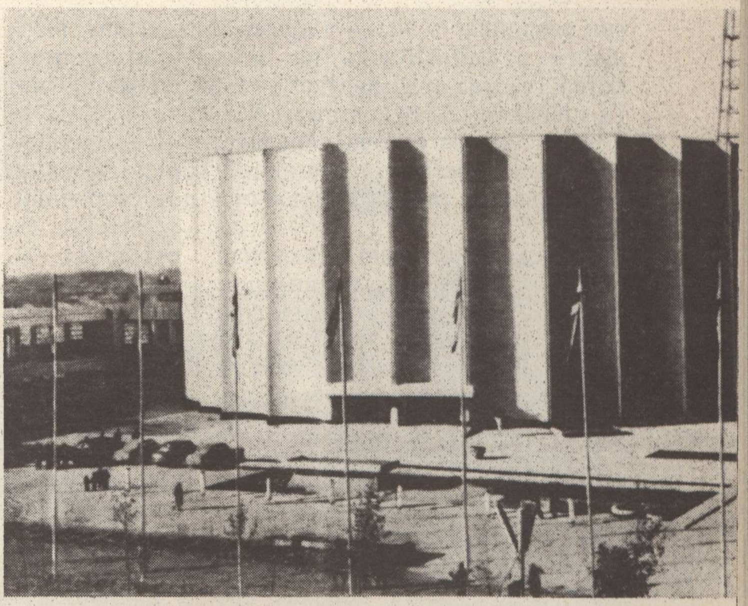
А поза гимнаста, ставшего на руки, покажется нам неустойчивой. Он прекрасно стоит на руках. Даже по лесенке может взбежать. А мы все равно боимся: вот-вот он потеряет равновесие.

Возьмите булыжник и положите его на торчащие из земли травинки. Он их придавит. Но сделайте травинки из стальных прутьев, и они легко удержат тяжелый булыжник на своих остриях. У человека, не посвященного в эту

Вот она, вилла «Савой». Кажется, что дом на своих легких, тонких ногах вбежал на луг, не помяв ни одной травинки.

Гигантским белым цветком возвышается на открытой площади круглый ребристый объем Дворца искусств в Ташкенте. Движется в знойном небе солнце, плотные тени скользят по ребрам-лепесткам.

хитрость, создастся впечатление, что булыжник ненастоящий, картонный.

А если огромную гранитную глыбу поставить на тоненькие столбики? В образовавшиеся ворота страшно проходить — все время беспокоит ощущение непрочности, неустойчивости такого сооружения. Тут действует привычное представление о тяжести гранита.

Архитектор в форме сооружения как раз и стремится использовать привычные представления о качествах материала. Зачем?

КРУЖЕВО ИЗ КАМНЯ

Взгляните на готические соборы. «Эти громоздкие здания такие легкие, прозрачные, воздушные, что они кажутся как будто мраморными брабантскими кружевами»,— писал Гейне.

Кружева — из камня! Камень потерял свой вес? Все сооружение словно растворяется в воздухе, отрывается от земли. Католическая религия твердила: тело — тюрьма для души, рвущейся в рай. Жизнь на земле — мгновение, которого едва-едва хватает, чтобы приготовиться к вечному блаженству на небесах.

Архитектура собора передавала это ощущение временности всего земного, это стремление вырваться из земной оболочки в потусторонний мир.

Целая философия! Жестокая, страшная — вспомните костры инквизиции — философия, переданная языком архитектуры.

А пирамиды Египта! Над пустыней возвышается каменная громада. Глухие гладкие стены. Ни двери, ни окна, ни ступеньки. Ни единой детали, по которой человек мог бы представить ее истинные размеры. От этого пирамида казалась еще выше. Недоступная и непоколебимая, она олицетворяла собой безмерность и вечность власти фараона.

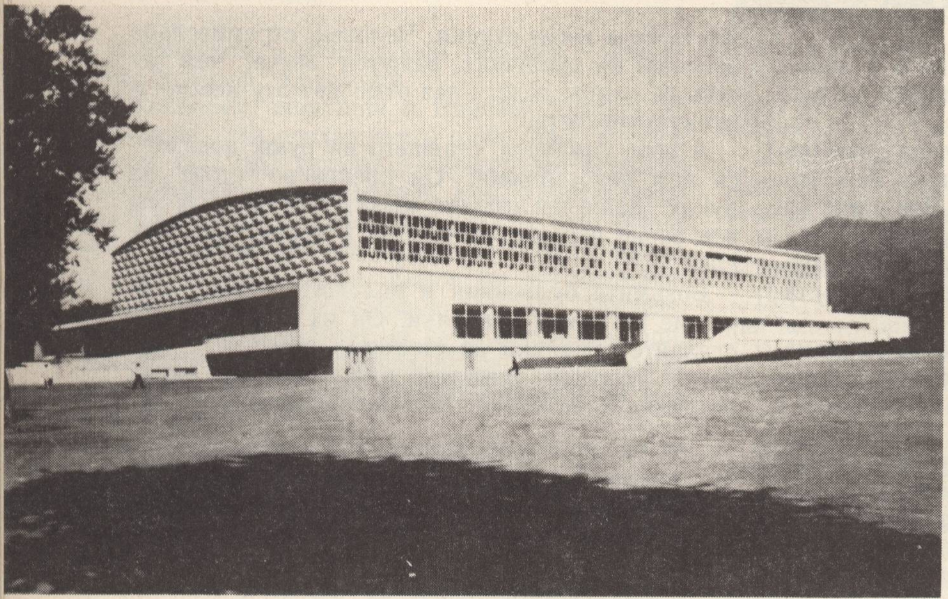
Это снаружи. Представьте себе ту же пирамиду, разрезанную пополам сверху донизу: мумия фараона, словно яблочное зернышко, покоится в толще камня. И это тоже говорит о недоступности, о защищенности фараона.

Египетская деспотия непоколебима, как этот каменный колосс,— вот что внушала архитектура пирамид.

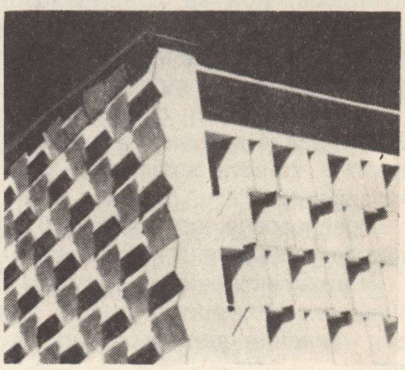
Если вы побываете в Ленинграде, непременно обратите внимание на Михайловский замок. Прочтите подробно о жутких годах правления полупомешанного царя Павла I, и вам станет понятна мрачность и настороженность Михайловского замка: подавляющая масса красных кирпичных стен, рвы, окружающие его со всех сторон, звериные оскалы подъемных мостов.

Разные цели преследовали архитекторы, создавшие готический собор, пирамиду, Михайловский замок,— и какие они разные по форме, эти сооружения!

Тут мы подошли к очень важному моменту. Архитектура тесно связана с жизнью людей, и в своих формах она отражает идеи общества, его философию.

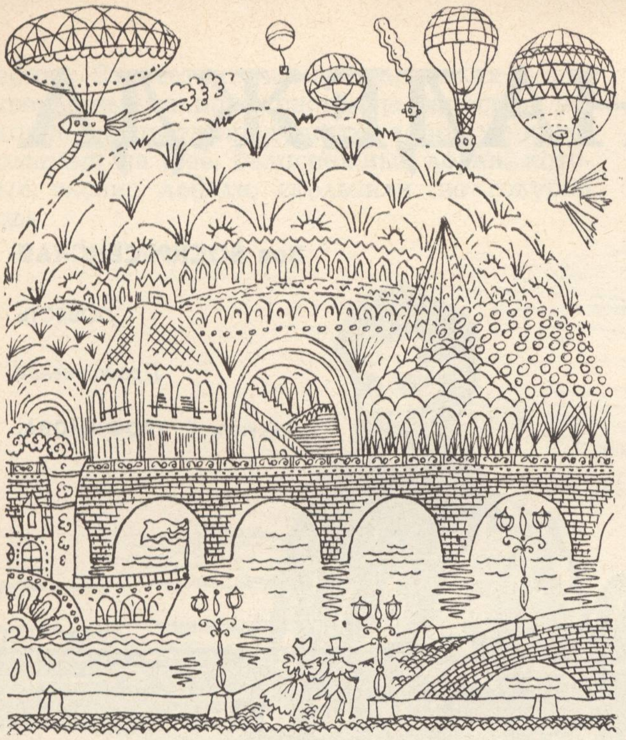
Так выглядит Дворец спорта в Алма-Ате. Тонкие железобетонные пластинки, которые вы можете разглядеть на фотографии внизу, защищают спортивные залы от палящих лучей солнца. Но эта солнцезащитная решетка становится особенностью архитектуры здания.

ХРУСТАЛЬНЫЙ ДВОРЕЦ НА НЕВЕ И ДВОРЕЦ ПИОНЕРОВ

Многие, вероятно, читали прекрасную сказку В. Одоевского «Городок в табакерке». У этого писателя есть еще одно сочинение — фантастический роман «4338-й год». В 1838 году Одоевский пытается представить себе жизнь в России через 2500 лет.

И начинает он свою книгу с описания архитектуры этого далекого будущего. Москва и Петербург слились в один колоссальный город, над которым движется поток аэростатов. Хрустальные крыши домов сверкают в лучах солнца. Посредине Невы на мощных каменных арках стоит хрустальный дворец. От него по воздушной галерее можно попасть в великолепный Ботанический сад. Сад-оранжерея занимает весь

Посредине Невы будет построен хрустальный дворец.

Васильевский остров и покрыт тонким хрустальным куполом. Сады, аллеи, окаймленные невиданными деревьями, люди в одеждах из эластичного хрусталя — вот атмосфера фантастического города, на фоне которого Одоевский пытается нарисовать жизнь и устройство идеального общества.

Подобные романы, где авторы каждый на свой лад стремились вообразить идеальный общественный строй будущего, называют утопическими. И вот что интересно: все утописты (заметьте себе — вовсе не архитекторы) непременно связывали новое общество с новой, фантастической архитектурой.

— Экий мечтатель, этот князь Одоевский! Хрустальный дворец, хе-хе-хе!..— усмехался, наверное, какой-нибудь барин, развалившись в кресле.

Интересно, что говорил этот барин, услышав от своего старика кучера: «...и стал Иван, крестьянский сын, жить-поживать во дворце»?

Ох, и дерзкая была мечта: крестьянский сын — и вдруг во дворце! Поистине сказочная.

Но свершилась Великая Октябрьская революция, и советские архитекторы стали проектировать Дворец труда и Дворец культуры, Дворец Советов и Дворец пионеров.

В прошлом году двенадцатилетний пионер Ваня, может быть, праправнук того крепостного кучера, по-хозяйски водил меня по киевскому Дворцу пионеров. Он и вправду очень красив. Авторы его, группа архитекторов и художников во главе с А. Милецким, получили Государственную премию СССР.

Что делали в царском дворце? Ели, спали, веселились. В XVII веке государев дворец состоял вот из каких помещений или дворов, как тогда говорили: царские покои, потешный двор, сытный, хлебный, кормовой, конюшенный и казенный, где хранилась царская казна. По одним только названиям можно догадаться, что это за дворы. И до самого последнего царя сохранились они, разве что названия менялись.

В киевском Дворце пионеров есть огромные мастерские, где пионеры конструируют, строят, есть комнаты, откуда несутся звуки музыки и песен, есть залы игр. А самый главный зал — Ленинский с прекрасными мозаиками на стенах. Здесь на торжественных линейках принимают в пионеры.

Из дома для царей дворец превратился в дом для ребят. Вот как в одном только здании, будто в зеркале, отразились черты нашего социалистического строя.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ.

Киевский Дворец пионеров, словно океанский корабль в открытом море, угадывается издалека — по очертаниям. Вы еще не вошли внутрь, но можете сказать, что здесь есть обсерватория — вот тот серебристый купол справа. А вон возвышается над крышей круглое покрытие Ленинского зала, и за стеклянной стеной видны мастерские.

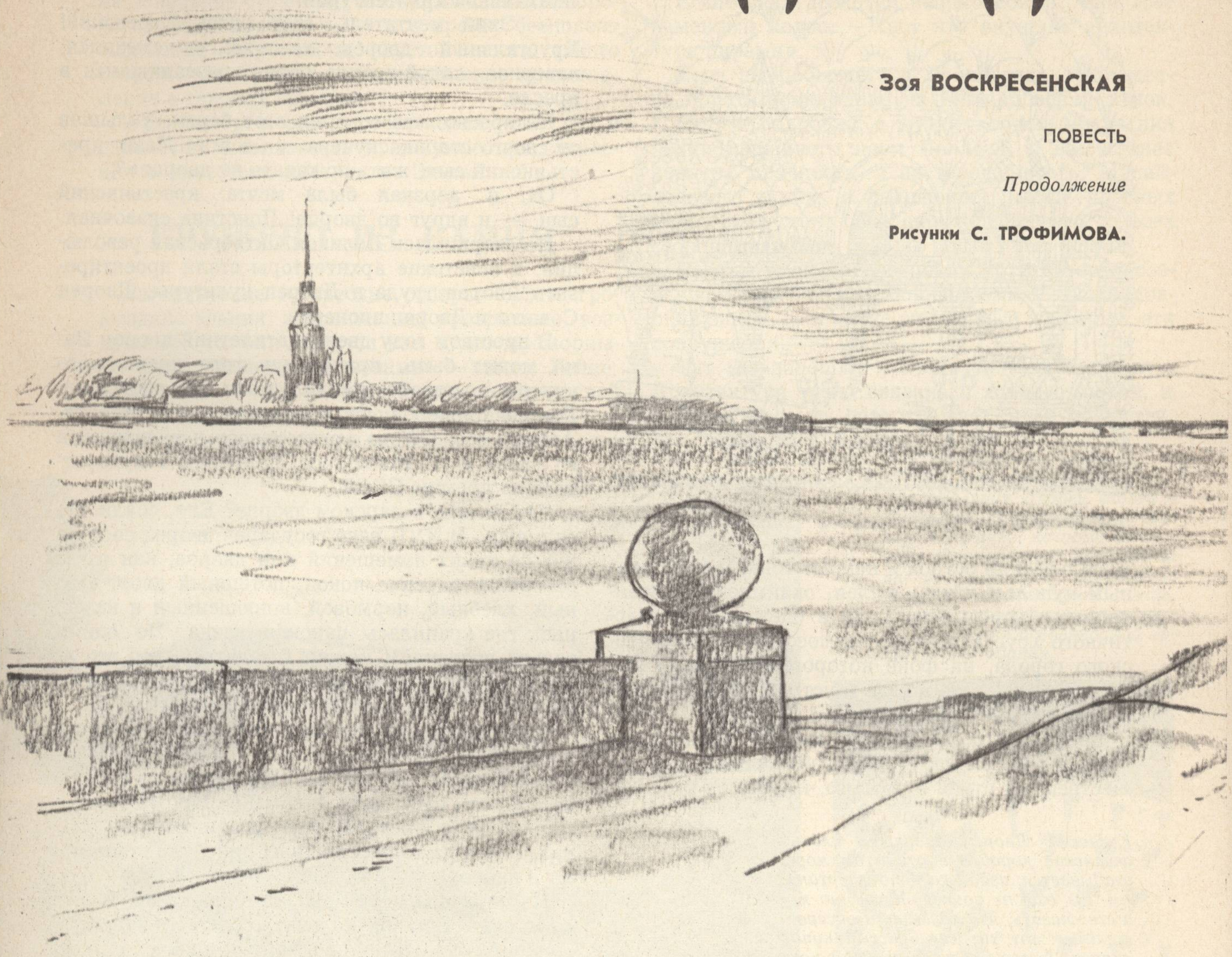
ПАРОЛЬ—НАДЕЖДА

Зоя ВОСКРЕСЕНСКАЯ

ПОВЕСТЬ

Продолжение

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

Лаго-Маджоре

Теперь дом Крупских часто навещал доктор. Звали его Борис Модестович. Это был не просто доктор, а профессор, преподаватель Петербургского университета. Знакомы они были с Константином Игнатьевичем еще по службе в армии, а теперь подружились. У доктора не было семьи, он целые дни проводил со студентами и, наверно, от этого выглядел моложаво. Его интересовало все, что интересовало молодежь, у него не было стариковских причуд, привычек, не было друзей среди стариков. Константин Игнатьевич чувствовал себя с ним очень хорошо.

Борис Модестович понимал, что положение Крупского безнадежно. Туберкулез разрушил легкие. Можно было лишь несколько продлить жизнь, облегчить страдания. Это Борис Модестович и старался сделать.

С некоторых пор целовать отца на ночь, желая ему спокойной ночи, стало «дурной привычкой». Борис Модестович готовил своему другу питье, которое называл «эликсиром жизни». Это была смесь шоколада, свиного сала, столетника, сливок и еще чего-то. Получался густой крем, который разводили теплым молоком. Доктор все припасы для этого питья покупал сам. Часто он говорил, что хорошо бы съездить на курорт на озеро Лаго-Маджоре или хотя бы в Башкирию — попить кумыс.

Лаго-Маджоре! Это звучало красиво, заманчиво. Лаго-Маджоре стало у них в семье символом здоровья, радости. Надя выискивала книги про это чудо-озеро, которое перерезало на картах, как саблей, Италию и Швей-

царию. Рассматривала на картинках горы, освещенные солнцем, пастбища, заросшие роскошными цветами, тучных коров с колокольцами на шее, белоснежные лодки, которые, словно лебеди, скользили по голубой воде.

Найти бы клад и поехать с папой на Лаго-Маджоре. Но что-то не часто люди находят клады. Деньги надо заработать, а ей, Наде, всего двенадцать лет. Даже если бы она, как Илюша, работала на бумажной фабрике, то надо было проработать лет тридцать, чтобы скопить деньги на поездку и лечение на озере Лаго-Маджоре...

— Лаго-Маджоре, Лаго-Маджоре,— шептала Надя, как заклинание, каждый вечер, ло-

— Приговор отменен! Я снова житель этого города. — Константин Игнатьевич смотрит вприщур на Неву.

жась спать, и каждую ночь ей снились то в блестящих рождественских снегах вершины Альп, то зеленые пастбища с яркими цветами, то водопады, то ласковая прохлада этого чудо-озера касалась ее щек.

Поехать бы с папой на Лаго-Маджоре, чтобы он вылечился и вернулся здоровый, веселый! Папе сорок два года, а он ходит с палкой. Даже профессор, которому на целых двадцать лет больше, ходит без палки и поднимается по лестнице без остановки, а папа останавливается на площадке каждого этажа и подолгу отдыхает.

Резкий звонок прервал сон.

Кто это пришел так поздно? Борис Модестович? Надя присела на кровати.

— Костя!

— Коля! — послышались радостные голоса.

Надя подбежала к двери, приоткрыла ее. В столовой папа обнимал кого-то. Где-то она его видела, этого человека. Наверно, папин старый друг. Надя юркнула под одеяло и снова

погрузилась в свой мир мечты. И снова заколыхались веера пальм над голубым озером и крохотные птички колибри украсили ворсистые стволы. Смеялись дети, по тенистым аллеям гуляли здоровые красивые люди. Лаго-Маджоре!

...Константин Игнатьевич пригласил гостя сесть.

— Ах, как я рад тебя видеть! Но зачем рискуешь?.. Ты опять мосье Прюдан? Или?..

— Нет, я снова Николай Утин. Я снова дома!

Утин внимательно посмотрел на старого товарища. Крупский был худ и бледен, на сероватом лице его рдел зловещий румянец. Окинул взглядом комнату — более чем скромная обстановка.

— Из нищеты так и не выбрался?

— Нет. Дело мое судебное еще не закончено. Но это все чепуха! Меня не осуждали на смертную казнь, как тебя. Приехать в Россию, где тебя ждет виселица,—это подвиг. Ты прибыл по поручению Международного товарищества рабочих?

Вошла Елизавета Васильевна, принесла чай. Утин раскрыл дорогой портсигар, но, перехватив предупреждающий взгляд хозяйки и вглядевшись в лицо Крупского, захлопнул его и положил на стол.

— Почему до сих пор не закончат это глупое дело? — спросил Утин.

— Ходит по инстанциям шестой год. Помнишь поговорку: «Судиться — не богу молиться, поклоном не отделаешься».

— Да,— засмеялся Утин.— «В суд ногой — в карман рукой». А у тебя в кармане пусто. Написал бы ты покаянную, и дело с концом. Охота тебе столько лет маяться. Неужто смехотворные пункты насчет польского языка, мазурки и полонеза остались в деле?

— Нет, из двадцати двух пунктов обвинения остался один-единственный, и вот из-за него-то я и лишился всего имущества, всех прав, вовлек в беду Лизу, Надю, потерял здоровье. Через несколько дней мое дело назначено на рассмотрение в Уголовном кассационном департаменте правительствующего Сената. Нанял адвоката.

Утин машинально взял портсигар, открыл его и закурил.

— Какой же пункт обвинения остался?

— Помнишь решение Лондонской конференции о сборе статистического материала? Я тебе еще в Гройце собранную статистику передал.

— Да, да,— рассеянно отвечал Утин, думая о чем-то другом.

— Они, конечно, не дознались, для чего я собирал эти сведения, но почуяли что-то неладное, приписали мне превышение власти.

Утин разогнал рукой дым папиросы и зашагал по комнате.

— Константин, я всегда почитал тебя за умного, хотя и чересчур горячего, человека. Но с годами мы все остываем. Умоляю тебя: напиши прошение в Сенат, расскажи все, как было, укажи, что это было заблуждением юности, что ты все осознал, обо всем содеянном сожалеешь и просишь простить. Там,— Утин поднял глаза к потолку,— любят раскаявшихся грешников. Увидишь — простят, помилуют. Снова станешь человеком.

Константин Игнатьевич очень внимательно посмотрел на приятеля. На впадинах щек, как раны, зарделись пятна.

— Ты что, шутишь? — тяжко выговорил он.— За честного человека перестал меня почитать? А убеждения? А ненависть к несправедливости, к унижению, а извечная жажда свободы, а юношеские клятвы вечно служить своему народу? Неужто ты считаешь, что в юности — революционер, а на склоне лет — царев слуга? Мой отец—декабрист, в ссылке умер!

— И что же? — насмешливо, вместе с дымом папиросы выдохнул Утин.— Твой отец умер в ссылке, а что-нибудь изменилось? Я служил Международному товариществу рабочих, преклонялся перед Карлом Марксом и его учением. Я был приговорен в России к смертной казни. Народу стало от этого лучше? Андрей Потебня сложил свою голову за свободу Польши. А полякам стало от этого легче? Ярослав Домбровский погиб на баррикадах Коммуны в Париже, а французы обрели свободу? Громко гудел герценовский «Колокол», но разве сбылось предсказание Герцена, что этот колокол будет гудеть до тех пор, пока Россия не воспрянет и «начнет торжественно и стройно, с сознаньем доблести спокойной звонить во все колокола»? Все колокола замерли. Герцен в могиле. Все революции разгромлены.

Крупский сидел, согнувшись в кресле, и мрачно смотрел на Николая Утина. Неужели это он, Утин, силе убеждения которого он завидовал, перед отвагой которого преклонялся? Перед судьбой его, осужденного на смертную казнь, он совестился собственного благополучия...

— Плохо я что-то понимаю тебя,— еще с искрой надежды произнес Константин Игнатьевич. Елизавета Васильевна стояла в дверях и нервно вытирала чашку.

Утин, прикуривая одну папиросу от другой, шагал по комнате и продолжал, все более возбуждаясь:

— Я бежал из России. Я, сын миллионера, вел нищенское существование.

— За это тебя все уважали, обожали.— Константин Игнатьевич был почти уверен в расстройстве психики Николая.

— Я жил впроголодь, питался в каких-то харчевнях, не имел лишней пары перчаток, в Лондоне с завистью смотрел на то, как прогуливается английская знать в Гайд-парке. У меня в Петербурге были конюшни и рысаки всем на зависть.

— Скажи, как ты прибыл в Россию? — мучась страшной догадкой, в упор спросил

Константин Игнатьевич своего бывшего, да, теперь он понимал — бывшего друга.

— Меня неудержимо потянуло домой...— Утин замялся.— Я написал царю челобитную, просил простить блудного сына и дозволить провести остаток жизни на родине. Ведь мне скоро стукнет сорок. И теперь я прощен! Я снова на родной земле. Я стал независимым, сам себе хозяин.

Константин Игнатьевич сморщился, как от боли.

— Ты подумай, я ведь насолил царю-батюшке куда больше, чем ты,— продолжал Утин.— А ты со своей статистикой и юношескими заблуждениями во время польского восстания большого ущерба ему не нанес. Тебя простят. Из-за такой ерунды ты ведешь семилетнюю войну, донкихотствуешь. Живешь в нищете...

Константину Игнатьевичу было мерзко, зябко, душно. Ярость комом застряла в горле.

— Подумай трезво, пока не поздно.— Утин шагал по комнате, дымя папиросой.

Константин Игнатьевич разразился кашлем, затяжным, надрывным, рвущим легкие. Говорить он не мог. Он только поднял руку, легкую, исхудавшую, с длинными пальцами, и показал на дверь — уходи, мол, немедленно уходи.

Елизавета Васильевна подбежала к мужу, обняла его за плечи.

Оправдали

Уже седьмой год пишет Константин Игнатьевич в разные ведомства прошения о пересмотре своего дела, о разрешении жить с семьей и работать в Петербурге. Но как в бездонный колодезь, падают эти прошения. Никакого ответа.

Кое-кто из друзей советовал написать прошение не о пересмотре дела, а о помиловании, сославшись на тяжелую болезнь, материальные невзгоды, желание дать дочери образование.

— Нет, нет и нет! — решительно возражал Константин Игнатьевич.— Моя совесть чиста, я не вор, не разбойник и не подлец, чтобы просить о помиловании.

Но, кажется, сейчас в Сенате достали наконец его дело с пыльной полки, и на 28 апреля назначено слушание. Друзья и родные собрали деньги и наняли адвоката.

Но вдруг 27 апреля адвокат прислал с нарочным письмо, в котором просил извинить его: за нездоровьем он не сможет присутствовать на заседании департамента Сената.

Елизавета Васильевна отлично понимала: если завтра дело не рассмотрят, оно опять будет отложено в долгий ящик. Крупская с волнением смотрит на мужа. Надя сидит тут же. Константин Игнатьевич еще раз прочитал письмо адвоката, аккуратно сложил его и засунул обратно в узкий конверт.

— Я буду защищать себя сам. Может быть, даже к лучшему, что адвокат решил заболеть.— Он усмехнулся.— Не зря же я окончил Военно-юридическую академию, а, Надюша?.. Нет, право, я уверен, что сумею выиграть этот поединок.

«О, если папа сказал, так оно и будет».— Надя с восхищением смотрела на отца.

На следующий день она сидела в гимназии как на иголках, все время думая о том, что в это время ее отец стоит перед судьями и защищает самого себя. Нет, защищает и ее, свою дочь, и маму — защищает от бед, от несправедливости. Сегодня решится судьба всей их семьи. Или они останутся в Петербурге и папа будет каждый день с ними, или им придется опять ехать на какую-нибудь фабрику или в имение, туда, где для отца найдется работа.

Надя бежала из гимназии домой. А в это время в здании Сената еще продолжался поединок. Под двуглавым орлом сидели первоприсутствующий М. Е. Ковалевский, четыре сенатора, товарищ обер-прокурора Е. Ф. де Росси, обер-секретарь М. Л. Виолье. Против них стоял в полном одиночестве высокий, с седыми висками Константин Крупский.

Сенатор Ковалевский задает традиционный вопрос:

— Признаете ли вы себя виновным, коллежский асессор Константин Игнатьевич Крупский, 41 года, в том, что, состоя начальником Гройцкого уезда, в 1872 году без разрешения своего начальника учредил в этом уезде контроль частных служителей?

— Нет, не виновен,— твердо отвечает Константин Игнатьевич.

Вопросы — ответы. Нападки судей Крупский парирует быстро, уверенно.

— Зачем вам понадобились сведения об условиях работы и жизни частных служителей — батраков, прислуги, ремесленников?

«Этого, господа сенаторы, вы никогда не узнаете!»

— Контроль частных служителей я решился учредить в видах общей пользы, поскольку от них поступали многочисленные заявления.

Дело Крупского тянулось семь лет. Последний поединок длился семьдесят минут. Тринадцать длинных страниц настрочил секретарь.

Суд удалился в совещательную комнату.

Крупский ждет. Каждая минута кажется вечностью...

...Надя бежала домой из гимназии. Дома только мать. Она в сильном смятении... Почти семь лет ждали решения, а вот сегодня силы сдали, нервы не выдержали.

Надя берет маму за руку:

— Пойдем, мамочка, папе навстречу. Так ждать нельзя, прямо сердце разрывается.

Елизавета Васильевна и Надя быстро идут по набережной Невы. Ах, как бесконечно длинен фасад Зимнего дворца! Адмиралтейство. Вот показалось желтое здание Сената, соединенное аркой с таким же точно зданием священного Синода. И Сенат и Синод обладают большой властью над людьми, над их судьбами, душами.

А день над Невой разгорелся ясный, солнечный.

Константин Игнатьевич спускается по ступенькам. За ним захлопнулись тяжелые дубовые двери Сената. В ушах все еще звучат последние строчки приговора:

«...признавая подсудимого невиновным в превышении власти, Правительствующий Сенат определяет: бывшего начальника Гройцкого уезда коллежского асессора Константина Крупского считать по суду оправданным, а приговор Варшавской судебной палаты отменить, о чем сей Палате с возвращением дела послать указ, а... копию сего приговора передать начальству подсудимого, предавшему его суду»...

«Начальству подсудимого, предавшему суду»,— повторяет Константин Игнатьевич. Наместник Берг умер в 1874 году, когда по его указанию Варшавская судебная палата все еще пыталась состряпать громкое дело Крупского.

Константин Игнатьевич, как адвокат, понимает, что отмена приговора должна повлечь за собой выплату ему жалованья этим самым начальством, предавшим его суду. Значит, с нуждой будет покончено. Они переедут в светлую квартиру.

— Мамочка, ты видишь, это ведь папа! Он улыбается!.. Все в порядке!..

— Ничего не вижу, доченька, ничего,— смахивает слезы со щек Елизавета Васильевна.

Надя хочет побежать к отцу, но мать не выпускает ее руку: она боится, что силы оставят ее.

Наконец и Константин Игнатьевич увидел две милых его сердцу фигурки — такие крохотные на огромной площади. Помахивая тростью, он спешит к ним навстречу.

— Приговор отменен! Я снова житель этого города. — Крупский смотрит вприщур на Неву.— С нуждою покончено. Мне должны уплатить жалованье за семь лет.

— Мы поедем на Лаго-Маджоре,— серьезно говорит Надя.— Поедем втроем на чудо-озеро... Лаго-Маджоре, Лаго-Маджоре,— напевает она.

Дружба

Теперь каждый день после вечернего чая Надя выходит с папой на прогулку. Она ждет этого часа с нетерпением. Отец знает много замечательных историй о разных странах. Он начал писать книгу для детей о путешественниках и путешествиях. Первой читательницей этой книги будет, конечно, Надя. А пока она первая слушательница.

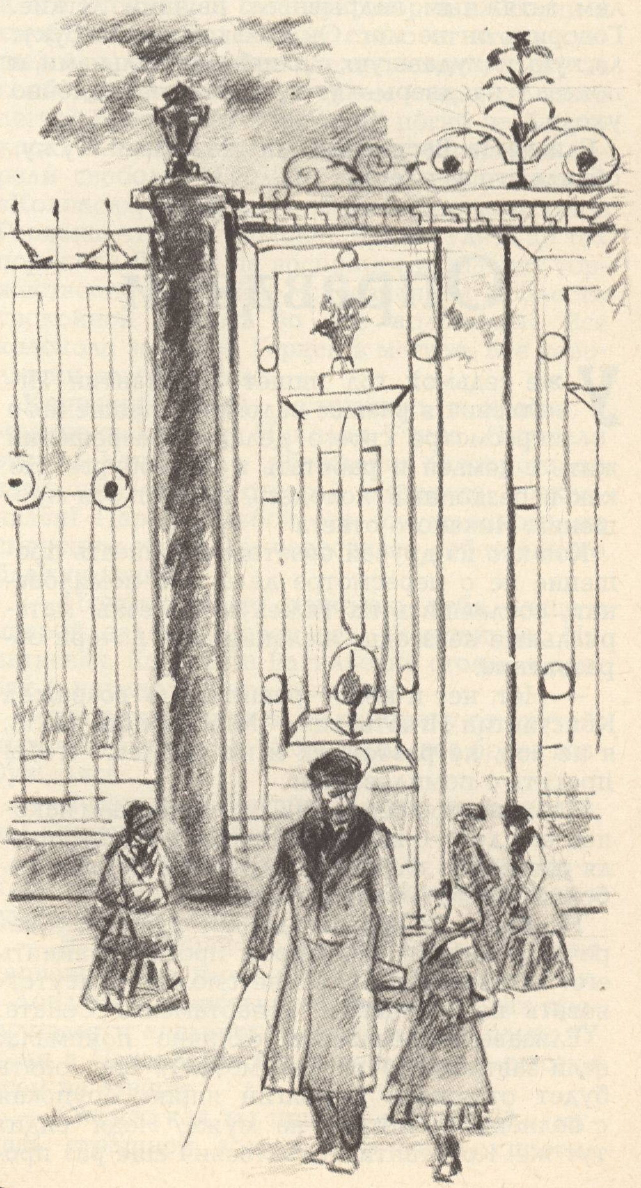
Они выходят из дому, отец выпрямляется, глаза его светлеют, по губам скользит улыбка. Надя любит эту улыбку. На желтоватом лице из-под русых усов и ярких, воспаленных губ сверкают белоснежные зубы. От улыбки лицо отца снова становится молодым и красивым.

Идут от площади к площади, бродят по улицам, и каждый дом хранит легенду, каждый камень этого города — живая история.

— Петербург — красивейший город,— убежденно говорит отец.— В таком городе должны жить только душевно красивые, честные, талантливые люди.

Вышли на Сенатскую площадь. Здесь семьдесят пять лет назад выступили с оружием в

Каждый день после вечернего чая Надя выходит с папой на прогулку.

руках против крепостного права, против самодержавия офицеры-декабристы. Декабристом был Надин дед — Игнатий Крупский. Здесь выстроился в боевой четырехугольник Московский полк. Надя живо представила согнувшегося от горя Пушкина и слушала его стихи, произносимые отцом. «Не пропадет ваш скорбный труд и дум высокое стремленье». И потом до нее будто доносился глуховатый голос Некрасова, воспевающего подвиг русских женщин. Некрасов был любимым поэтом в семье Крупских.

Отец и дочь шагали по улицам Петербурга. Константин Игнатьевич начинал, а Надя подхватывала и быстрым полушепотом читала некрасовские строки, посвященные этому городу:

— ...Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится в невские струи,
Пусть, теша буйство удалое
И сея плевелы свои,
Толпы пустых, надменных, праздных,
Полны пороков безобразных,
В тебе кишат. В стенах твоих
И есть, и были в стары годы,
Друзья народа и свободы.
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.
Ты дорог нам,— ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда.

— Папа, а мы с тобой друзья народа и свободы? А?

— Конечно, Надюша. Я иначе себе не мыслю.

Отец всмотрелся в Надю. Вот она, его дочка, тоненькая девочка с вопрошающими, широко открытыми глазами. В них горит ясный, чистый огонь. И сердце ее готово испепелить себя ради того, чтобы принести пользу людям.

Подошли к кирпичному зданию, похожему на казарму. «2-я Петербургская военная гимназия» — начертано черными буквами на зеленой вывеске.

Константин Игнатьевич остановился, оперся на трость, окинул взглядом дом и, как старому знакомому, сказал, приподняв шляпу:

— Здравствуйте, младые годы!

— Ты здесь учился?

— Да. Раньше эта гимназия называлась Константиновским кадетским корпусом.

— И тебе здесь нравилось?

Частый переплет окон был похож на решетки, и Надя пыталась представить себе папу мальчиком ее лет, в мундирчике. Вот он стоит у доски и отвечает урок. Смешно!..

— Тебе здесь нравилось, папочка?

— Здесь я нашел себе друга, и здесь мы дали обет быть друзьями народа и свободы. Моего друга звали Андрей. Андрей Потебня.

Ничто так не украшает жизнь, не обогащает сердце и ум, как дружба, узы которой — это дерзновенные мечты, высокие помыслы.

Когда человек один, то каким бы страстным мечтателем он ни был, он как птица об одном крыле. Если рядом верный друг, тогда у любой мечты два крыла.

Так нашли себя юные Герцен и Огарев и на Воробьевых горах в Москве дали клятву посвятить жизнь революционной борьбе. Так сошлись пути декабриста Чаадаева и Пушкина, и клятвой верности прозвучали бессмертные строки: «Товарищ, верь, взойдет она, заря пленительного счастья, Россия вспрянет ото сна, и на обломках самовластья напишут наши имена». Так встретились Карл Маркс и Фридрих Энгельс и вместе создали великое учение о победной роли пролетариата в борьбе за свободу, равенство и братство.

Впервые Крупский увидел Потебню в библиотеке кадетского корпуса. Константину было семнадцать лет, Андрею шестнадцать. Оба уже по шесть лет носили военный мундир. Крупский до этого окончил Новгородский кадетский корпус, а Потебня — Полоцкий. Оба приехали в Петербург, чтобы получить специальное артиллерийское образование.

В тот вечер Андрей сидел в библиотеке, на лестнице под самым потолком. Сидел в какой-то очень неудобной позе, словно не успел как следует устроиться, а раскрыл книгу да так и застыл над ней. Константин долго наблюдал за этим юношей. На обложке книги, которую тот читал, стояло: «Т. Г. Шевченко. Кобзарь». Это о многом сказало Константину: светловолосый юноша — украинец, и, наверное, он... вольнодумец. Андрей оторвался от книги, из-под густых ресниц блеснули синие глаза. Он улыбнулся... Тарасу Шевченко, своим мыслям. А Константину хотелось, чтобы он вот так улыбнулся и ему. Крупский окликнул юношу и спросил, что бы тот мог порекомендовать ему для чтения... Тут же и познакомились.

— Андрей.

— Константин.

Каждый назвал себя.

Потебня сразу выявил глубокое знание литературы и хороший вкус. И так вышло, что в их дружбе он стал за старшего.

Оба запоем читали. Уроки частенько оставались невыученными. Зато новые книги распахивали перед юношами жизнь со всеми ее сложностями, трудностями. Дядьки, приставленные к кадетам, и командиры требовали от юношей большего внимания к учебной программе. Однако Андрей и Константин частенько получали лишь удовлетворительные отметки.

Андрей всегда горел жаждой подвига, но подвига не для славы, а для блага народа. Его любили товарищи, и, несмотря на то, что он был один из самых молодых, у него спрашивали совета, он был арбитром в спорах, он судил о том, что справедливо и что несправедливо.

Кончили кадетский корпус. Обоих направили служить в Польшу, но в разные полки.

Потебня всего себя отдал борьбе: он возглавил революционную организацию в русской армии и вместе с поляками готовил восстание. А когда увидел, что восстание обречено на провал, ушел в польский повстанческий отряд и погиб в бою с царскими войсками.

— Я теперь понимаю,— сказал отец Наде,— что Андрей связал свою жизнь с судьбой этого восстания. Когда-нибудь мы поедем с тобой в Польшу на Песчаную гору, может быть, найдем там могилу Андрея.

Наде стало грустно.

Медленно двигаются позорные дроги.

— А если бы Андрей Потебня был жив, то вы дружили бы и сейчас: ведь друг бывает на всю жизнь, правда, папа?

— Я уверен, Андрей навсегда оставался бы моим другом.— Константин Игнатьевич глубоко задумался. — Но бывают и горькие разочарования. Порвать дружбу — это иной раз тяжелее, чем похоронить друга.

— И у тебя так было?

— К сожалению, да...

У Константина Игнатьевича больно защемило сердце — он думал об Утине. Андрей Потебня тоже любил Николая Утина. Однако тот, изменив своим убеждениям, изменил и памяти этого светлого человека.

— Ты мне расскажешь? — подняла Надя глаза на отца.

— Да, когда-нибудь...

Надя обидчиво рассмеялась:

— «Вырастешь, Надя, узнаешь»... Так ведь?

— Наверно, так. Для таких разочарований, какое было у меня, надо много пережить.

— Я хочу, чтобы ты был моим другом на всю жизнь,— вырвалось вдруг у Нади.

Они шли по дорожкам Летнего сада, порошил мелкий снег.

— Большое тебе спасибо,— серьезно сказал Константин Игнатьевич,— но помни, дочка: друг должен быть твоим сверстником, чтобы ты могла пройти с ним всю жизнь. И искать такого человека надо смолоду!..

Набат

По санному пути через Невку еще шли обозы, но по едва уловимому аромату, который источали деревья и земля, уже чувствовалось приближение весны. И солнце, вырываясь из плена кучевых облаков, веселым глазом смотрело на землю, и вздрагивали деревья, и почки набухали — шла невидимая, но торопкая жизнь, пробуждение.

Константин Игнатьевич и Надя возвращались с прогулки. Шли по Невскому. Надя первой заметила, что по направлению к центру мчатся конные жандармы, казаки. Чем ближе они подходили к Литейному, тем явственнее чувствовалась паника. С грохотом падали железные шторы в витринах магазинов, дворники в белых фартуках строго стояли у ворот, люди спрашивали о чем-то друг друга и куда-то бежали... Вдруг ударил набат. Загудели колокола Исаакия, за ними в Казанском соборе, и понесся над Невою, над улицами Петербурга тревожный рев колоколов.

— Папочка, что это? — Наде стало страшно, хотелось тоже куда-то бежать, хотелось спрятаться от этого тоскливого гула.

Крупский недоумевал. Наводнение? Но Нева еще подо льдом. Пожар? Но дымили только фабричные трубы за Невской заставой. Колокола оповещают о народном бедствии, о какой-то катастрофе. Константин Игнатьевич остановился возле дворника, который стоял, опираясь на метлу, как на ружье, глаза его выражали ужас.

— Что случилось? Куда бежит народ? — спросил Крупский.

Дворник мелко закрестился и всхлипнул.

— Неужто ваше благородие не знают? Царя убили! — шепотом произнес он.— Убили супостаты царя-батюшку!..

Константин Игнатьевич взял Надю за руку.

Теперь уже кругом слышалось: «Убили!», «Бомбу бросили, в клочья разорвали!», «Убили царя, и царицу, и всех детей!..».

Отец с дочерью спешили домой, кругом все бежали туда же, к центру. Слухи распространялись, как пламя по сухой траве, и были один страшней другого: «Бунт! Государственный переворот. Разнесли весь царский поезд. Сто революционеров вышли с бомбами и все те бомбы в царя кинули. Взорвали Зимний дворец. Взорвали дворец в Царском селе».

Надя крепко вцепилась в руку отца, то и дело заглядывала ему в лицо. Отец был взволнован. Спрашивать Надя не решалась. Они двигались вместе с толпой орущих, плачущих, встревоженных людей; голоса тонули в звуках набата, который, как тяжкий стон, разносился над городом, леденил душу, нагонял тоску, куда-то торопил, создавал панику.

В квартире Крупских было тесно. На этот раз Надю не отсылали посидеть у подруги или сбегать в булочную на Невский. Разговаривали открыто. Все папины друзья порицали царя за его жестокость и несправедливость. И слова гимна, который каждый день пели в гимназии, «Боже, царя храни» вдруг потеряли свой смысл. Впервые услышала Надя слово «революция».

— Что это такое или кто это такая революция? Ты знаешь? — спросила Надя Лелю.

— Богиня свободы — так объяснил мне папа,— ответила Леля. Ее занимало в этой истории другое: как разорвалась бомба, и как разорвало царя, и не убило ли кучера, и как испугались лошади, и как жалко, что Лели не было там и она никогда теперь не сможет сказать подружкам в гимназии: «Девочки, я своими глазами видела, честное благородное!»

А набат все гудел, и от этого гула жарче становились споры. В этот вечер никто не боялся высказать свое отношение к событию.

Приходили все новые гости. Стали известны подробности дела, а может быть, то были только слухи... В царя бросили две бомбы. Первая лишь слегка его ранила. Бросили вторую бомбу — прямо к ногам Александра. На этот раз смерть настигла царя.

— Папа, ты говоришь, что теперь все станет лучше, все станет иначе, а как иначе? — допытывалась Надя.

— Я думаю, народ вздохнет свободнее.

— Царя больше не будет?

— Будет, но другой, напуганный. Он станет лучше относиться к людям, не потому что у него доброе сердце, а потому что трусливое.

— Добро из трусости, какое же это добро? — возразила Елизавета Васильевна.— Такое добро всегда обернется злом.

— Может быть, ты и права, но народ не останется безучастным. Такие события, как сегодня, они вселяют надежду!

В эту ночь Надя долго не могла заснуть.

Глаза

Гимназия походила на растревоженный муравейник. Сегодня, 3 апреля 1881 года, «их» должны были казнить. «Они»—это руководители революционной организации «Народная воля»—Желябов, Михайлов, Кибальчич, Рысаков, Перовская, участники заговора против Александра II. Игнатий Гриневицкий, бросивший бомбу в царя, сам был смертельно ранен ее осколками и умер одновременно с царем. «Их» повезут мимо гимназии Оболенской. С утра вдоль панелей выстроились полицейские, за ними конные жандармы. Воображение всех гимназисток занимала, конечно, Софья Перовская — девушка, не первый уже раз выходившая с бомбой против царя. Дочь губернатора— революционерка!

Уроки в гимназии шли без перерыва; гимназисток, возбужденных, взвинченных, не выпускали из класса, стараясь занять чем-нибудь. Директор гимназии Герд и преподаватели ходили мрачные. Симпатии их были на стороне «Народной воли». Но разве могли они сказать об этом открыто?!

В 4-м классе шел урок литературы. Учитель, чтобы отвлечь внимание девочек от окон, предложил им прочитать на память свое любимое стихотворение. Девочки читали вяло, рассеянно, почти не слушая друг друга. Дошла очередь до Нади.

— Мадемуазель Крупская! — раздался голос над ее ухом. Девочка вздрогнула.— Прочитайте ваше любимое стихотворение.

Надя встала. Мысли не могли выстроиться в ряд. «Сегодня «их» казнят, казнят»,— упрямо повторяла она про себя, стараясь вникнуть в страшный смысл этих слов.

— Что же прочитать? — Надя наморщила лоб.

— Жил на свете рыцарь бедный... рыцарь бедный...» — слышала она подсказки со всех сторон.

Девочки знали, что это — любимое стихотворение Нади.

— «Жил на свете рыцарь бедный»... — начала неуверенно Надя.

Молчаливый и простой.
С виду сумрачный и бледный,
Духом смелый и прямой...

Духом смелый и прямой,— повторила Надя.

Резкая барабанная дробь заглушила ее последние слова. Все девочки бросились к окнам.

— Мадемуазель, отойдите от окон,— вбежала классная дама. Она пыталась оттащить девочек.

Но гимназистки прильнули к стеклам.

— Везут! Везут!

Барабаны выстукивали сумасшедшую дробь; казалось, что это в страхе стучат зубы какого-то чудовища.

Осужденных везли на двух высоких дрогах. На передней повозке к высокой скамье были привязаны толстыми канатами двое мужчин, руки у них были связаны сзади. Они сидели спиной к лошадям, и людям надолго запомнились их лица. На другой везли троих. Посередине сидела Софья Перовская. В черном балахоне и в уродливом черном капоре, руки за спину, ноги привязаны к скамейке. Плечи ее вздрагивали — узкие плечи, выпиравшие из балахона.

Позорные дроги поравнялись с окнами, и Надя увидела «ее». Черные оборки обрамляли очень бледное, совершенно бескровное лицо, на котором были заметны одни глаза. На выбоинах Софья вздрагивала и чуть морщилась: рукам было очень больно. На шее висела тяжелая черная доска с белой надписью «Цареубийца».

Наде тоже стало больно. Ей показалось, что она слышит стон. Слышит? Ничего нельзя расслышать сквозь сумасшедшую барабанную дробь. Звенели стекла от этого сплошного града.

Какая нужна сила, жизнеутверждающая, непомерно огромная, какие гигантские народные таланты, чтобы пробиться сквозь эту толщу бесправия, тупости, беззакония, придавленности! Какой нужен могучий голос, чтобы перекрыть барабанную дробь!

Так вырастает березка на голом валуне и стоит, тонкая, белая. Как много жизненных сил скрыто в крохотном летучем зернышке, которое разыщет выбоинку в граните, присыпанную землей, прорастет, пробьется сквозь камень к живительной влаге и наберет такую силу, что расколет гранит.

Но все новое, смелое, талантливое, что нарождается в России, закручивается в черные пеленки. Так говорил Наде отец... Черные пеленки! Как страшно увидеть младенца, запеленатого в черное. И как страшно, когда девушку в уродливом черном балахоне везут на черных дрогах! А на черном помосте накинут на шею черную петлю.

«Я сейчас закричу. Я сейчас закричу». Надя обеими руками сдавила себе горло.

Медленно двигаются позорные дроги. Софья Перовская поднимает опущенные веки, и большие светлые глаза смотрят на уползающую из-под повозки дорогу. Они очень близко, эти глаза. Еще мгновение, и взгляды девушек встретились.

Целый год Надя сидит возле отца, отлучается только в гимназию.

Стихла барабанная дробь. Исчезли дроги, полицейские, жандармы, толпы зевак на улице. Исчезли подруги, класс, окна. Все исчезло.

В зыбком мареве апрельского утра на Надю смотрят эти глаза. Очень знакомые, внимательные и родные. Софья смотрит на нее, на Надю, смотрит пристально, и Надя понимает, что хотят сказать ей эти глаза. «Я ни о чем не сожалею. Если бы начала жизнь сначала, то прожила бы ее так же. Меня посадили на позорные дроги, посадили спиной к лошадям, чтобы перед глазами смертников была уходящая дорога жизни. Впереди ничего нет... А у тебя, девочка, впереди длинный путь. Так пусть же каждый шаг по этому пути приближает тебя к великой цели...»

Сколько плевков, сколько бранных слов провожают Софью! Страшен путь до черного помоста. И все же какая-то курсистка вырвала из-за корсажа букет фиалок и бросила Софье. И эти фиалки лежат перед ней на дрогах, и ветер шевелит их светло-синие угасающие лепестки...

Северные фиалки... Барабанная дробь... Она пытается заглушить стук сердец, которые бьются согласно с сердцами смертников, заглушить чувство протеста против удушающего, смрадного бытия. Многие хотели бы бросить им на прощание цветы, но разрешены только плевки, только бранные слова.

Надя смотрит прямо в глаза Софье. Теперь она знает: не закричит, нет. Глаза Перовской щедро, очень щедро передают девочке, чем-то схожей с ней, веру в святость великого дела. И никакие черные, позорные дроги, и черные лошади, и попы в черных рясах не в силах очернить ее подвига.

Долго-долго провожает Надя эти глаза — светлые глаза светлой девушки, сказавшие ей так много, раскрывшие, наверно, самую важную страницу в Надиной жизни. Уже повернули за угол дроги, уже замер барабанный тяжкий градопад, а Надя видит глаза, они теперь будут всегда перед ней. Вот за этим окном ее класса живые, смелые, ясные глаза.

Девочки тихо расходились по местам. Садились за парты, стараясь не стукнуть крышкой. Все их мысли были там, вместе с идущими на эшафот героями.

Последний разговор

Как медленно тянутся годы! — жаловалась Надя отцу.— Живу, живу, а только четырнадцать будет. Вот если бы восемнадцать!

— А что было бы в восемнадцать? — шепотом спросил отец.

— В семнадцать кончу гимназию, к восемнадцати сумею скопить порядочную сумму денег, и мы все вместе поедем на Лаго-Маджоре.

Надя сидела у кровати отца и гладила его горячую, легкую руку. А Константин Игнатьевич думал о том, как, все убыстряя ход, задыхаясь, мчится по кругу секундная стрелка его жизни.

— Подожди, может быть, выплатят мне жалованье за семь лет, тогда поедем на озеро твоей мечты. Вот далось тебе Лаго-Маджоре! — покачал головой Константин Игнатьевич.

Целый год Надя сидит возле отца, отлучается только в гимназию. Елизавета Васильевна бегает по урокам. Однако заработка

ее на все не хватает. Она залезает в долги, надеясь, что выплатят так несправедливо отнятое жалованье. Но вот уже третий год на исходе, как отменен приговор, а денег до сих пор нет. Устала писать. Устала ходить по присутственным местам. Устала унижаться. Друзья помогают. Но Елизавета Васильевна очень хорошо знает: лишнего у друзей нет. Борис Модестович платит за все лекарства и консультации и сам почти ежедневно бывает у Константина Игнатьевича. Доктор настоятельно советует поехать на кумыс, но поездку два года откладывали, ожидая денег из Варшавы. «Этим летом надо во что бы то ни стало ехать! — решила Елизавета Васильевна.— Но как бы не было поздно. Очень уж он слаб...»

В Надин день рождения, 14 февраля, Константин Игнатьевич встал и сидел за праздничным столом, страшно исхудавший, но помолодевший, с горящими глазами и пылающими щеками.

Надиных подруг поразил вид этого человека, почти прозрачного, почти бестелесного и... такого красивого! Девочки старались двигаться бесшумно, не смеялись громко. За столом шел оживленный разговор, и Константин Игнатьевич все понял. Понял и оценил деликатность девочек, которые чувствовали, что шумное веселье ни к чему в этом доме. Оно только утомит тяжело больного человека. И вместе с тем девочки хотели показать, что не замечают болезни Константина Игнатьевича, и он все это понял.

Песни были тихие, задумчивые. Елизавета Васильевна играла на рояле, а Константин Игнатьевич с Надей сделали несколько па полонеза — медленного, величавого. Елизавета Васильевна взглянула на мужа, на дочку и закусила до крови губу, низко склонилась над клавишами. Константин Игнатьевич вел свою даму так, как когда-то вел ее, Лизу. Но тогда он был молодой, сильный. А сейчас, сейчас...

То был Надин день рождения. Но все сегодня делалось для отца: ради него пели песни, ради него декламировали стихи. Надя, конечно, читала «Рыцаря», и девочки не смеялись над ней и не переспрашивали, как делали это обычно: «Надя, мы не расслышали, повтори: ...ухом смелый и прямой?» Надя всегда сердилась и внятно повторяла: «Духом смелый и прямой». Сегодня ее не перебивали. Ради него. Ради него танцевали и видели, что он любуется ими. Константин Игнатьевич пытливо вглядывался в девочек, стараясь угадать, какая из них станет Надиным другом.

С этого дня здоровье Константина Игнатьевича стало заметно поправляться. Он теперь обедал за общим столом. Большую часть дня сидел в кресле. Когда приходил Борис Модестович, отец предлагал ему сыграть партию «в шахматишки»...

Елизавета Васильевна и Надя были счастливы. С каждым днем отец обретал силы. Они приписывали это чудодейственному эликсиру Бориса Модестовича. Знакомые Елизаветы Васильевны вспоминали много случаев, когда безнадежно больные туберкулезом излечивались столетником с медом или свиным салом с топленым молоком. А здесь, говорили они, свое дело сделал эликсир.

У одного лишь Бориса Модестовича залегала все глубже складка между бровей, и только один Константин Игнатьевич мог уловить тревогу доктора. Сам он уже не питал иллюзий относительно чудесного излечения. Опасался только, убережутся ли от губительных микробов жена и дочка...

Они не спускали глаз с самого дорогого им человека.

Надя еще сидела за уроками, когда отец попросил помочь ему перейти на кровать. Надя с готовностью подставила свое плечо.

— Посиди со мной,— попросил отец.— Давай вместе посумерничаем.— Константин Игнатьевич положил свою руку на руку дочери. Надя ощутила заметную дрожь.

— Тебе холодно, папочка?

— Укрой меня получше, ласточка. На улице мороз?

— Нет, нет, падает снег, какой-то невсамделишный, теплый. Снежинки падают и тают. И вся земля покрыта ледяными капельками, ну как замерзшими слезами. Смешно, правда? Совсем не похоже, что конец февраля. Скоро весна. А наш учитель по французскому грачей уже видел.— Надя говорила и говорила без умолку, стараясь казаться беспечной. Однако на душе становилось все тревожней.

— Ну, раз грачи прилетели, значит, весны не миновать,— сказал отец.

— И мы поедем в Уфу, будем пить там кумыс. Он очень вкусный. Очень.

— Да, наверное, вкусный.— Константин Игнатьевич говорил через силу.

— Папочка, тебе трудно говорить, может быть, лучше помолчим? Я зажгу лампу?

— Нет. Так лучше. Я хочу тебе сказать, что через три года ты кончишь гимназию, станешь взрослой. Постарайся побороть свою застенчивость. Иди в жизнь смело. Не мирись со злом... Я многого не успел... многого не понял... После гибели Андрея Потебни я не нашел друга, я не нашел тех друзей, с которыми должен был идти дальше. Семь лет скитаний оторвали меня от настоящей жизни... И эта болезнь... Береги нашу маму...

Надя молча гладила руку отца. Она не знала, что ответить и надо ли отвечать. Она видела, как спешит отец, боясь не успеть.

— Выбирай, Надюша... друзей смелых... чистых... бескорыстных... способных служить людям...

Пришла Елизавета Васильевна с урока. Она грела у кафельной печки озябшие руки, чтобы подойти к мужу, поправить ему подушки, вытереть полотенцем покрытое каплями пота лицо.

Она взглянула на Константина Игнатьевича и вдруг все поняла. Но старалась не подать вида. Пошла на кухню. Приготовила питье. Руки дрожали, и так страшно было отлучиться от него хотя бы на минуту. Вернулась в комнату, послала Надю спать.

Елизавета Васильевна с дочерью спят в соседней комнате. Со своей кровати Надя видит, как мать оправляет постель отца, ставит ему на столик стакан с лимонной водой, зажигает ночничок, загораживает его раскрытой книгой, как ширмочкой, чтобы свет не падал на лицо больного. И Надя вспоминает, что когда-то, давным-давно, родители заслоняли лампу у ее кроватки и ночи напролет читали, шептались. Мама часто плакала, а отец так нежно утешал ее...

— Спокойной ночи, дорогой,— сказала мужу Елизавета Васильевна, она провела ладонью по его кудрям и поцеловала. Отец погладил мамину руку и поднес к своим губам.

Елизавета Васильевна вошла в спальню, погасила свет, сняла ботинки и, накинув капот, легла поверх одеяла, повернув лицо к открытой двери в комнату мужа. Надя видела, что мать плачет. И ей самой было очень грустно. Она подумала о том, что мама, которой, казалось, некогда было думать о чем-то другом, кроме хозяйства и уроков, жила все время в страшной тревоге. Днем она не смела показать своего горя ни мужу, ни дочери, ни тем более своим ученикам. Она должна быть бодрой, веселой, улыбчивой. Для горя остается ночь. Человек предается горю ночью, когда темно; а если горе настигает днем, он закрывает глаза и лицо руками, погружается в ночь. В горе человек никогда не подставляет лицо солнцу.

Узкая полоска света падает из папиного кабинета на кровать матери. Плечи ее вздрагивают.

Надя соскользнула с кровати, подошла к матери и легла рядом с ней. Мать прижалась горячей мокрой щекой к щеке дочери, они крепко обнялись и лежали молча, не спуская глаз с самого дорогого им человека, которого они обе любили больше жизни и каждая по-своему. Теперь Наде казалось, что она слишком эгоистично пользовалась этой любовью, проводя все время с отцом, почти отстранив от него мать. Константин Игнатьевич лежал с открытыми глазами. На худой шее часто-часто двигался острый кадык: веки сонно, медленно закрывались, открывались вновь, и вот они сомкнулись — Константин Игнатьевич заснул. И Надя, прильнув к плечу матери, задремала.

— Надя, Надюша! — послышался шепот матери, полный отчаяния.— Идем к папе.

Обе подошли на цыпочках к кровати. Константин Игнатьевич дышал хрипло, тяжело, изо рта бежала струйка крови. Елизавета Васильевна салфеткой вытирала ему рот, вливала ложечкой лимонное питье. Больной задыхался, ловил ртом воздух... Полуоткрытые глаза выражали муку. Надя не могла сдержать рыдания. Мать взяла ее за руку:

— Спокойно, моя девочка, наш папа уходит. Не надо его огорчать в этот час.

Елизавета Васильевна держала запястье мужа, чувствовала, как утончалась и таяла ниточка пульса. И вот она исчезла. Дернулась еще раз, другой и порвалась. Смертельная бледность заливала лицо Константина Игнатьевича. Елизавета Васильевна закрыла ему глаза и повалилась на коврик у кровати.

В окно билась мокрая метелица.

ПРОДОЛЖЕНИЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ШКОЛА УМЕЛЫХ ХОЗЯЕВ

Л. МАТВЕЕВА

Олени ходят босиком

Алеша выходит из дома и останавливается на пороге. День только начинается, ясный день над тундрой. Снег зеленоватый, в низинах у сопок — голубой. А просто белым снег в этих местах и не бывает. Он чище белого, вот какой снег. И на нем за ночь множество следов. Белая куропатка пробежала деловито. Прошел к елкам солидный ногастый лось. След оставил глубокий, тяжелый.

Алеша щурится на солнце, апельсином выглянувшее из-за сопки. И надевает лыжи. Лыжи у Алеши широкие, на таких не провалишься. А если в этот снег провалишься, тут уж спасателей вызывай: глубина метра три, а то и больше. Оттолкнулся палками и пошел, полетел. Лыжи легкие, и Алеша легкий, и настроение у него легкое. Там, за сопкой, его друзья. Человеку хорошо, когда его ждут друзья. У них у всех выходной день. И они решили поработать все вместе. Потому что отдых — это не только безделье. Хочется сделать то, что из-за школьных дел приходится откладывать на потом. Выходной день — это и есть «потом», которое в конце концов пришло.

Олени пасутся за сопкой. Они разрывают снег и едят мох. Это и в школе по географии учат: «Олени живут в тундре, они едят мох». А только одно дело — учить, а другое — самим видеть. Мох серый, немного зеленоватый. Называется ягель. Олень на севере маленький, лохматенький. Все время смотрит вниз. И впечатление производит покорное. Но не такой уж он покорный: если стадо оставить без присмотра, олени разбредутся по тундре, тогда их не соберешь. Вот почему ездят верхом на оленях вокруг стада пастухи. И ребята из школы поселка Лопарск тоже пасут оленей. Они их любят и знают и хотят помочь взрослым. И еще ребята хотят быстрее вырасти, а растут лучше всего в работе.

— Здравствуйте, — кричит Алеша мальчикам и девочкам, которые стоят около старшего зоотехника Ивана Лаврентьевича.

Рисунки А. БОРИСОВА.

Улыбаются ребята, машут лыжными палками. Алеша тормозит так лихо, что голубая пыль взвивается над снегом. Зоя смотрит весело, разрумянилась на морозе.

— Опять девчонок взяли? — говорит Алеша.

Но девочки только смеются в ответ.

— Пошли, — говорит Иван Лаврентьевич. — Олень не ждет.

Оленем он называет все стадо.

Ребята ровно идут по одной лыжне, шаг за шагом, туда, где пасется стадо.

Оленю не надо подсказывать, куда идти. Он чует, где мха больше, где снег не так глубок. И все же следить надо: не уследишь, разбредутся, какой-нибудь недотепа заплутает и волку в зубы попадет.

Через два с половиной часа ребята увидели стадо, а еще немного погодя стали различать каждого оленя в отдельности. Рога самцов на

фоне неба. А над ними — верховые, ребята из седьмого класса, Елген, Володя и три Саши — Елисеев, Воронов и Белов.

— Эй-эй! — кричат пастухи. — Куда забрел, олешка? Давай сюда, сюда! А вот и смена пришла! Эй-эй!

Залезают на оленьи спины ребята, а семиклассники — на лыжи и домой. Иван Лаврентьевич посмотрел, видит, все в порядке, и ушел в совхоз. Он же знает, этим ребятам можно доверить, у них ни один олень не отобьется от стада.

Передвигается по снежному простору стадо. На месте оставаться нельзя, весь ягель здесь съеден, надо новый искать. И двигаться надо спокойно, не спеша. А то побьют олени ноги по мерзлым кочкам, начнется болезнь копытка. Олень же босиком ходит. Очень страшна для оленя эта болезнь: болят копыта, плохо ходит олешка. А его ноги кормят. Увидят ребята ранку или ссадину, сразу скажут ветеринару или Ивану Лаврентьевичу. Или сами подлечат, помажут мазью, которая у Зои в сумке, в желтой пластмассовой банке.

Солнце поднялось совсем высоко, но мороз не отпускает. Алеше тепло под меховой курткой и меховыми штанами. Лыжи он привязал оленю на спину, едет себе, по сторонам внимательно смотрит. Другие ребята в разные стороны разъехались, стадо — три тысячи голов, надо всех оленей видеть. Уверенно, спокойно чувствует себя Алеша. Вдруг Зоин голос:

— Ой, смотрите! Смотрите!

Видит Алеша: десятка два диких оленей из-за сопки показалось. Смело идут прямо к стаду. А это известно, что значит.

Домашний олень живет себе и живет, он и забыл, что его предки были дикими оленями, быстрыми и сильными. Но увидит диких оленей, услышит их голоса, почувствует запах свободы, и любой, даже самый смирный олешка пойдет за дикарями. Дикие олени могут самое большое стадо увести за собой. Уйдут олени, одни одичают, другие, непривычные к самостоятельному житью, погибнут.

Алеша, не рассуждая, кинулся к диким. А за ним Зоя. И все ребята.

— Эй-эй! Ну-ка, прочь!

Зашумели, налетели и отогнали. Успокоилось стадо.

Когда совет дружины решил помогать взрослым оленеводам, Алеша учился в четвертом классе. Его тогда в тундру не брали. Старшие ребята в каникулы ездили, а младшие на усадьбе оставались, помогали лечить оленей, с молодняком возились. Некоторых совсем маленьких олешков из соски кормили, выращивали.

Подросли олешки, подросли и ребята. Теперь ездят в тундру всем звеном: Алеша, Зоя, Проша Смирнов и три Саши — Матюнин, Чернышов и Лебедев. Так уж получилось, что в каждом классе по три Саши, а в пятом «А» даже четыре.

Теперь Алеша Гончаров в шестом. Он звеньевой, и в его звене — самые лучшие оленеводы дружины. На рукаве школьной формы у них пришит маленький матерчатый олень.

Быстро идет время. Вечереет. Синими стали сопки, их круглые вершины еще розовые, а внизу уже глубокие тени легли. И морозец забирает покрепче. Вокруг бесконечные снега.

Алеша родился в этих краях. Он любит эти снега и это небо. И оленей, мохнатых и смирных на вид. Зоя говорит, что станет зоотехником, как Иван Лаврентьевич. Алеша еще не решил, кем будет. Но когда в человеке появляется чувство хозяина своей земли, ответственность за серьезное дело, то этот человек уже стал богаче и сильнее.

— Эй-эй! Не разбредайтесь, олешки! — Зоя подъехала к Алеше, протянула ему половину апельсина, а он насыпал ей горсть «Золотых ключиков». И снова разъехались в разные концы. Скоро смена.

И снова заскрипят лыжи, побежит лыжня к поселку, мимо низкорослых елок и березок, мимо сопки — прямо к огням, к дому.

Бассейн в школе

Ирина Лузина из 1-й средней школы города Мичуринска, Тамбовской области.

По школе прошли невероятные слухи: у нас в школе построят бассейн!

— У нас в школе?

— Бассейн?

— А какой? С вышкой?

— Лягушатник, небось, и воды пять сантиметров...

Разные были разговоры. Потом пришел к нам директор Василий Игнатович, сказал, если мы будем бережно относиться к партам и стенам и обойдемся без ремонта, сэкономим деньги — летом начнем строить бассейн.

Наша школа не блистала чистотой: на любой парте можно было увидеть кляксу или чертика, и на стенах пятна, и пол поцарапан.

А тут стали за собой следить, в школе — чистота и порядок. К лету, оказалось, можно школу не ремонтировать. И на эти деньги начали строить бассейн.

Копали котлован, выносили на носилках землю. Устраивали соревнование между парами ребят, звеньями, мальчиками и девочками, между отрядами, пионерами и комсомольцами. Уставали, но было приятно, что работа получается. За короткий срок наши ребята вынули десятки кубометров земли! Потом старшие клали стены, а мы им помогали.

В пионерской комнате вывешивали фоторепортажи, «молнии», чтобы все знали, как идет работа.

Думали, бассейн в школе — несбыточная мечта, а вот получилось!

Сделано в школе № 138

Миша Кириленко из 138-й школы города Челябинска.

Наш шеф, Челябинский радиозавод, помог нам оборудовать мастерскую. И теперь вся наша школа обставлена мебелью, которую мы сделали в своей мастерской.

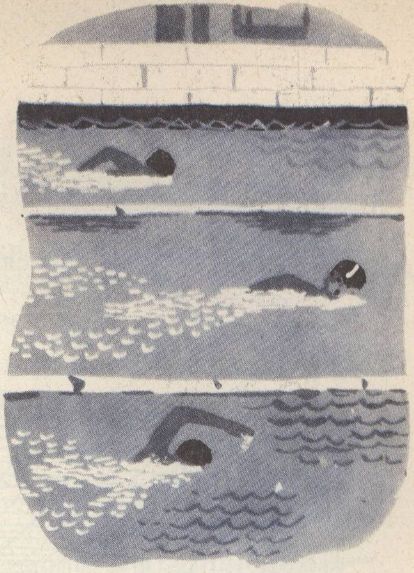
Михаил Гаврилович, учитель по труду, научил нас делать отличные парты, столы, стулья, и мы получаем заказы даже от других школ.

Для всех школьных кабинетов мы смастерили наглядные пособия, кое-какие приборы. На всех партах в кабинетах английского и немецкого языка установили розетки для микрофонов и наушников.

Юнармейцы получили из мастерской деревянное оружие. Для музея боевой славы мы сделали стенды. Детскому саду, с которым дружим, подарили игрушки, лопатки, табуреточки.

На всем, что создано в нашей мастерской, мы ставим штамп «Сделано в школе № 138» и, чтобы не краснеть за свои изделия, стараемся делать хорошо.

Идет разговор на большом общем совете

Обсуждаем опыт харьковчан. О нем рассказано в девятом номере «Пионера».

Цветник у школы

Ирина Михайлова из 211-й школы города Ленинска Казахской ССР

Мы посадили вокруг школы деревья, а потом занялись цветами. В наших местах это нелегко: солнце печет жарко, и нужно очень много воды, чтобы вырастить цветы.

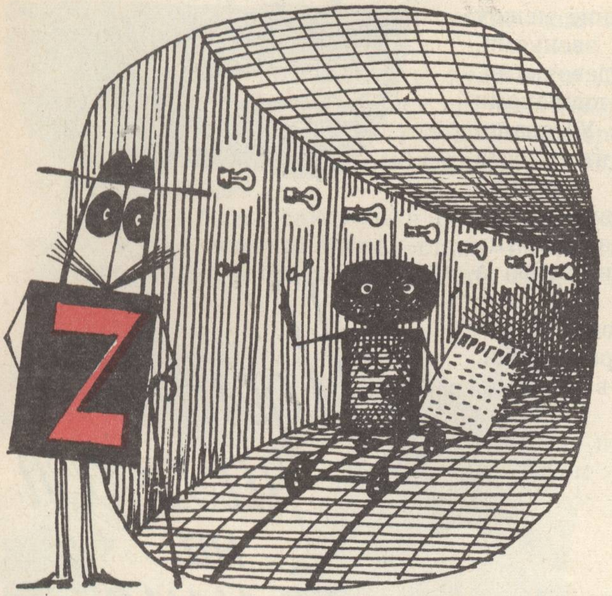
Из парка мы принесли хорошей земли, вырыли вокруг клумб арыки, проложили трубы, по которым к клумбам побежала вода. Посмотрели бы вы, какой цветник теперь возле нашей школы! И знаете, чем больше хорошего делаешь для своей школы, тем больше любишь ее и лучше бережешь.

ЭВМ и НЕИЗВЕСТНЫЕ

834860329347239214579032530143421123697 59

Месяц назад у тебя, читатель, появились знакомые из семейства ЭВМ — Робик и его дедушка БЭМЦ-I. Сегодня мы встретимся с их родственником Постиком.

В ТЕМНОМ КОРИДОРЕ

Сегодня Робик наконец-то пригласил Трех Неизвестных в резиденцию ЭВМ — гигантский Дворец Кибернетики. Строить Дворец начали еще четверть века назад, но до сих пор не могут закончить — то новый этаж прибавляется, то башенка, то целый новый корпус. Дворец, видимо, никогда не будет готов полностью, для каждого нового члена семейства ЭВМ всегда найдется местечко.

— Нам вниз, — сказал Робик.

Когда друзья вышли из лифта, перед ними был длинный полутемный коридор. В сумраке можно было разглядеть рельсы и над ними — лампочки, на равном расстоянии друг от друга, как в метро. Совсем рядом под первой лампочкой Неизвестные разглядели темную фигуру на маленькой тележке.

— Ой, кто это? — воскликнул Икс.

— Мой братец Постик, — ответил Робик, подходя ближе.

Все увидели маленького симпатичного робота, уютно сидевшего на тележке. Тележка стояла на рельсах.

— Постик любит отдыхать в сумраке. А то у него такая иллюминация во время работы! Но он привычный. Получил команды и катается на своей тележке — сколько надо лампочек зажжет, сколько надо погасит.

Зет. Какие же это команды?

Робик. По команде «Сдвинься вправо» или «Сдвинься влево» он переедет к **соседней** правой или **соседней** левой лампочке. По команде «Включи» зажигает лампочку, у которой стоит тележка, по команде «Выключи» — гасит...

— Постик, сдвинься вправо! — крикнул Игрек, но Постик не обратил на него никакого внимания.

— Ничего себе братец! — обиделся Игрек.

Робик. Да ведь Постик, как и наш дедушка, не понимает человеческого языка. Ему нужна программа из отдельных команд, которые записываются на особой карточке. Работу Постик прекращает по команде «Стоп».

Зет. Что же написано на карточке, которую дают Постику? Слова или цифры?

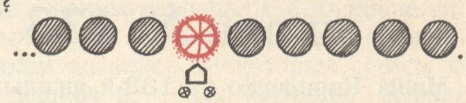
Робик. Когда как. Важно только, что команд немного — всего шесть. Постик легко их «читает» на карточке. «Сдвинься вправо» обозначается вот такой стрелкой →, «Сдвинься влево» ←, «Включи» — ВКЛ, «Выключи» — ВЫКЛ. Команда «Стоп» так и записывается — СТОП. У каждой команды в программе есть свой номер, и обычно Постик выполняет их по порядку — сначала команда (1), потом (2), (3) и так далее. Чтобы не перепутать команды, их разделяют знаком ▨.

Обратите внимание: Постик не складывает, не умножает, как наш дедушка. Он занят как будто совсем другим делом — зажигает и гасит лампочки. Они-то как раз и помогают Постику считать. Сейчас вы это узнаете.

Многие приходят в этот длинный коридор, чтобы понаблюдать, как бегает Постик на своей тележке, усвоить азбуку всех ЭВМ.

Первая лампочка — первые программы

Зет. Сейчас горит только одна лампочка. Посмотри на рисунок — та, у которой стоит тележка с Постиком. Как сделать, чтобы Постик погасил ее и зажег одну слева и две справа?

Икс. Можно, я попробую составить программу?

Он взял у Робика карточку и написал:

/1/ ВЫКЛ. ▨ /2/ ← ▨ /3/ ВКЛ. ▨ /4/ → ▨
/5/ → ▨ /6/ ВКЛ. ▨ /7/ → ▨ /8/ ВКЛ. ▨ /9/ СТОП.

И не успели передать карточку Постику, как тот быстро-быстро задвигался и через несколько мгновений остановился у третьей зажженной лампочки. На этом рисунке начальное положение Постика показано пунктиром.

Робик. Как видите, программу не составишь, если не знаешь, что было раньше: какие лампы уже были зажжены до этого момента, какие погашены, где находился Постик. Ведь он всегда начинает не с пустого места. Будем называть это исходными условиями.

Икс. А я придумал задачу. Условие: все лампы погашены, результат — на третьем рисунке. Как его получить?

Зет. Предлагаю такую программу:

/1/→ ▨ /2/→ ▨
/3/ВКЛ.▨ /4/← ▨ /5/← ▨ /6/← ▨
/7/ВКЛ.▨ /8/→ ▨ /9/→ ▨ /10/СТОП.

Игрек. Десять команд! Можно гораздо короче — восемь команд. Подумайте, как.

А если лампочек 1000000 миллион?!

Робик. Предположим для начала, что зажжены 500 лампочек подряд. Постик стоит у крайней справа, а вы хотите, чтобы он их все погасил. Сколько команд будет в вашей программе? Правильно, 1 000 команд!

Икс. Тысяча команд!!! Проще самому выключить эти лампочки.

Робик. Мне хватит и четырех команд.

Икс, Игрек, Зет (хором). ЧТО?!?

Робик. Четырех команд! Сейчас все увидите. Весь фокус — в последней шестой команде «Условный переход». Она важнее всех для Постика, так же как «Передача управления» для БЭМЦа. По этой команде Постик разглядывает лампочку, у которой стоит тележка. Других лампочек он не видит: очень близорук. А дальше поступает в зависимости от того, горит лампочка или нет. Записывается команда условного перехода так:

ЕСЛИ ⊛, ТО/А/, ИНАЧЕ/В/.

Если лампочка горит, то дальше Постик будет выполнять команду (А), если погашена — то команду (В). Догадался теперь кто-нибудь, как решить мою задачу в четыре команды?

Икс. Вот так:

/1/ВЫКЛ.▨ /2/← ▨ /3/ ЕСЛИ ⊛, ТО/1/, иначе /4/ ▨, /4/ СТОП.

Игрек и Зет. Как просто! А мы-то думали...

Как не сломать Постика

Икс. Что будет делать Постик, если в программе сказано — погасить лампочку, а она уже погашена?

Робик. Увы, Постик сломается, и его придется чинить. Постик ломается, когда его заставляют включать зажженную лампу, выключать погасшую или работать слишком долго — тогда у него перегорают пробки. Это случится, если, например, дать ему такую программу:

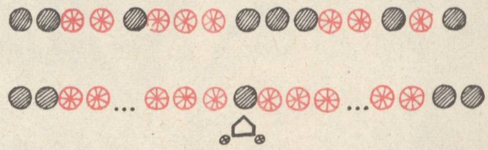
/1/→ ▨ /2/ если ⊛, то /1/ иначе /1/ ▨ /3/ СТОП

Постик в конце каждой программы должен непременно выполнить команду СТОП. Тогда он выключится. Обязательно проверьте свои программы, правильно ли они записаны, не заставляйте умную машину делать бессмысленную работу.

Арифметика на лампочках

Зет. А все-таки зачем лампочки математике? Цифры-то разве Постик записывать не умеет?

Робик. Умеет, только по-своему, тоже с помощью лампочек. Число 0 для него — одна лампочка, число 1 — две лампочки, число 5 — шесть лампочек, число n — n + 1 лампочка. Посмотрите: на нашем рисунке записаны числа 1, 2, 1, 0. Числа у Постика обозначаются горящими лампочками, подряд расположенными между двумя погашенными.

Пусть два числа записаны группами лампочек, разделенными одной погасшей, как на последнем рисунке. Около нее стоит Постик. Как сложить эти числа?

/1/ВКЛ.▨ /2/→ ▨ /3/ЕСЛИ ⊛, то /2/, иначе /4/ ▨ /4/← ▨ /5/ВЫКЛ.▨ /6/← ▨ /7/ВЫКЛ.▨ /8/ СТОП.

Обратите внимание, что я зажег одну лампочку, а выключил две. А почему?

Зет. Как сложить два числа, записанные по разные стороны от Постика? Причем больше нигде нет света.

Икс. Можно дойти до левого из них, погасить лампочку, вернуться к правому и зажечь. А потом опять к левому...

Зет. А что будет, когда ты погасишь последнюю лампу у левого числа? Вернешься к правому, зажжешь лишнюю лампу и пойдешь искать левое число и будешь искать его бесконечно!.. Перегорит Постик-то!

Икс. Значит, дойдя до левого, надо проверить, больше ли одной лампочки осталось. Если больше, то делать, как я говорил, а если только одна лампа осталась, погасить ее и остановиться. Вот программа:

/1/← ▨ /2/ если ⊛, то /3/, иначе /1/ ▨ /3/← ▨ /4/ если ⊛, то /5/, иначе /12/ ▨ /5/→ ▨ /6/ВЫКЛ.▨ /7/→ ▨ /8/ если ⊛, то /9/ иначе /7/ ▨ /9/← ▨ /10/ВКЛ.▨ /11/ если ⊛, то /1/ иначе /1/ ▨ /12/→ ▨ /13/ВЫКЛ.▨ /14/ СТОП.

Как видите, БЭМЦу достаточно было просто сказать: «Сложи два числа»,— и он складывал любые числа. А чтобы Постик сложил даже 2 + 2, нужна большая программа — 14 команд! Зато теперь мы можем научиться выполнять арифметические действия только с помощью Постика и лампочек!

В заключение попробуйте решить вот эту задачу:

Постик стоит между записями двух чисел. Вычтите из большего меньшее. Подумайте, как умножить.

Громче грянь, баскетбольный салют!

Все снимки — на этой странице и на обороте тоже — сделаны в Ташкенте.

Мы давно уже собирались рассказать о юных спортсменах этого города. Здесь для ребят построено много игровых площадок, спортзалов, много работает всевозможных секций. Волейболисты, легкоатлеты — это уж, как говорится, само собой разумеется. Удивительно вот что: звенят в пропитанном солнцем Ташкенте коньки! Кружатся, порхают над серебряным озером катка фигуристы.

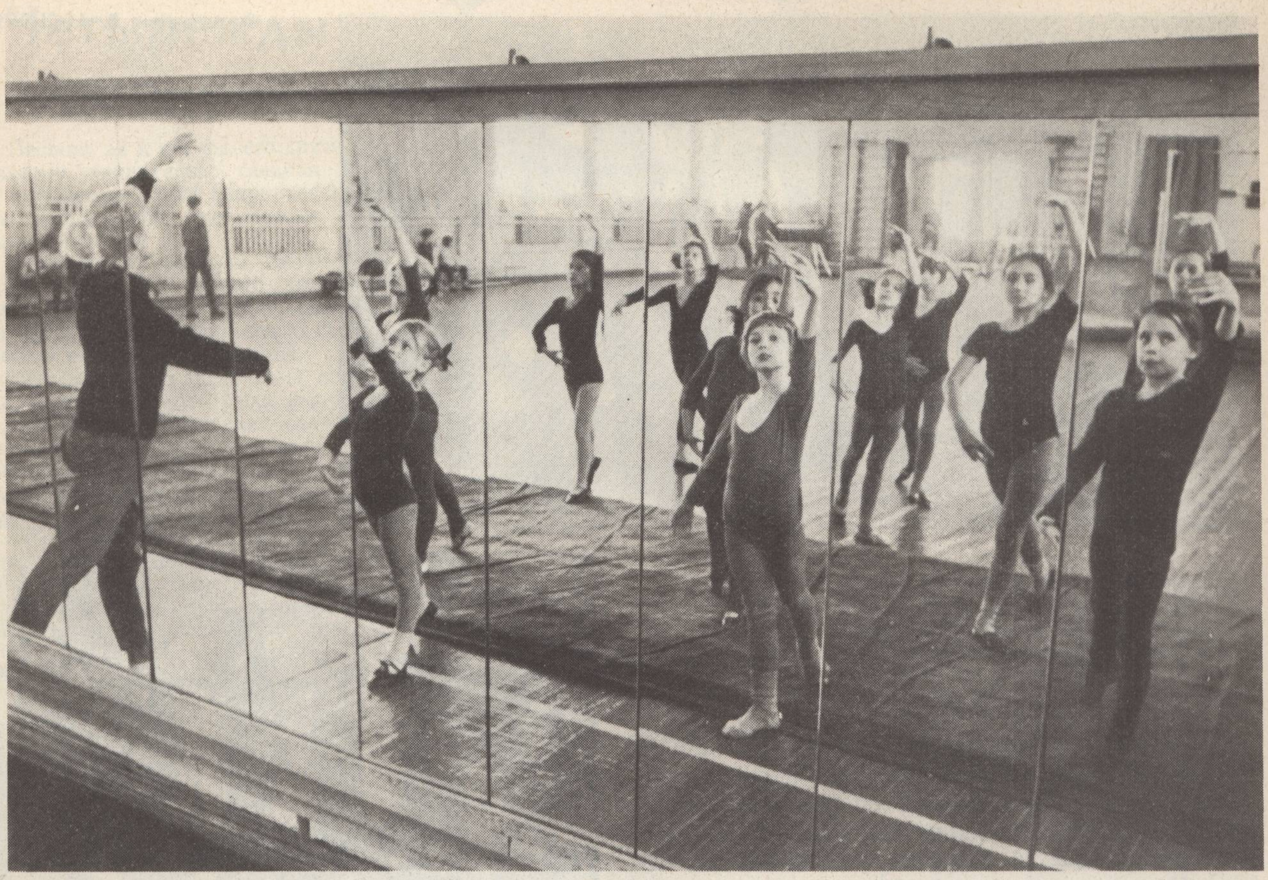
А у бортика уже нетерпеливо сгрудились другие ребята. Эти хотят поскорее постигнуть тайны азартного хоккейного искусства. В городе построен отличный ледовый дворец! Глядишь на него и думаешь: а что, в самом деле, не хоккеисты ли будущего «Пахтакора» сумеют в скором времени обыграть «вечного чемпиона» — команду Тарасова? Может быть...

БЫТЬ СПОРТСМЕНОМ!

В Ташкенте жарко. Одно спасение — каток!

Эльвира Саади, Сергей Диомидов. Мы называем гимнастов, имена которых известны всему миру. А ведь они из Ташкента! Не перед этим ли зеркалом Эльвира Саади отрабатывала свои знаменитые вольные?

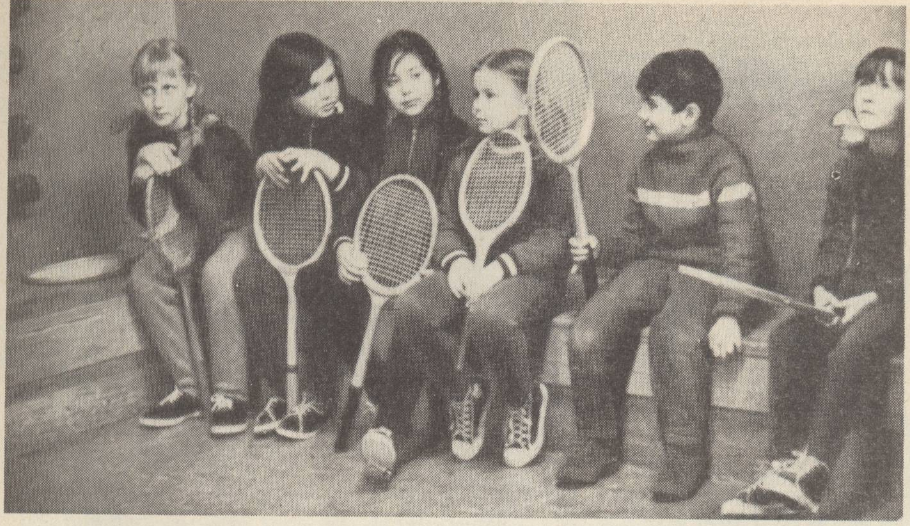
Одну из фотографий этого репортажа мы назвали: «Громче грянь, баскетбольный салют!». Салют в честь кого? Может быть, в честь самого высокого ташкентца Алжана Жармухамедова? Что ж, центровой нашей сборной заслужил это вполне!

«Я точь-в-точь, как Эльвира Саади!..»

Спортивный зал шириной с центральный проспект.

Фотографии В. АРСИРИЯ.

Соперницы — они сидят на разных концах скамейки, Другие ребята болтают себе. А эти две — ни слова. Сейчас ведь начнется их матч...

Кто над нами вверх ногами?

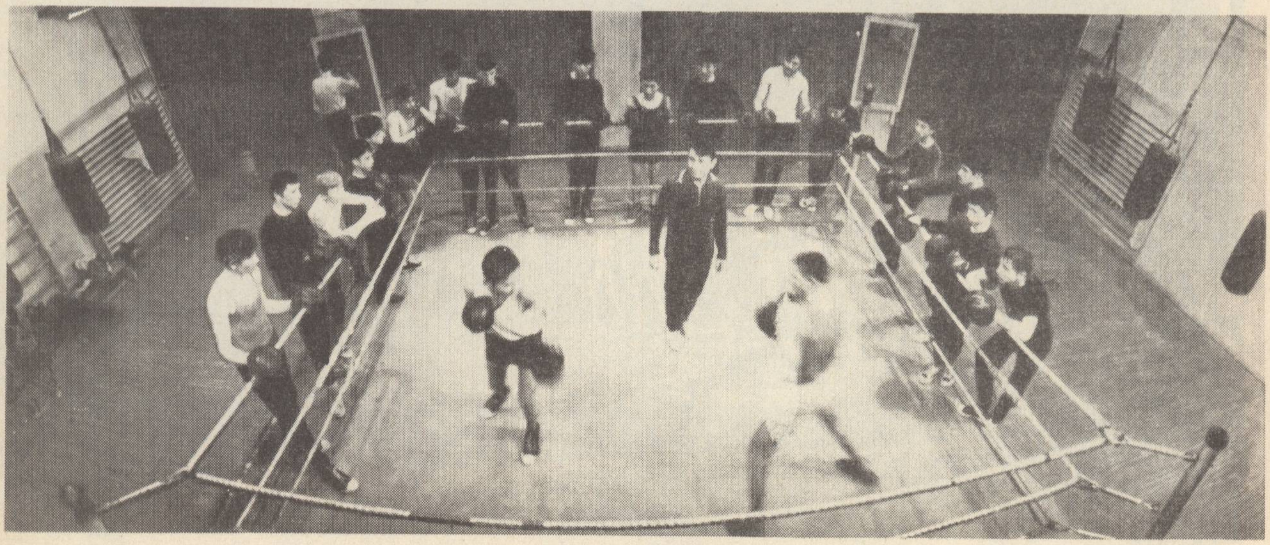

Чемпионы, рекордсмены мира... Чемпионом хотел бы стать каждый! Без этой жажды не существовало бы и самого спорта. Но спорта нет и еще без кое-каких важных вещей. Мы говорим сейчас об упорстве, настойчивости, силе. Как узнать, есть у тебя эти качества или нет? А ты попробуй сдать нормы на значок ГТО. Многое сразу станет ясным.

Все ребята, с которыми ты знакомишься в нашем репортаже, имеют право носить значок ГТО. А ты, читатель, уже сдал свой спортивный зачет? Как проходили эти соревнования у тебя в школе? Или ты еще не сдал нормы? Почему? Когда думаешь сдавать?

Напиши нам!

— Полегче, полегче! Это пока тренировка...

В СТРАНЕ ШАХМАТ — ВЛАДЫКИ ЧЕРНЫХ И БЕЛЫХ ПОЛЕЙ

Четырежды чемпионка

Пешкин, да и все вы, его друзья, наверно, внимательно следили за матчем между Ноной Гаприндашвили, «шахматной королевой», и Аллой Кушнир.

Шахматистки сыграли шестнадцать партий. С самого начала лидером стала Нона Гаприндашвили. Но и Алла Кушнир смело сражалась с грозной соперницей.

Счет матча $8^1/_2 : 7^1/_2$. Силы сражающихся примерно были равны.

Драматическая ситуация сложилась на финише. Чтобы сохранить звание чемпионки мира, Ноне Гаприндашвили одну из двух последних партий надо было закончить вничью. Казалось бы, дело нехитрое, но как труден бывает этот последний, победный шаг!

Перед вами позиция, возникшая в пятнадцатой партии матча. Кушнир — она играла черными — атакует. У белых свой «козырь» — опасная проходная пешка а6.

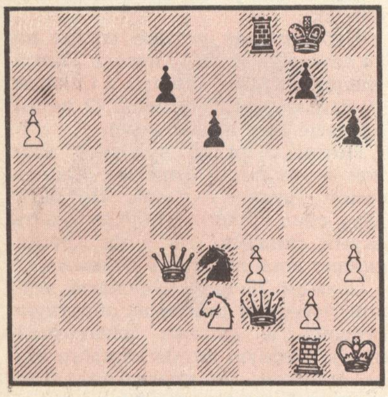

Диаграмма № 1

Игра продолжалась так: 37... Лf8:f3 38. a6—a7! Конечно, плохо было 38. gf Ф : f3+39. Крh2 Кg4+; и белые теряют ферзя. 38... Лf3 : h3 +.

Приходится добиваться вечного шаха. Если 38...Лf8, то очень сильно 39. Фа6.

39. g2:h3 Фf2:f3+40. Кр. h1:h2 Фf3—f2+.

Если теперь 40... Кg4 +, то 41. Л:g4 Ф:d3, и белые превращают пешку a7 в нового ферзя 41. Крh2. h1 Фf2 — f3 +. Ничья.

После этой ничьей Нона Гаприндашвили в четвертый раз была увенчана лавровым венком чемпионки мира.

«Белая ладья» в пути

В пионерских отрядах и дружинах снова начались соревнования клуба «Белая ладья».

Нет такой школы, где ребята не играли бы в шахматы и не хотели бы научиться играть. Поэтому пусть в турнирах участвуют все шахматисты — и те, кто уже проверял свои силы в соревнованиях, и новички.

Составьте план турниров. Начинайте с чемпионатов по отрядам. Если в отряде много желающих играть, разделите их на группы, а потом проведите встречу победителей групп.

Победители отрядных турниров будут играть в финале на первенство дружины. Сильнейшие шахматисты создадут непобедимую сборную вашей дружины.

Кто получит разряд

Если турнир в школе пройдет организованно, то те участники его, которые сыграют не меньше десяти партий, получат спортивный разряд.

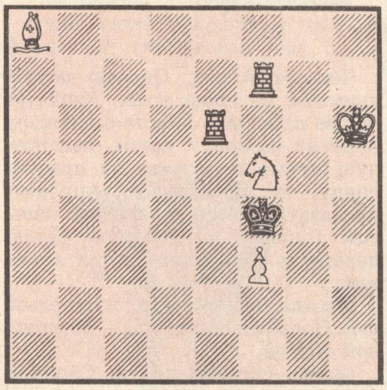

Диаграмма № 2

Новички, набравшие половину возможных очков, получат четвертый разряд. А если у всех участников турнира уже есть четвертый разряд? Тот, кто наберет две трети возможных очков, получит третий разряд.

Упражнения для участников «Белой ладьи»

Ничего нет проще дать мат одинокому королю, атакованному многими фигурами. Но представьте себе, что решающую операцию надо провести точно, быстро, в определенный срок.

Удастся ли вам это? Проверьте свои силы. Решения позиций пришлите Пешкину.

Диаграмма № 2

У черного короля нет ни одного свободного поля, как к нему подступиться, чтобы дать мат в три хода?

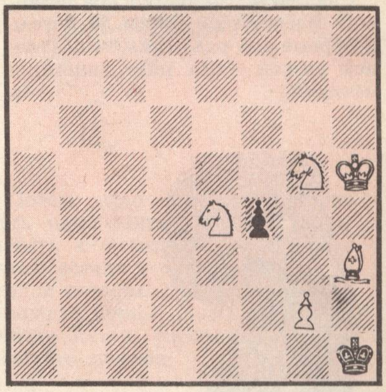

Диаграмма № 3

Не увлекайтесь шахами.

Например, если 1. Ле4+, то после 1... Кр : f3 мата в установленное количество ходов не получится.

Диаграмма № 3

А здесь черный король зажат в угол, на поле h1 надо дать ему мат в четыре хода. Маневрируя конями, будьте осторожны, чтобы не запатовать черных.

Задача Галицкого: 1 Cf7 C : f7 2. efКр. h7 3. f8Л.

Задача № 2 : 1. Cf8

Задача из № 4

Позиция Вити Фаустовича: 1. Ла6 Крh4 2. Лh6±Крg5 3. Лh7 и затем h2—h3, Крh2 и т. д.

Этюд 1. е6 de 2. Кре3 Са2 3. h5 e5 4. h6 Cg8 5. h7 C : h7. Пат.

Задача. 1. Ла 2.

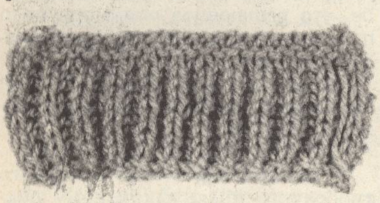
Хороших результатов в решении задач и этюдов добились: **Сережа Гунян** (Ереван), **Леня Копытковский** (Брестская обл.), **Вася Тарасюк** (Харцызск), **Леня Антропов** (Свердловск), **Вася Козырев** (г. Нелидово), **Игорь Дзайнев** (Орджоникидзе), **Витя Урбанович** (Карельская АССР), **Алексей Петров** (Тула), **Толя Сдвижков** (Липецкая обл.).

Академия Домашних

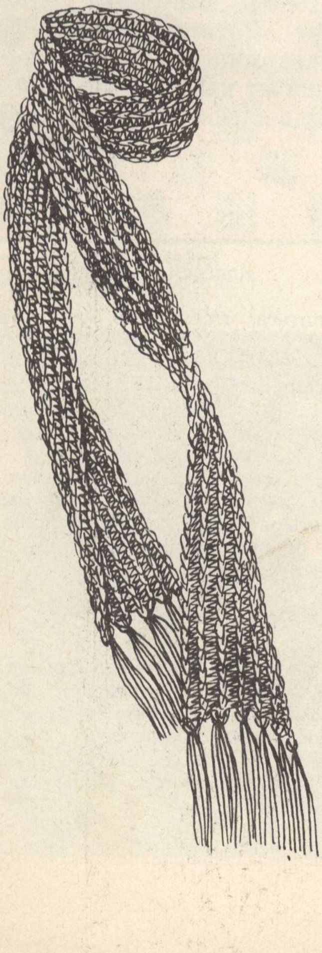
Без носков, варежек, теплой шапочки зимой беда. Ребята в своих письмах просили Калинку научить их вязать. И вот Калинка пригласила замечательную рукодельницу Людмилу Алексеевну Доброхотову. Сегодня Людмила Алексеевна проводит урок вязания.

Шарф

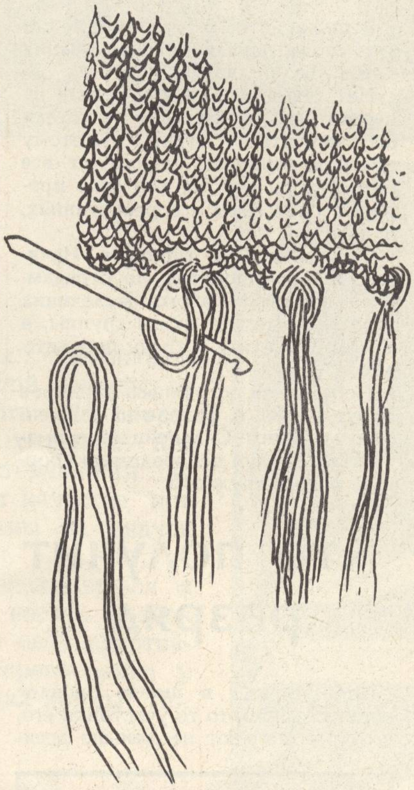
Шарф свяжем из шерсти № [illegible]/3 (100 граммов ее стоит 3 руб. 50 коп.). На шарф понадобится 400 граммов шерсти. Вязать будем спицами № 4 (4 миллиметра в диаметре). Ширина шарфа — 27 сантиметров, длина — 170 сантиметров, вместе с кистями — 2 метра.

Свяжем шарф английской резинкой. Наберем на спицы 50 петель и первые два ряда свяжем платочной вязкой — оба ряда лицевыми петлями.

С третьего ряда начнем английскую резинку. Первую петлю снимаем на правую спицу, не провязывая (первая петля в начале каждого ряда никогда не провязывается). Потом 1 петля лицевая, 1 накид, 1 петлю снимаем на правую спицу, не провязывая; 1 петля лицевая, 1 накид, 1 переснятая и т. д. Последняя петля — лицевая.

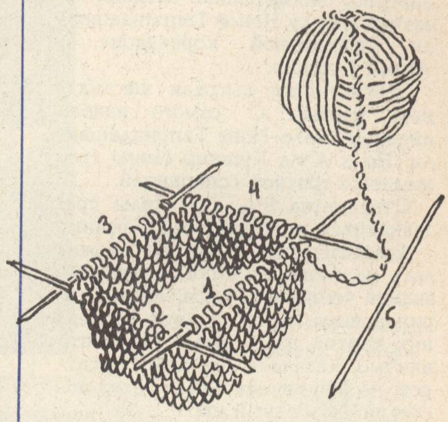
Четвертый ряд. Первую петлю снимаем, не провязывая. Лицевую петлю провязать вместе с накидом лицевой вязкой, 1 накид, изнаночную петлю переснять на правую спицу, не провязывая. Лицевую провязать вместе с накидом лицевой, 1 накид, изнаночную петлю переснять. Последняя петля лицевая.

Дальше вяжем, как четвертый ряд. Последние два ряда — платочной вязкой.

Теперь сделаем кисти. Сложим пасму из пяти-шести ниток длиной 35 сантиметров. Сложим ее пополам и крючком прикрепим к концам шарфа. Кистей сделаем на каждом конце не меньше восемнадцати. Длина кистей такая, как вам нравится.

На кисти идет много шерсти. Если у вас ее мало, сделайте кисти покороче, но не делайте редкими.

Шерсть подберите подходящую по цвету к вашему спортивному костюму.

Носки

Носки вяжут на пяти чулочных спицах.

Наберите на четыре спицы по 14 петель — всего 56 петель. Пятой спицей будем вязать. Свяжем 10 сантиметров резинкой (2 петли лицевые, две изнаночные).

Потом 5 рядов чулочной вязкой — все петли лицевые. Теперь самое трудное — пятка. Петли с двух спиц (28 петель) будем вязать двумя спицами. На двух других спицах пока вязать не будем.

Свяжем 28 петель лицевой вязкой, повернем работу на обратную сторону и свяжем изнаночной и т. д. Первую петлю каждого ряда снимаем, не провязывая. Так свяжем 5 сантиметров.

Теперь наши 28 петель разделим на три части.

Вяжем первую часть — 9 петель, потом вторую часть — 10 петель. Десятую петлю вяжем вместе с первой петлей третьей части. Повернем вязанье на обратную сторону и свяжем средние 10 петель изнаночной вязкой. Первую петлю снимаем, не провязывая. Десятую петлю вяжем вместе с последней петлей первой части.

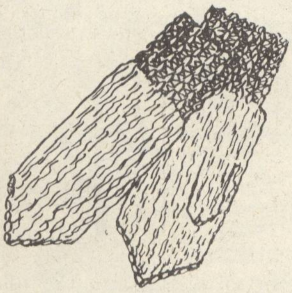
Поворачиваем вязанье на лицевую сторону, вяжем лицевой вязкой. Первую петлю снимаем, не провязывая, десятую петлю вяжем вместе с первой петлей третьей части. Опять поворачиваем вязанье на оборотную сторону. Первая и

Волшебников

третья части у нас будут сокращаться, а в средней все время должно быть 10 петель. Так делаем, пока на спице не останется 10 петель. Пятка готова.

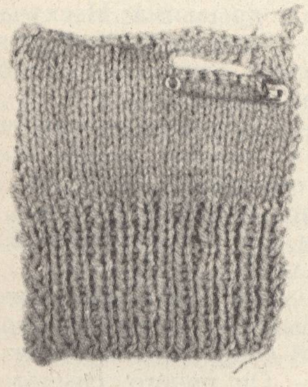
По краям пятки наберем по 12 петель. У нас получится по 12 петель по краям и 10 в середине. Всего 34 петли. Разделим их на две спицы по 17 петель.

Дальше будем вязать опять на всех четырех спицах лицевыми петлями. По бокам носка будем убавлять, пока на всех спицах не останется по 14 петель. Так надо вязать до пальцев, а потом сделаем убавки: в конце каждой спицы 2 петли провяжем вместе. Когда на спицах останется по 2 петли, закрепим их. Так же свяжем второй носок.

Варежки

Варежки, как и носки, вяжутся на пяти чулочных спицах. На четыре спицы наберем по 12 петель. Всего 48. Пятой спицей будем вязать. Начинаем вязать с резинки: 1 петля лицевая, 1 изнаночная или 2 петли лицевые, 2 изнаночные. Свяжем 6 сантиметров резинкой, потом 4 сантиметра — чулочной вязкой (все петли лицевые).

Теперь сделаем отверстие для большого пальца. На первой спице провязать 2 петли, 8 петель снять на английскую булавку. Вместо снятых петель на эту спицу наберем 8 петель и провяжем 2 петли. Дальше свяжем 10 сантиметров чулочной вязкой и начнем делать убавки.

На первой спице 2 первые петли провязываем вместе. Спицу надо вводить с лицевой стороны во вторую петлю и провязать вместе вторую и первую петли в обратном направлении вязания.

На второй спице 2 последние петли провязываем по направлению вязания. На третьей спице 2 первые петли провязываем, как на первой. На четвертой две последние петли провязываем, как на второй. Убавлять будем до тех пор, пока на спицах не останется по 2 петли, тогда их закрепим.

Большой палец. Петли с булавки наберем на спицу и прибавим еще 1 петлю. С другой стороны отверстия на другую спицу наберем 9 петель. Третьей спицей будем вязать 6 сантиметров чулочной вязкой.

Убавлять палец надо, как варежку. Отверстие для пальца правой руки делаем на первой спице, для левой — на второй.

Резинку у варежек и носков можно связать полосатую, из шерсти разных цветов.

Количество петель, набираемых вначале на спицы, может изменяться от толщины шерсти или от полноты рук и ног.

Шапочка

Осенью и зимой вам обязательно понадобится шапочка. Шапочку лучше связать крючком плотной вязкой, столбиками без накида.

Свяжем цепочку из семи петель и закрепим их в колечко. Свяжем в колечко 12 столбиков. Второй ряд по два столбика между каждым столбиком.

С третьего ряда будем делать прибавки через пять столбиков. Свяжем кружок размером 7,5 сантиметра — донышко шапочки. После этого будем вязать без прибавок 10 сантиметров — глубину шапочки.

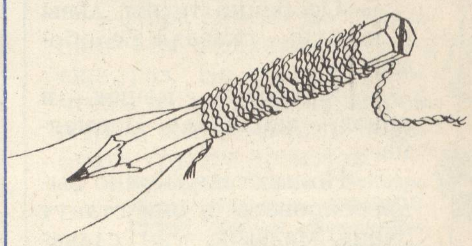
Каждое ушко вяжется отдельно. Спереди расстояние между ушками 25 сантиметров, сзади — 10 сантиметров. Значит, при окружности головы 50 сантиметров ширина ушка будет 10,5 сантиметра, длина ушка 7 сантиметров.

Ушко будем вязать, поворачивая работу на лицо и наизнанку и убавляя в конце каждого ряда по одной петле. Готовую шапочку обвяжем по краю столбиком без накида.

На конце правого ушка сделаем петлю из цепочки. К левому пришьем пуговицу. Шапочку можно украсить кисточкой, помпоном или цветком.

Помпон

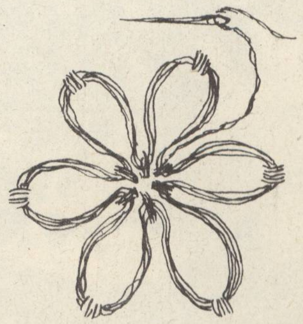
Помпон можно сделать на карандаше. На конце карандаша сделайте зарубку и натяните крепко нитку. Придерживая концы нитки левой рукой, обмотайте карандаш вместе с ниткой шерстью. Чем больше намотать шерсти, тем больше будет помпон.

Потом надо осторожно вытянуть один конец нитки и снять шерсть с карандаша так, чтобы нитки остались в середине намотанной шерсти. Крепко стяните и завяжите концы. Ножницами разрежьте петли, расправьте и подровняйте помпон.

Цветок

Сложите пасму из шести ниток длиной в один метр. На ушке шапочки выложите цветок из пасмы и прикрепите петли к шапочке той же шерстью. Можно оба ушка отделать цветками.

Рисунки А. ВОВИКОВОЙ.

— Вот что, дорогие коллеги,— важно сказала Соберика-Разберика,— вы все были в восторге от цирка. А не пора ли нам создать свой цирк, собрать труппу дрессированных животных и с ними выступать перед читателями?

— Что ж, это прекрасная идея! Это просто здорово! — запрыгала от радости Путешественница. — Я так люблю всех зверей. Они такие симпатичные!

— Особенно тигры, львы и кошки,— сказала Белобока.

— Я боюсь кошек и львов,— заплакала Несмеяна.

— Но их тоже можно выдрессировать, и они станут очень милыми,— не сдавалась Соберика-Разберика.

— Что зря спорить! Давайте голосовать. Кто за то, чтобы в клубе «Сорок сорок» создать свою цирковую труппу и главным дрессировщиком назначить Соберику-Разберику, прошу поднять крылья,— сказала Белобока.

Сороки проголосовали. Воздержалась только Несмеяна.

— Тогда, не теряя времени, летим в зоопарк!

...Сороки приземлились на высоком пригорке.

— Отсюда всех зверей видно! — обрадовалась Нескучайка.

Вдруг почва под сороками заколебалась, и сороки испуганно взмыли в воздух...

—Что это? Землетрясение? — забеспокоилась Несмеяна.

— Не землетрясение, а бегемотиха Грета. Зачем вы уселись ей на спину, она очень не любит, когда ее беспокоят,— услышали сороки спокойный голос черного медведя. Лучше летите ко мне.

— Этот черный медведь нам, пожалуй, подойдет,— шепнула Белобока Соберике-Разберике.— И одет он подходяще. Вон какой у него элегантный фрак.

Черный медведь уселся на толстое бревно и протянул сорокам лапу.

— Из него выйдет прекрасный клоун,— сказала Соберика-Разберика.

— А что, эта ваша Грета кусается? — шепотом спросила Несмеяна, собираясь заплакать.

— У нашей Греты сложный характер. Вот вы приняли ее за гору и думаете, что она неповоротливая. А посмотрели бы вы, как эта громадина плавает, как ныряет: на родине, в Африке, Грету боялись и львы, и крокодилы, и леопарды. У нас, в зоопарке, Грета живет уже тридцать два года, и характер у нее стал намного мягче. Грета у нас большая лакомка: очень любит, когда ей в пасть бросают сладкую булочку или колобок из вареной картошки.

— Если ее боятся и крокодилы, и львы, и леопарды, то зрителей она и подавно испугает. Нет, Грета нам не подходит,— твердо сказала Белобока.

— Посмотрите, посмотрите, какую стойку на голове делают эти утки! — захлопала крыльями Нескучайка.— Запиши их, Разберика, в свой список акробатов-эквилибристов.

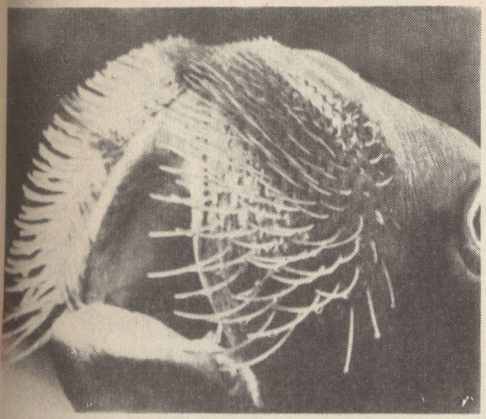
— Ой, как долго они стоят на голове! Только вряд ли они смогут так стоять на ковре в цирке. Наверно, и они нам не подойдут. Как жалко!

— Про меня вы совсем забыли? — пробасил огромный добродушный морж.

— Он ничего, симпатичный! — заулыбалась Нескучайка.— И какой модник... Вон у него какие усищи!

— Да это же самый знаменитый морж Барон. Он единственный из всех моржей, который живет в зоопарке вот уже двенадцать лет. Он научился переносить тридцатиградусные морозы и тридцатиградусную жару.

— Простите, а что вы умеете делать? Вы умеете прыгать через огненное кольцо? Кувыркаться? Делать стойку? Ходить по канату? Жонглировать? — спросила Любопытная сорока.

— Нет, не знаю, пока что не пробовал,— скромно ответил Барон.

Заглянув ему в пасть, Любопытная сорока почему-то решила прекратить свои расспросы.

— Давайте лучше попробуем приручить вот этого черного грифа,— предложила Непонимайка.— Он, наверно, перевоспитался в зоопарке и стал добрее. Представляете, как будет эффектно, когда я выйду с ним на арену. Гриф у меня, как маг и волшебник, будет показывать фокусы и сражаться на шпагах.

— Смотри, как бы он и тебя нечаянно не проткнул шпагой. Мне тебя так жалко!— зарыдала Несмеяна.

Все сороки поторопились уйти от клетки.

— Лучше нам взять розового пеликана. Он куда приветливее... и безопаснее,— добавила Белобока.— Он будет у нас кататься на роликовых коньках. Я слышала, что в одном цирке даже из обыкновенного петуха сделали прекрасного фигуриста.

— Но как же он будет жить на суше? И сколько рыбы ему нужно! Придется нам организовать из сорок рыболовецкую бригаду,— сказала Всезнайка.

— Наверно, он нам тоже не подойдет,— грустно добавила Несмеяна. — Очень трудно подобрать труппу...

— Перестань реветь! Подобрать труппу — дело нелегкое. Зато сколько теперь у нас знакомых в зоопарке! — успокоила ее Белобока.— Они нам тоже помогут. Мы прилетим сюда еще раз, и звери покажут нам, что они умеют делать.

— Привет! Привет! Пора обедать!

Это яркий попугай Корро подлетел к сорокам.

— Чем же вас угостить, гости дорогие? — спросила повар зоопарка Софья Андреевна.— Суп? Кашу? Салат? Компот? Может быть, кусочек рыбы или мяса? Сено и свежие ветки? Ягоды? Грибы? Орехи? — И она протянула сорокам меню, в

котором было больше полутысячи блюд.

— Нет, нет,— скромно ответила Белобока.— Мы, если можно, попробуем вот этот крупяной пудинг. Вы для кого его приготовили? Ах, для обезьян?

...Только поздно вечером, когда жители зоопарка стали укладываться спать, сорок сорок устало взмахнули крыльями.

— Пора домой! До свидания! Мы прилетим к вам еще раз. Не может быть, чтобы из двух тысяч зверей и птиц мы не смогли подобрать труппу артистов.

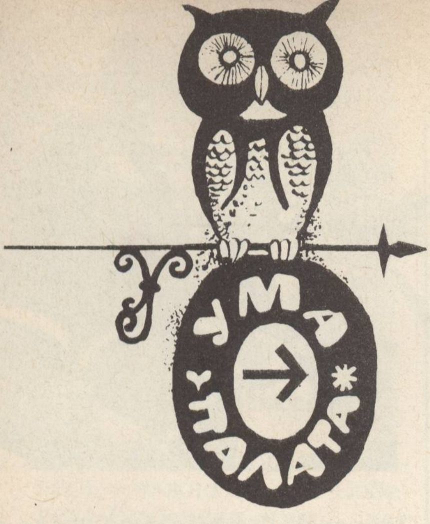

Пригласил сорок в зоопарк Игорь Петрович СОСНОВСКИЙ. Зверей сфотографировал Владимир ПОСТНИКОВ. Записала встречу Н. ЕЛИСТРАТОВА.

Ответственный дежурный
Никита РАЗГОВОРОВ

Записки капитана Перо-86

Похищена коллекция

1. Ночью из клуба резинок была похищена коллекция марок. На месте преступления нашли записную книжку, на ней две буквы — «З. К.». Наверно, это чьи-то инициалы.

Подозрение пало на зеленого карандаша, который бесследно скрылся.

2. Через шесть месяцев зеленый карандаш неожиданно объявился. Он пришел ко мне и очень возмущался тем, что его обвиняют в краже.

— Коллекцию похитили ночью,— сказал он,— а я поездом в двадцать ноль-ноль уехал на Чертежные озера. Там я отдыхал все это время. Мои слова может подтвердить перочинный ножик.

3. — В этот вечер я отправился на своей машине на станцию,— сказал мне перочинный ножик.— Я зажег фары и увидел зеленого карандаша — он шагал по дороге с рюкзаком за плечами. Я притормозил, посадил его в машину, и мы поехали вместе.

Как вы думаете, поверил я перочинному ножу?

СОДЕРЖАНИЕ

Ключ к номеру 1
Жизнь и мечта Ивана Моторихина.— Повесть А. Крестинского. Продолжение. Рисунки Б. Гуревича 2
Горная река. Песня о храбром джигите. Вольные ветры. Девочка из Мензелинска.— Стихи М. Джалиля. Перевел с татарского Ю. Кушак. Рисунки Ю. Карповой . . . 14
Обрез. Предатель. «Пленник». Две телеграммы.— Рассказы А. Гайдара. Рисунки Е. Медведева 16
Международный пионерский клуб «Товарищ» 23
Каждый читает по-своему.— Н. Долинина. Рисунки Ю. Карповой 26
Взрыв водорода.— Рассказ В. Катаева. Рисунки Е. Медведева . 29
Степь за порогом.— Детские песни разных народов. Пересказал Л. Яхнин. Рисунок И. Урманче 33
Что нам читать? 34
Земля слушает Вселенную 38
«Кораблик».— Перевел с украинского Ю. Хазанов 46
Дом, в котором ты живешь.— Л. Яхнин. Рисунки Н. Доброхотовой 48
Пароль — Надежда.— Повесть З. Воскресенской. Продолжение. Рисунки С. Трофимова 54
Школа умелых хозяев
Олени ходят босиком.— Л. Матвеева. Рисунки А. Борисова . 67
Встречи с Тремя Неизвестными.— А. Орлов, А. Розенталь. Рисунки Б. Кыштымова 70
Быть спортсменом.— Фото В. Арсирия 72
В стране шаха — владыки черных и белых полей.— Международный мастер М. Юдович 75
Академия домашних волшебников.— Л. Доброхотова. Рисунки Н. Доброхотовой 76
Клуб «Сорок сорок» 78
Ума палата. Ответственный дежурный Никита Разговоров. Рисунки А. Вовиковой 80
На обложке:
Строим дом. Рисунок Б. Кыштымова.

Главный редактор С. А. ФУРИН.

Редакционная коллегия:

О. И. ГРЕКОВА, В. К. ЖЕЛЕЗНИКОВ, Н. В. ИЛЬИНА, Е. Л. КОВАЛЕНКО (ответственный секретарь), **Ф. В. ЛЕМКУЛЬ, В. Ф. МАТВЕЕВ** (заместитель главного редактора), **С. В. МИХАЛКОВ, А. С. НЕКРАСОВ, В. И. ОРЛОВ, В. А. ПОДДУБНАЯ, М. П. ПРИЛЕЖАЕВА, С. Ю. САХАРОВА** (главный художник), **Э. С. СОКОЛОВА.**

Адрес для писем: 101 459. Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж. Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Макет **А. А. БОРИСОВА.**

Технический редактор
В. В. ВАНТРУСОВ.

Сдано в набор 1/VIII 1972 г. А 00967. Подписано к печати 4/IX 1972 г. Формат бумаги 84×60¹/₈. Объем 9,33 усл. печ. л. 11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2065. Заказ № 3301.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.